

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 20, 2025

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2025

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

*Забияко
Анна Анатольевна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Егоров
Константин Борисович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Меҳриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 20, 2025

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryantovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

Ivashkevich Ph.D. (Philology), Associate Professor
Irina Nikolaevna (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 7–12.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 7-12.

Научная статья

УДК 903

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-7-12

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Мария Евгеньевна Шмырина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
shmyrina_me@pspu.ru

Аннотация. В рамках археологического изучения средневекового Пермского Предуралья было встречено значительное количество костяных изделий, среди которых стало возможным выделить предметы досуга. В представленной работе рассмотрены костяные изделия, необходимые для настольных игр. В эпоху средневековья в Прикамье единственными настольными играми, которые фиксируются по археологическим данным, являются шахматы и шашки. За годы раскопок поселенческих памятников было встречено четыре предмета, которые относятся к настольным играм. Две шахматные фигуры были найдены на городище Анюшкар, одна фигура относится к материалам Рождественского городища. Шашки встречены исключительно при раскопках Искорского городища. Шахматные фигуры имеют абстрактную форму, что позволяет нам относить их к арабскому типу шахмат. Среди фигур выделяются король или ферзь, пешка. Встреченная костяная шашка может являться атрибутом, как для самой игры в шашки, так и фишкой для игры в «мельницы». Даже небольшая численность находок шашек и шахмат может свидетельствовать о наличии городской игровой культуры у средневекового прикамского населения. Малое количество предметов может говорить об их отношении не к финно-угорскому населению Прикамья, а к игровой культуре болгар, проживающих в Пермском Предуралье или приехавших для торговли. Несмотря на существующие широкие аналогии предметов с древнерусскими материалами невозможно сделать вывод об именно древнерусском пути проникновения настольных игр на территорию Прикамья. Наиболее вероятно, шахматы находят распространение среди средневекового населения Пермского Предуралья благодаря контактам с Волжской Булгарией.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, средневековье, костяные предметы, шахматы, шашки.

Для цитирования: Шмырина М. Е. Настольные игры средневекового населения Пермского Предуралья // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 7–12. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-7-12>

Original article

TABLE-TOP GAMES OF THE MEDIEVAL POPULATION OF THE PERM PRE-URALS

Maria E. Shmyrina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, shmyrina_me@pspu.ru

Abstract. As part of the archaeological study of the medieval Perm Per-Urals, a significant number of bone products were found, among which it became possible to identify leisure items. In the presented work, bone products necessary for board games are considered. In the Middle Ages in the Prikamye, the only table-

top games that are recorded according to archaeological data are chess and checkers. Over the years of excavation of settlements, four objects that relate to table-top games have been found. Two chess pieces were found at the Anyushkar hillfort, one piece belongs to the materials of the Rozhdestvensky hillfort. Checkers were found exclusively during the excavations of the Iskor hillfort. Chess pieces have an abstract shape, which allows us to refer them to the Arabic type of chess. The king, queen, and pawn stand out among the pieces. A bone checker can be an attribute for the game of checkers itself, as well as a chip for the game of “mills”. Even a small number of finds of checkers and chess may indicate the presence of an urban gaming culture among the medieval Perm population. The small number of objects may indicate their relationship not to the Finno-Ugric population of the Kama region, but to the gaming culture of the Bulgars living in the Perm Per-Urals or who came to trade. Despite the existing broad analogies of objects with Ancient Rus materials, it is impossible to draw a conclusion about the Ancient Rus way of penetration of board games into the territory of the Perm Per-Urals. Most likely, chess is widespread among the medieval population of the Permian Urals due to contacts with Volga Bulgaria.

Keywords: Perm Per-Urals, Middle Ages, bone objects, chess, checkers

For citation.: Shmyrina M. E. Table-top Games of the Medieval Population of the Perm Pre-Urals *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:7-12. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-7-12>

Введение

В эпоху Средневековья настольные игры могли являться достаточно популярным средством проведения досуга. К сожалению, для территории Пермского Предуралья практически полностью отсутствуют письменные источники, которые могли бы указывать на конкретные игровые практики, используемые средневековым населением. Сделать вывод о досуге жителей Прикамья возможно исключительно по археологическим данным. Среди средневековых настольных игр Пермского Предуралья можно выделить шахматы и шашки, фигуры к которым были встречены в материалах поселенческих памятников.

Основная часть

Первые свидетельства появления шахмат происходят из Индии, где прототип современной игры появился в начале нашей эры, и именовался «Чатуранга» [Линдер 1975: 14]. С течением времени шахматы распространяются на территории всей Азии, а в X–XI вв. появляются и в Западной Европе [там же: 30]. Широкое распространение в Древней Руси шахматы получают не позже X–XI вв. [там же: 55]. Существует множество теорий появления шахмат и шашек в Европе. На территории Руси игра могла распространиться благодаря взаимодействию с государствами Средней Азии, с Руси шахматы распространились на население Волжской Булгарии и Предуралья. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой шахматы проникли первоначально в Предуралье и Поволжье, а оттуда благодаря торговым связям попали в Древнюю Русь [там же: 57]. Возможно, что распространение игры в X–XI вв. происходило параллельно как в Волжской Булгарии, так и в Западной Европе [Руденко 2005: 75].

В то же время, современные исследования показывают, что шахматы появляются в Булгарии значительно позже. Большинство известных болгарских шахматных фигур близки к абстрактным шахматам арабского типа, который сформировался на Востоке к IX в., и относятся к золотоордынским слоям XIII–XIV вв. [Бадеев 2017: 29]. Распространение шахмат и шашек на территории Пермского Предуралья можно связывать как с болгарским влиянием, так и с прямым взаимодействием с Ираном и Средней Азией. За годы раскопок на территории Пермского Предуралья было встречено три предмета, интерпретируемые как шахматные фигуры, и один предмет, именуемый шашкой. Поскольку фигуры выполнены абстрактно и не имеют каких-либо антропоморфных черт, при отсутствии письменных источников невозможно точно соотнести встреченные предметы с конкретными шахматными фигурами. Можно лишь предполагать о значении того или иного предмета в соответствии с аналогиями, обнаруженными в Восточной Европе и Средней Азии. Нам неизвестен язык средневекового населения Пермского Предуралья, поэтому невозможно

установить названия шахматных фигур, используемые в рассматриваемый период. Зачастую для обозначения фигур в науке используются более поздние термины, общепринятые и в современности: король, ферзь, ладья, конь, слон, пешка [Рыбина 1997: 111]. В данной работе также используется данный принцип.

Рис. 1. Костяные предметы для настольных игр. 1,2 – городище Анюшкар, 3 – Рождественское городище, 4 – Искорское городище.

Две шахматные фигуры были найдены на городище Анюшкар. Городище, расположенное в непосредственной близости от д. Кыласово в Ильинском городском округе Пермского края, одно из немногих, название которого сохранилось в устных преданиях коми-пермяков [Ожегова 1971: 45]. Стационарные раскопки проводились в 1951–1955 гг. под руководством О. Н. Бадера, а затем В. А. Оборина, в 1989–1991, 1993 гг. под руководством Г. Т. Ленц и А. А. Терехина. В 2024 г. продолжено исследование поселения под руководством Н. Б. Крыласовой. Всего вскрыто 4600 м². Городище датировано X–XV вв., его расцвет пришелся на XI–XII вв. Общая площадь памятника по одним данным составляет 16 000 м², по другим около 20 000 м² [Сарапулов 2015: 142]. В культурном слое городища была встречена одна из наиболее богатых коллекций костяных изделий на территории Пермского Предуралья.

Первая шахматная фигура с городища Анюшкар выполнена в виде короны (Рис. 1.1). Основание предмета каплевидное, на вершини насчитывается семь зубцов. Данная фигура, вероятно, может являться королем. Традиционно считается, что абстрактная фигура короля выглядит как простой усеченный конус с биконическим завершением. Такая форма получает повсеместное распространение в Восточной Европе к XIV в. [Рыбина 1991: 93]. Рассматриваемое изделие из материалов городища Анюшкар не соотносится со стандартными представлениями о форме фигуры короля. Вполне вероятно, что прикамские шахматные фигуры могли быть адаптированы в процессе постепенного распространения игры на территории Пермского Предуралья, а существующие традиционные формы изменены на более простые в изготовлении. Нельзя исключать и интерпретацию данного изделия как навершия составной или сборной рукояти. Второй предмет, интерпретируемый как шахматная фигура, также представлен в материалах городища Анюшкар (Рис. 1.2). Предмет фрагментирован, выполнен в виде широкого усеченного конуса. В верхней части изделия по центру присутствует углубление, формирующее кольцо по диаметру предмета, в нижней части прочерчены линии, параллельные основанию фигуры. Аналогичные по форме шахматные фигуры известны в материалах средневекового Новгорода [Рыбина 1991: 92], Ростиславля Рязанского [Бадеев 2007: 232], Старой Руссы [Колосницын 2018: 5], где интерпретируются, как ферзь или король. При абстрактном изображении эти две фигуры в арабской традиции имеют одинаковую форму [Рыбина 1991: 93]. Вероятно, рассматриваемый предмет также можно относить к королю или ферзю.

В материалах Рождественского городища в единственном экземпляре была встречена шахматная фигура (Рис. 1.3). Рождественское городище расположено на площадке над р. Обва (правый приток р. Кама) возле села Рождественск. Городище упоминается в

документах XVII – первой половины XIX вв. Впервые осмотр памятника и сбор материала был проведен А. Е. Теплоуховым в 1869 г. Первое археологическое изучение было произведено Н. Н. Новокрещенных в 1897 г. В 1981 г. раскопки городища предприняты Ю. А. Поляковым, а дальнейшие археологические изыскания здесь проводились под руководством А. М. Белавина в 1985 г., 1990 – 1993 гг. и Н. Б. Крыласовой в 1997 г., 2008 – 2012, 2014 – 2023 гг. По результатам раскопок городище датировано X–XIV вв. [Крыласова 2021: 170]. Шахматная фигура имеет цилиндрическую форму с овальным основанием, на средней части предмета присутствуют уступы, за которыми следует сужение. Вершина фигуры выполнена в виде подквадратного выступа. Аналогичные предметы в ряде работ по исследованию материальной культуры Волжской Булгарии обозначены как пешки [Закирова 1988: Рис. 103]. В то же время шахматные фигуры, именуемые пешками, зачастую имеют форму усеченного цилиндра или конуса с закругленным или срезанным верхом [Рыбина 1997: 113]. В данном случае, шахматная фигура Рождественского городища, вероятно, аналогична болгарским, и может происходить из Волжской Булгарии.

Последним изделием, которое можно отнести к категории настольных игр, является шашка, обнаруженная на Искорском городище (Рис. 1.4). Городище Искор находится в 5 км от села Искор Пермского края. Первые исследования на городище провел С. И. Сергеев в 1895 г. В 1898 г. городище осмотрено Н. Н. Новокрещенных. Археологическое изучение памятника было проведено И. А. Талицкой в 1947 г. В 1957, 1975–1976, 1980 гг. памятник исследовался под руководством В. А. Оборина. В 2001, 2003–2008 гг. городище раскапывалось П. А. Корчагиным. В 2020–2021 гг. исследования на памятнике проводились под руководством С. В. Скорняковой. В ходе раскопок были выявлены как средневековые комплексы, относящиеся к родановской археологической культуре (XI–XIV вв.), так и комплексы, относящиеся к периоду ранней русской колонизации Верхнего Прикамья (XV–XVI вв.) [Скорнякова 2020:45].

Шашка с Искорского городища выполнена в виде круглого плоского диска с выточенными рельефными концентрическими кругами на верхней поверхности предмета. Шашки подобной формы известны на территории Волжской Булгарии [Закирова 1988: 233], в материалах таких древнерусских поселений, как Старая Русса [Колосницын 2018: Рис. 4], Ростиславль Рязанский [Бадеев 2007: 232], Суздаль [Баранов 2022: 171]. Имеющие аналогичную форму и оформление шашки находят широкое распространение на территории Европы. Ряд исследователей именует такие предметы фишками для игры в «мельницу». В ходе игры игрокам необходимо сначала выставить фишки на пересечения линий разметки игрового поля, а затем передвигать их по полю для построения ряда из трех фишек – «мельницы» [Душенко 2016: 225]. Также не стоит отрицать вариант использования шашки Искорского городища для традиционной игры в шашки. С учетом отсутствия четкой датировки культурного слоя, в котором был найден предмет, можно связывать его нахождение с периодом русской колонизации Верхнего Прикамья, когда игра в шашки могла найти наибольшее распространение.

Заключение

За время длительной истории археологического изучения средневековых памятников Пермского Предуралья было встречено всего четыре изделия, которые можно интерпретировать как предметы для настольных игр. Среди предметов для настольных игр можно выделить шахматные фигуры и шашку. Но даже это небольшая численность фигур свидетельствует о наличии городской игровой культуры у средневекового прикамского населения. Малое количество предметов может говорить об их отношении не к финно-угорскому населению Прикамья, а к игровой культуре болгар, проживающих в Пермском Предуралье или приезжавших для торговли. Хотя пермские шахматы и шашки и находят широкие аналогии среди древнерусских древностей, отсутствуют достаточные поводы утверждать, что шахматы попали на рассматриваемую территорию через контакты с Древней

Русью. Шахматные фигуры Прикамья имеют абстрактную форму, что характерно для арабского типа шахмат, который был распространен и на территории Волжской Булгарии, с которой средневековое население Пермского Предуралья тесно взаимодействовало. Вероятно, в Прикамье шахматы появляются в XIII–XIV вв. параллельно с повсеместным распространением среди болгарского населения.

Список литературы

1. Баранов Н. А. Предметы для проведения досуга из кости и плотного рога (по материалам охранных археологических исследований в г. Суздаль в 2008–2020 гг.) // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. 2022. № 12. С. 167–176. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-387-9.167-176 EDN: EGTLAN
2. Бадеев Д. Ю. Появление и распространение шахмат на территории Руси и Волжской Болгарии (по археологическим данным) // *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй*. 2017. С. 27–30. EDN: ZSEYYJ
3. Бадеев Д. Ю. Фигурки настольных игр из Ростиславля // *Археология Подмосковья*. 2007. № 3. С. 229–233. EDN: QXCFVX
4. Душенко А. А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2016. № 21. С. 222–247. EDN: XUZYBL
5. Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. 1988. С. 218–242.
6. Колосницын П. П. Средневековые настольные игры в Старой Руссе по археологическим данным // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2018. № 6 (18). С. 21. EDN: YUNZDN
7. Крыласова Н. Б. Мастерская болгарского ремесленника-медника на Рождественском городище в Пермском крае // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 3. С. 169–185. DOI: 10.24852/2587-6112.2021.3.169.185 EDN: VCNZVW
8. Линдер И. М. Шахматы на Руси. М. : Наука. 1975. 205 с.
9. Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 1971. 132 с.
10. Руденко К. А. Болгарские изделия из кости и рога // *Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды)*. 2005. С. 67–97.
11. Рыбина Е. А. Из истории шахматных фигур // *Советская археология*. 1991. № 4. С. 86–101. EDN: TOJNMH
12. Рыбина Е. А. Шашки, «мельница», шахматы // *Древняя Русь. Быт и культура*. 1997. С. 110–114. EDN: TOJNMH
13. Сарапулов А. Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. 2015. 170 с. ISBN: 978-5-85218-762-8 EDN: WCGQCL
14. Скорнякова С. В. Отчет об археологических раскопках на территории объектов культурного наследия федерального значения «Мелехино I, могильник», «Искорское городище – древнейший центр раннефеодального княжества Перми Великой в XII – XV вв». в Чердынском районе Пермского края в 2020 г. 276 с.

References

1. Baranov N. A. Predmety dlya provedeniya dosuga iz kosti i plotnogo roga (po materialam okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy v g. Suzdal' v 2008-2020 gg.) [Leisure items made of bone and dense horn (based on materials from archaeological research in Suzdal in 2008–2020)]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli* [Archaeology of the Vladimir-Suzdal region]. 2022, no. 12, pp. 167-176. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-387-9.167-176 EDN: EGTLAN
2. Badeev D. YU. Poyavlenie i rasprostranenie shakhmat na territorii Rusi i Volzhskoi Bolgarii (po arkheologicheskim dannym) [The emergence and spread of chess in the territory of Rus' and Volga Bulgaria (according to archaeological data)]. *Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii* [Between East and West: The Movement of Cultures, Technologies, and Empires]. 2017, pp. 27-30. (In Russ.). EDN: ZSEYYJ

3. Badeev D. YU. Figurki nastol'nykh igr iz Rostislavlya [Board game figures from Rostislavl]. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archaeology of the Moscow Region]. 2007, no. 3, pp. 229-233. (In Russ.). EDN: QXCFVX
4. Dushenko A. A. Igral'nye prinadlezhnosti iz kosti i roga iz raskopok Mangupa [Gaming equipment made of bone and horn from the Mangup excavations]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history, and ethnography of Taurida]. 2016, no. 21, pp. 222-247. (In Russ.). EDN: XUZYBL
5. Zakirova I. A. Kostoreznoe delo Bolgara [Bone carving in Bolgar]. *Gorod Bolgar: Ocherki remeslennoi deyatel'nosti* [The City of Bolgar: Essays on Craft Activities]. 1988, pp. 218-242. (In Russ.).
6. Kolosnitsyn P. P. Srednevekoveye nastol'nye igry v Staroi Russe po arkheologicheskim dannym [Medieval board games in Staraya Russa based on archaeological data]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University]. 2018, no. 6 (18), pp. 21. (In Russ.). EDN: YUNZDN
7. Krylasova N. B. Masterskaya bulgarskogo remeslennika-mednika na Rozhdestvenskom gorodishche v Permskom krae [The workshop of a Bulgar coppersmith at the Rozhdestvenskoye settlement in the Perm region]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2021, no. 3, pp. 169-185. (In Russ.). DOI: 10.24852/2587-6112.2021.3.169.185 EDN: VCNZVW
8. Linder I. M. Shakhmaty na Rusi [Chess in Rus']. Moscow, Nauka, 1975, 205 p. (In Russ.).
9. Ozhegova M. N. Komi-permyatskie predaniya o Kudym-Oshe i Pere-bogatyre. Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheski universitet, 1971. 132 p. (In Russ.).
10. Rudenko K. A. Bulgarskie izdeliya iz kosti i roga [Bulgarian bone and horn products]. *Drevnosti Povolzh'ya: epokha srednevekov'ya (issledovaniya kul'turnogo naslediya Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy)* [Antiquities of the Volga Region: the Middle Ages (research into the cultural heritage of Volga Bulgaria and the Golden Horde)]. 2005, pp. 67-97. (In Russ.).
11. Rybina E. A. Iz istorii shakhmatnykh figur [From the history of chess pieces]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. 1991, no. 4, pp. 86-101. (In Russ.). EDN: TOJNMH
12. Rybina E. A. Shashki, «mel'nitsa», shakhmaty [Checkers, "mill", chess]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Ancient Rus': Everyday Life and Culture]. 1997, pp. 110-114. (In Russ.). EDN: TOJNMH
13. Sarapulov A. N. Srednevekovoe zemledelie Permskogo Predural'ya po arkheologicheskim dannym [Medieval agriculture of the Permian Urals according to archaeological data]. 2015. 170 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-85218-762-8 EDN: WCGQCL
14. Skornyakova S. V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii ob'ektov kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Melekhino I, mogil'nik», «Iskorskoe gorodishche - drevneishii tsentr rannefeodal'nogo knyazhestva Permi Velikoi v XII - XV vv». v Cherdynskom raione Permskogo kraja v 2020 g. [A report on archaeological excavations at the federal cultural heritage sites "Melekhino I, burial ground," and "Iskor settlement - the oldest center of the early feudal principality of Perm the Great in the 12th-15th centuries" in the Cherdynsky district of Perm Krai in 2020.]. 276 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Е. Шмырина – ассистент, кафедра Отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

M. E. Shmyrina – Lecturer, Department of National and Universal History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 13–25.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 13-25.

Научная статья

УДК 398.1(=511.132)

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-13-25

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРЕДАНИЙ О ПЕРЕ–БОГАТЫРЕ

Полина Вазыховна Хаярова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
hartnet1@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты изучения преданий о Пере-богатыре, выявляющие сюжетные различия у этнолокальных групп коми-пермяцкого населения Прикамья и южных коми-зырян. Исследование построено с использованием историко-системного, историко-типологического и историко-картографического методов. Проведен анализ исторических записей о Пере-богатыре (преданий, пересказов путешественников, мифов) с учетом влияния этнического и природно-географического факторов, особенностей истории местности на развитие и изменение сюжетов, имени богатыря, появления новых вариантов предания на территории Северного Прикамья. Все записи о Пере–богатыре на начальном этапе проходят отбор по критерию подлинности. После этого они распределяются на исторические и мифологические варианты по критерию историчности, посредством установления или отсутствия определенных сюжетов и мотивов, каждый из которых предварительно исследуется на предмет наличия архаичного мифологического содержания. Исследование выявило несколько дискуссионных сюжетов. Установлена связь между географией собирания, вариантами имени богатыря и сюжетами. Герой Перша (Першин) борется со Строгановыми в вариантах предания, собранных на территории современных Косинского, Кочевского, Юрлинского, Кудымкарского и на севере Гайнского муниципальных округов вдоль упоминаемого в них Чураковского пути. Богатырь по имени Пеля (Перя, Пера) связан с космогоническим и этногоническим мифами, где выступает в роли первопредка и солнцеборца. В его честь согласно преданиям дано наименование народу и местности. Локализация этих сюжетов – территории современных муниципальных округов севера Коми-пермяцкого округа, Красновишерского муниципального округа и южных районов республики Коми. Такая же география собирания наблюдается у сюжетов с перебрасыванием камней, окаменением, самопогребением. В преданиях с сюжетами, содержащими архаичный мифологический пласт (борьба с лешими, водяными), фигурирует кайско-юксеевский путь. Произведено картографирование географии записей о Пере–богатыре вдоль обоих упоминаемых путей. Показано влияние дорог на распространение преданий.

Ключевые слова: классификация преданий, сюжет, первопредок, миф, чураковский путь, кайско-юксеевский путь.

Для цитирования: Хаярова П. В. Историческая география преданий о пере–богатыре // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 13–25. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-13-25>

Original article

THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE LEGEND OF PER-BOGATYR

Polina V. Khayarova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, hartnet1@rambler.ru.

Abstract. The article presents the results of the study of the legends of the Per-Bogatyr, revealing the plot differences between the ethnolocal groups of the Komi-Permyak population of the Kama region and the southern Komi-Zyryans. The research is based on the use of historical-systemic, historical-typological and historical-cartographic methods. The analysis of historical records about the hero-hero (legends, retellings of travelers, myths) is carried out, taking into account the influence of ethnic and geographical factors, the peculiarities of the history of the area on the development and change of plots, the name of the hero, the emergence of new variants of legend in the Northern Kama region. At the initial stage, all records about the Hero are selected according to the criteria of authenticity. After that, they are divided into historical and mythological variants according to the criterion of historicity, through the establishment or absence of certain plots and motifs, each of which is preliminarily examined for the presence of archaic mythological content. The study revealed several controversial topics. A connection has been established between the geography of the gathering, the variants of the hero's name and the plots. Persha's hero (Pershin) fights the Stroganovs in versions of the legend collected on the territory of modern Kosinsky, Kochevsky, Yurlinsky, Kudymkarsky and in the north of Gaynsky municipal districts along the Churakovsky Way mentioned in them. A hero named Pelya (Perya, Pera) is associated with cosmogonic and ethnogonic myths, where he acts as the forefather and the sun fighter. According to legend, the name of the people and the area is given in his honor. The localization of these plots is the territories of modern municipal districts of the north of the Komi-Permyak district, Krasnovishersky municipal District and the southern regions of the Komi Republic. The same geography of gathering is observed in the scenes of stone throwing, petrification, and self-burial. The Kaisko-Yukseevsky way appears in the legends with plots containing an archaic mythological stratum (the fight against goblins, water goblins). The geography of the records of the Hero Crossing was mapped along both of the mentioned paths. The influence of roads on the spread of legends is shown.

Keywords: classification of legends, plot, ancestor, myth, Churakovsky way, Kaisko-Yukseevsky way.

For citation:. Khayarova P. V. The Historical Geography of the Legend of Per-Bogatyr. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:13-25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-13-25>

Введение

Исследование исторических записей о Пере богатыре, в котором Пера – богатырь выступает в качестве существовавшей исторической личности, о его деятельности как исторической фигуры, актуально. Поскольку фольклорная тематика связана с вопросами «этнической идентичности, преемственности народного опыта, заметно возрастание интереса к историческому прошлому, к архаике среди финно-угорских народов России» [Конюхов 2008: 74–75], то изучение преданий, представляющих историческую память этноса, фиксирующих значимые события для всех поколений, востребовано.

Цель данной работы заключается в выявлении локальной специфики преданий о Пере-богатыре (сюжетов, топонимии, антропонимии, характерных для конкретных территорий, Пермского края от Кунгурского на юге, до Красновишерского района и Коми-пермяцкого автономного округа на севере, южными районами современной Коми республики). У преданий как жанра устного народного творчества нет конкретного автора. Важным требованием к варианту предания соответствия критерию оригинальности для проведения исследования является точное описание географии его записи, данных о личности информанта.

Такой показатель подлинности является первым параметром отбора записей для проведения картографирования. Примерами оригинальных объемных и информативных трудов являются работы Д. И. Гусева «Пера богатырь» [Гусев 1956: 71–100], М. Н. Ожеговой «Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре» [Ожегова 1971: 51–132]. В труд М. Н. Ожеговой вошли предания из книги Д. И. Гусева. Исследователь обозначила место фиксации, личность информанта, его возраст и иногда его место рождения.

Ю. Г. Рочев в книге «Коми легенды и предания» в качестве географии сбора обозначил Усть-Куломский район республики Коми [Рочев 1984: 38–41], что может усложнить картографирование. В. В. Климов «Заветный клад. Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия» литературно переработал труд Д. И. Гусева [Заветный 1997: 8,218–234], не указав географию, что исключает использование в исследовании.

В. А. Оборин в работе «Соотношение легенд о чуди с Коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа» не уточнил место фиксации предания, в котором присутствовал сюжет самопогребения [Оборин 1974: 120]. Схожие по содержанию варианты представили в своих работах исследователи: Т. Г. Голева (она ссылается на личные архивы полевых материалов, собранных в Кочевском и Косинском районах) [Голева 2024: 76, 82] и С. Ю. Королева [Камень 2024: 225, 244–275], тщательно описавшая информантов и географию собиранья.

Если текст о Пере-богатыре состоит из полностью скопированного когда-то опубликованного этнографом варианта предания, но при этом нет указания на сборник (что характерно для современных газет и журналов [Сивкова 2013: 4–5]) или на носителя, если вариант предания публикуется впервые, то он не может быть использован в исследовании.

Произведение В. Б. Муравьева «Пера – богатырь с берегов Лупьи» [Муравьев 1966: 5–64] и цикл «Коми-пермяцкие руноэзы» [Крутецкий 1940: 46–72] А. А. Крутецкого являются художественными произведениями неомифологической направленности, в исследовании по картографированию мест собиранья исторических преданий непригодны.

К источникам, применимым для проведения исследования, следует отнести не только непосредственные записи преданий о Пере-богатыре, но и упоминания о нем в записках, очерках путешественников и этнографов (то есть литературно переработанные предания): И. И. Лепехина «Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3.» [Лепехин 1780: 194–196]; «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П. И. Мельникова (Андрея Печерского) [Предание 2017: 120]; «Географические, статистические и этнографические сведения, собранные в 1848 г. в селе Гайнском Чердынского уезда» священником Н. Поповым [Зырянский 1914: 261–263]; К. Жакова в своем этнографическом очерке «По Иньве и Косе» [Предание 1905: 93].

Путешественники, находясь в определенной точке маршрута, указывают на место сбора предания. Данную географическую точку можно условно приравнять к точке сбора записи. События в мифе, в которых участвует Пера, записываемые этнографами [Энциклопедия 1999: 83; Петрухин 2001: 213–214] Прикамья и юга современной Коми республики, как правило, не имеют определенной географии фиксации, при этом могут использоваться для аргументации в вопросах сюжетности в исследовании.

Основная часть

Жанр фольклора отличается тем, что «старое» в одном тексте может сосуществовать с «новым», поскольку предание зависит от подачи носителя: «Время от времени она подвергается изменению, но “законодатель” и исполнитель этих исторических изменений в фольклоре все тот же устный народно-массовый творческий процесс... определяет основу творческих построений у каждого отдельного мастера в фольклоре» [Аникин 1963: 115].

Носители фольклорного знания понимают прошлое через призму своих воззрений, также особенности закрепления представлений о прошедших когда-то значимых событиях влияют на предания. Они могут приобрести либо «форму предания – мифа (например, миф о тотемном первопредке был одновременно и древнейшим преданием о происхождении конкретного человеческого рода), либо форму исторического предания (с условно историческим содержанием)» [Тихонова 2019: 9–10].

То есть исторические предания представляют собой продукт «условно исторического сознания людей, несут в себе знание истории (чаще квазиистории) конкретной социальной общности, но, что самое главное, выступают как один из способов осмысления и истолкования исторического, социального опыта» [там же: 10].

Для проведения классификации прошедшие отбор варианты преданий распределяются по критерию историчности (фактичности) на исторические (содержащие в тексте факты, исторические личности) и мифологические (в тексте имеются мифологические герои, отношение к Пере (Пеле) как к первопредку и т. д.). Важно отмечать связь с географическими и антропонимическими указаниями, имеющимися в текстах обеих групп.

Исторических вариантов, не содержащих архаичного мифологического пласта, выявлено относительно немного: сведения священника Н. Попова, описавшего историю происхождения семьи Мизевых (в его записи имя богатыря – основателя фамилии Мизь) и предания, записанные в населенных пунктах современных Юрлинском и Косинском муниципальных округах (дер. Пож [Ожегова 1971: 93–94], дер. Бульчи [Ожегова 1971:94], дер. Сергеева [Ожегова 1971:95], с. Пуксиб [Ожегова 1971: 96]), в которых сюжет построен на теме борьбы местного населения со Строгановыми.

Таким образом, в группе, вероятно, исторических преданий статистически преобладает сюжет борьбы богатыря Перши (от русского ‘Порфилий’ или ‘Перфилий’) со Строгановыми. Запись про путешествие семьи Мизевых, посещавших Москву с целью прохождения поединка, за победу получивших от царя шелковые сети и грамоту (позже пожар в Чердыни позже грамоту уничтожил) [Зырянский: 1914: 261–263], информации о Пере (Перше, Пеле) не содержит.

В группе мифологических преданий по критерию сюжетности выделяется архаичный пласт: космогонический миф, в котором Пера – солнцеловец, установивший годовой ход солнца [Энциклопедия 1999: 83]; этногонический миф, где Пера – первопредок.

Предположение, что «из перяков произошли Пермьки» [Лепехин 1780: 195], то есть в честь героя по имени Перя было дано наименование народу, поскольку «Пера стал первочеловеком-охотником» [Петрухин 2001: 213–214], дискуссионно [Корчагин 2024: 86; Корчагин 2020: 63] и содержит мифологическую основу. Мотив о том, что «из перяков произошли пермяки» не является личным вымыслом путешественника, так как в преданиях о Пере идея названия народа от имени героя многократно фигурирует [Ожегова 1971: 70–72, 78–80].

Сюжеты с перебрасыванием камней, разбойничеством, кладами и окаменением [Ожегова 1971: 98,99] характерны для современных Косинского, Кочевского, Гайнского муниципальных округов (далее МО) и относительно удаленного от них горного Северо-Востока Прикамья, где имя героя Пеля (Перя) [Камень 2024: 225, 244–275]. Известен вариант с объединением двух тем, где герой с именем Пера выступает предком братьев, которые перекидывались камнями: «У лупьинского Перы было четыре сына: Юкся, Пукся, Чадз и Бач...» [Голева 2024: 76]. Согласно преданиям коми-пермяков Кочевского района, братья Чадз и Бач похоронили себя заживо [Грибова 1964: 246], Пера и Мизя «себе ямы выкопали, оказывается. Туда зайдут, себя там убили, оказывается» [Камень 2024: 261]. Такой сюжет самозащиты переключается с легендой о чуде.

Г. Н. Чагин указывал, что «наши пращурьы поклонялись духу предка – пелью...» [Климов 2018: 179]. В послании 1501 г. московского митрополита Симона в Пермь Великую кн. Матвею Михайловичу упоминается «болван» Войпель, который «представлял собою деревянную статую, олицетворяющую божество достаточно высокого ранга» [Энциклопедия 1999: 31]. Необходимо отметить, что ‘пёлъ’, ‘пёлъö’ – ‘дед’ по коми ‘дед’, ‘предок’ [Коми-русский 1948: 164]. ‘Пель’ – ‘ухо’ для русскоязычного населения звучит схоже, однако на коми-пермяцком языке звучание разное.

Темы борьбы богатыря с созданиями нижнего мира, самозащиты, окаменения раскрывают архаичное мировоззрение, что обуславливает проведение отдельного исследования. Имя героя в преданиях с данными сюжетами в большинстве вариантов Пеля или Перя [Ожегова 1971: 55–61, 108–109].

Сюжет противостояния с гигантским огненным либо железным колесом является дискутируемым по причине наличия просматриваемой в вариантах предания мифологической составляющей. М. Н. Ожегова трактует противостояние Перы с идолищем, изображенным в виде чудовищной огненной или железной машины на колесах, как борьбу «в обобщенно-символической форме» [Ожегова 1980: 49]. Исследователь опирается на суждение Д. И. Гусева. Он предполагает, что «в предании о Пере-богатыре коми-пермяки сохраняют воспоминания о таранных осадных военных машинах...». М. Н. Ожегова

отмечает, что его гипотеза требует «обстоятельной аргументации», «колесо» она рассматривает как символическую художественную форму «изображения существовавших в XVI веке военных сооружений, так называемых “гуляй-городов”, сыгравших большую роль при осаде и взятии Казани» [Ожегова 1980: 51]. Исследовательница соотносит по хронологии мотив огненного колеса с сюжетами о шелковых тенетах и грамотой на Лупьинские земли, которые по преданиям Пера получил от царя Ивана [Ожегова 1971: 66–72].

В преданиях с сюжетом о подарках от царя за заслуги зачастую присутствуют мотивы борьбы с лешим и другими существами нижнего мира [Предание 2017: 120; Предание 1905: 93; Ожегова 1971: 70–72;]. Следовательно, эти варианты преданий относятся к мифологическим.

А. К. Микушев находит аналогии сюжета с колесом в нартском эпосе: «Несмотря на реалистические детали и довольно современную трактовку образа чудесного колеса, очевидна архаическая основа, солярный символизм образа» [Микушев 1970: 27–36; Ожегова 1980: 50]. В древних мифах о небесном светиле часто используется и солнцоборческий мотив: у «народов нижнего Амура и Сахалина культурный герой, стрелок из лука, уничтожает лишние солнца, грозящие сжечь все на земле. Этот аналог наиболее близок к к.-п. варианту» [Камень 2024: 386], в котором «...Пера со всеми своими сыновьями поднялся на высокую гору, он и семь его сыновей натянули могучие луки и выстрелили в Шонди... Шонди-огонь и сейчас убегает из этих мест, потому и бывает зима каждый год...» [там же: 384].

Н. Д. Конаков, относит эти мифологические события к одной сюжетной линии, в которой первочеловек Пера «предстает в роли солнцоборца и создателя прецедента, установившего годовой ход солнца». Исследователь выдвигает предположение, что уничтожение богатырем Перой «огненного колеса, возможно, является отголоском древнего аналогичного мифа об установлении суточного хода светила» [Энциклопедия 1999: 42, 83, 298].

Сюжет борьбы со Строгановыми выделяется отсутствием архаичного мифологического пласта, кроме предания, зафиксированного в д. Имасы на берегу р. Ужу притока р. Лолог современного Гайнского МО: «Пера-богатырь тягался с лешим и убил его... Взяли Строгановы у него эти леса» [Ожегова 1971: 95].

С. Ю. Королева определяет географию сюжета Юрлинским районом и обозначает русское имя богатыря: «История противостояния Перши с графом Строгановым сложилась и бытовала у русских-юрлинцев, земли которых граничили с графским имением» [Камень 2024: 245]. Кроме современного Юрлинского муниципального округа, известны варианты предания с этим сюжетом в Гайнском (д. Имасы), Кочевском (с. Пуксиб), Кудымкарском (д. Лопвадор), в них имя героя Пера.

Выявление вероятной хронологии появления мотива возможно по невольно используемым, передаваемым выражениям: «Богатырь-то услышал об этом, очень рассердился да пошел к графу и хотел его убить» [Ожегова 1971: 96–97]. А. С. Строганов получил грамоту на графское достоинство Священной Римской Империи 9 июня 1761 г. [РГИА 1761], а в Российской империи титул графа он возведен в 1798 г.

Территория современного Коми-пермяцкого округа в 1558 г. была пожалована Строгановым: «места искони вечно лежат впусе и доходу в нашу казну с них нет ни котораго, и у Пермич деи в тех местех нет ухажав некоторых...от Лысвы речки по Каме по речками по озером и до вершин до Чюсовые реки...» [Жалованная 2000: 226]. Местность длительное время не была заселена.

К концу XVII – нач. XVIII вв. на этой земле обосновались русские беженцы-старообрядцы, что впоследствии обусловило ее нарицание «русским островом». С. Юрла (Юм-Лопвинское, Ем) было упомянуто в первой Ревизии 1719 г. [Сведения 1719].

Г. Д. Строганову Петр I пожаловал грамоты на Прикамье. По грамоте от 29 сентября 1694 г. Строгановым были пожалованы земли «по реке Лолог в Чердынском уезде...» [Волегов 1988: 16–21]. В 1754 г. запущено новое межевание, в рамках которого его орудием стала десятисаженная цепь: «Землю и угодья мерять десятинами в длину по 80, а поперек по 30 сажен, цепями, а не веревками, равными по 10 сажен (21,34 м)» [Коробова 2020: 57]. Определенные границы следовало отметить установкой «деревянных столбов с гранями и межевыми ямами с углем и камнем». Процесс проходил со многими «ошибками», следствием которых становилось противостояние между государственными крестьянами и крупными землевладельцами. Результат межевания «цепями был получен по Чердынскому уезду в 1790 –ых годах при Екатерине II [РГАДА 1783–1906].

Возникающие конфликты нередко перерастали в столкновения. Одно из них произошло в 1828 г. между юрлинскими крестьянами и строгановским отрядом под командованием приказчика Саламатова. Причиной стал резко-возросший интерес графини С. А. Строгановой и ее управления к землям, к захвату которых ранее они снисходительно относились. Эти земельные участки соседствовали с наделами государственных крестьян Юрлинской волости Чердынского уезда. После того, как поля были очищены, разработаны, «управление графини Строгановой захватило, как неправильно посеянный, весь сбор с полей и лугов в свою пользу и послало служителя Саламатова в 1828 г. вывезти своими крестьянами собранные сено и хлеб» [Бахматов 2018: 18]. Пера – богатырь в предании сказал графу Строганову, который решил «отнять земли у людей»: «Здесь живут государственные крестьяне, они платят налог государству. Ты их не трогай, не обижай, а то я тебя и твой народ разорю» [Ожегова 1971: 96–97].

Строгановский сюжет содержит новые мифологические мотивы: «Перша-то взял да цепь порвал» [Ожегова 1971: 96]. Такие предания относятся по классификации к мифологическим.

Внедрение архаического пласта в этом относительно новом сюжете для преданий о Пере-богатыре, вероятно, началось со второй половины XVIII в. Герой, убегая от графских слуг, «На Чураковской дороге стоит сосна, большая да крепкая, шапка ее подобная голове Перы, очень кудрявая. Залезет однажды Пера на эту сосну и не слезет с нее больше» [Ожегова 1971: 96].

Г. Н. Чагин подчеркивал наличие мансийского «мифологического субстрата» в сюжетах о богатырях Предуралья [Чагин 2017: 480–482]. Е. И. Ромбандеева указывает на родовую, сакральную связь угорских богатырей с определенным деревом: «В харакане обские угры для украшения и поклонения выбирают следующие деревья: ... сосну – дерево отыра (богатыря), всенародного главного покровителя» [Ромбандеева 1993: 66]. Почитание богатыря посредством ухода за его тотемным деревом формирует культ защитника и первопредка рода. В преданиях о Пере также упоминается священное дерево фратрии пор, связанное с мотивом смерти богатыря: «Поставил посреди избушки кедровый гроб... и тут скончался» [Ожегова 1971: 70].

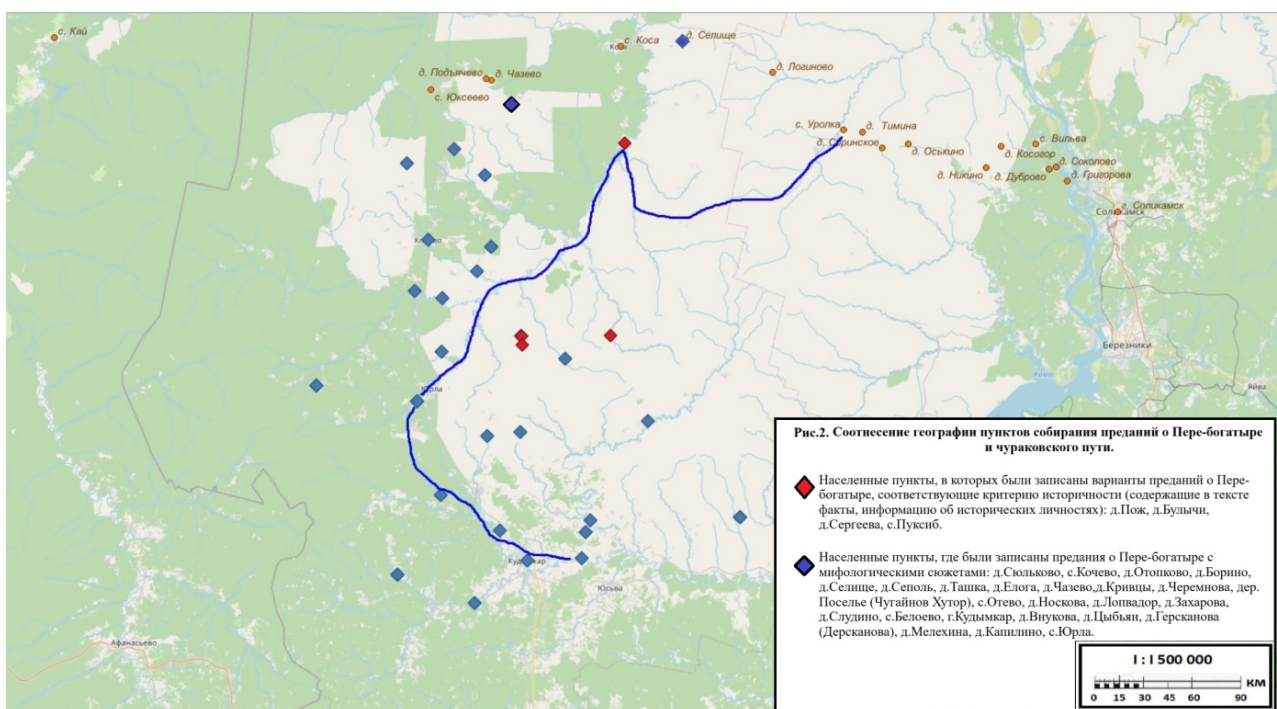
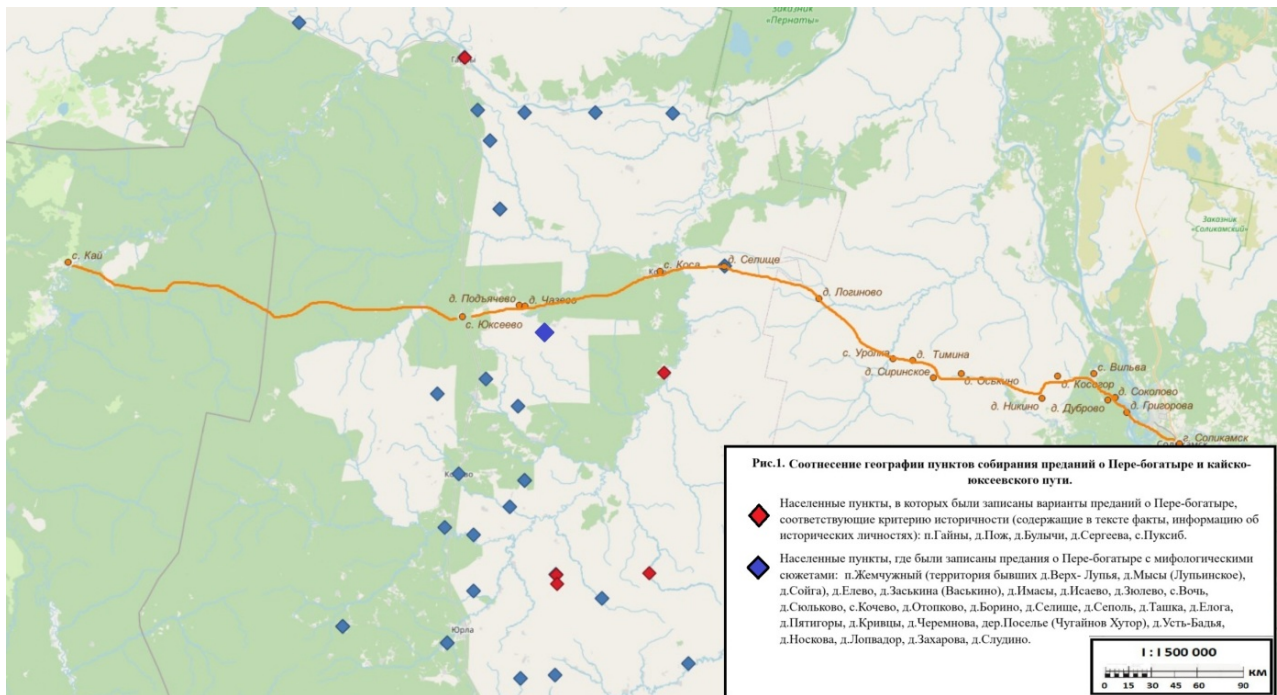
Борьба со Строгановыми самый «свежий» из сюжетов о Пере – богатыре. Наличие письменных свидетельств о хронологии появления населенных пунктов дает возможность соотнести проведение межевания цепями с наличием или отсутствием соответствующих вариантов предания, зафиксированных на данной местности.

Варианты преданий, в которых не задействованы цепи [Ожегова 1971: 94, 95, 98]: д. Имасы (Гайнский МО, 1579 г. [Архив 1579–1624: 20]), с. Пуксиб (Косинский МО, 1579 г. [Николаев 2005: 32]), д. Лопвадор (Лопва прихода села Отевского, Кудымкарский МО, 1869 г. [Списки 1875: 252]). Таким образом, в период с 1754 по 1790 гг. эти населенные пункты либо уже длительное время существовали, что предопределяет уже устоявшиеся границы владений к моменту межевания, либо появились позже, кроме д. Лопвадор.

Присутствует мотив цепей в преданиях, записанных в населенных пунктах [Ожегова 1971: 93–95]: д. Булычи (Лопан, Юрлинский МО, 1800 г. [Шумилов 1991: 22]), д. Пож (Юрлинский МО, 1722 г. [Бахматов 2020: 9]), деревни Тимина и Сергеева находятся под

деревней Пож (упоминаются как отдельные деревни в конце XIX в.) [Юрлинский 2003: 13]. Учитывая дату первого упоминания, возраст деревни Пож объясняет необходимость установки границ владений. Деревня Булычи появилась несколько позже. Необходимо учитывать миграции из старых деревень в новые в XVIII в., происходившие по причине межевания, переписей, болезней.

В 1558 г. Строгановым был пожалован весь бассейн реки Камы. Сюжет борьбы Перыбогатыря с наместниками фиксируется в современном Гайнском МО, однако наблюдается отсутствие сюжета с цепями, что указывает на схождение границ владений, прописанных в грамоте XVII в. (д. Имасы находится севернее русла р. Лолог), и географии сбора преданий.

В вариантах преданий, содержащих сюжет борьбы со Строгановыми, упоминается Чураковский путь или волок: «На Чураковском волоку есть сосна. На ней надпись: "неизвестно куда делся Пера"» (д. Пож, имя богатыря Пикулев Перша) [Ожегова 1971: 95], «У него на чурашинской дороге большая сосна была» (д. Булычи, имя богатыря Першин) [там же: 94], «На Чураковской дороге стоит сосна» (с. Пуксиб, имя богатыря Пера) [там же: 96]. Путь действительно существовал, использовался Строгановыми в логистике, пересекался со Старой Московской дорогой, частью которой был кайско-юкеевский путь.

Кайско-Юкеевский путь также упоминается в преданиях о Пере-богатыре: И. И. Лепехиным в заметке о чудении Пере, в честь которого называли народ, и показанной им дороге посланнику царя, которую путешественник написал, проезжая д. Селище [Лепехин 1780: 194–196]; в сборнике преданий М. Н. Ожеговой («Ушел водяной в то озеро у Кайского волока и сгинул в нем. С того времени то озеро Адовым называется» [Ожегова 1971: 108–109] (с. Отево, имя богатыря Пера); «Большое озеро, что у Кайского волока» [Ожегова 1971: 109], «в стоверстном волоку у Койгорода» (имя богатыря Пера). Вариант предания, записанного путешественником К. Жаковым у переправы через р. Коса, содержит борьбу богатыря с лесным царем и колесом. [Предание 1905: 89–90, 93]).

Предания, содержащие упоминание кайско-юкеевского пути, в которых богатырь по имени Перя или Пера противостоит существам нижнего мира, контрастируют с содержащими упоминание о Чураковском пути или волоке. В них герой Перша или Першин борется со строгановскими слугами. При наложении на карту вариантов всех сюжетов вдоль обоих путей (см. рис. 1, 2) выявляется зависимость распространения преданий от дорог.

Чураковский путь, как более «молодой», до наших дней используемый охотниками, повлиял на распространение более «поздних» вариантов сюжетов о Пере, поскольку активно использовался в качестве логистического маршрута Строгановыми, что обуславливает проведение отдельного исследования.

Заключение

Кайско-юкеевский путь целесообразно использовать для выявления соответствий и расхождений преданий у этнолокальных групп, локализованных вдоль или по конечным пунктам этой дороги. То есть тексты преданий могут помочь в раскрытии направлений миграций, что обуславливает картографирование сюжетов окаменения, перебрасывания камнями и разбойничества, поскольку схожая тематика наблюдается в Косинском и Кочевском МО (упоминаются Курег-Кар-мыс и Ош-мыс) и Северо-Востоке Пермского края (устная традиция селений по Колве и Вишере, фигурирует Полюдов камень). В данных вариантах преданий героем является Пеля или Перя.

Сюжеты преданий о Пере-богатыре (от первопродка до Строгановых) соотносятся с хронологией в контексте исторических событий. Картографирование способно выявить связи между топонимикой, логистикой прежних времен, что содействует пониманию «где тот или иной мотив сложился впервые» [Чистов 1974: 70].

Список литературы

1. Аникин В. Пути и путы (Полемиические заметки о фольклористике) // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 112–129.
2. Архив СПб ИИ РАН (Архив СПб ИИ РАН). Писцовые книги 1579 и 1623–24 гг. Чердынского и Соликамского уездов (список Т). Колл. 115. Оп. 1. Д. 442. Л. 1-74.
3. Бахматов А. А., Бахматова Г. А. Тайны «Русского острова». Юрлинский район: события, люди, судьбы. Пермь : Кн. изд.-во «Пушка», 2018. 272 с.
4. Бахматов А. А. Летопись деревень Юрлинского района. Книга 7: Пожинский и Сюрольский сельсоветы. Пермь : Издательство Богатырев П. Г., 2020. 348 с.
5. Волегов Ф. А. Историко-статические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1856 год // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 год. Пермь : Типо-Литография Губернского Правления, 1888. 49 с.

6. Голева Т. Г. Персонажи преданий Юкся, Пукся, Чадз и Бач в представлениях коми-пермяков // Вестник ВолГУ. 2024. Т. 29, № 5. С. 73–84. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.5.7 EDN: IVCAYS
7. Грибова Л. С. Полевые дневники, 1964 // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка. Ф. 75. Оп. 1. Д. 4938/18. Л. 215-290.
8. Гусев Д. И. Пера богатырь (историко-этнографический очерк) // Коми-пермяцкие народные предания о Пера богатыре. Кудымкар : Коми-Перм. кн. изд-во, 1956. С. 71–100.
9. Жалованная грамота Ивана IV Григорию Строганову 4 апреля 1558 г. // Андреев А. Р. Строгановы. XIV–XX века: энцикл. изд. М. : Белый волк, 2000. С. 226.
10. Заветный клад. Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия. (Перевод на русск. яз. и сост. В. В. Климов). Кудымкар : Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1997 г. 392 с.
11. Зырянский богатырь // Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии : с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. Пермь : Чердын. уезд. земство, 1914. С. 261–263.
12. Камень в языке и культуре. Народная минералогия: лексика, сюжеты, ритуалы : монография / Е. Л. Березович (отв. ред.), А. В. Черных (отв. ред.), С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, В. С. Кучко. СПб. : Маматов, 2024. 440 с.
13. Климов В. В., Чагин Г. Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Издание 2-е, дополненное. Кудымкар : Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2018. 304 с.
14. Коми-русский словарь // Академия наук СССР, Научно-исследовательская база в Коми АССР; [А. И. Подорова (ответственный редактор), А. И. Кипрушева, Д. В. Конюхов, Г. И. Терентьев, А. О. Третьякова]. Выпуск 1. Сыктывкар : Коми гос. изд., 1948. 296 с.
15. Конюхов А. К. Национальная идентичность финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2008. № 1(1). С. 74–87. EDN: SZUETX
16. Коробова А. В. Инструкции межевания 1754 года: особенности и результаты // Новые технологии в учебном процессе и производстве. Рязань, 17–19 апреля 2019 года. Рязань : Рязанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «МАМИ», 2020. С. 57–59. EDN: NMMOFN
17. Корчагин П. А. Пермь – земля задняя // Вестник Пермского ун.-та. 2024. № 2 (65). С. 84–95.
18. Корчагин П. А. Пермяне, пермяки, пермичи: кто? где? когда? // Вестник ПФИЦ. 2020. № 3. С. 60–79. DOI: 10.7242/2658-705X/2020.3.6 EDN: YXATWQ
19. Крутецкий А. А. Коми-пермяцкие руноэзы // Альманах «Дружба народов». № 5. М. : Художественная литература, 1940. С. 46–72.
20. Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. СПб., 1780. 537 с.
21. Микушев А. К. Генезис и эволюция коми песенного фольклора : дисс. ... д. филол. н. Сыктывкар, 1970. 654 с.
22. Муравьев В. Б. Пера-богатырь с берегов Лупьи: Повесть по мотивам фольклора народов Коми. Пермь : Кн. изд-во, 1966. 64 с.
23. Николаев Ю. К., Шумилов Е. Н. Твоя малая Родина : Краткий топонимический словарь населенных пунктов Пермского края. Пермь : Пермское кн. изд-во, 2005. 46 с.
24. Оборин В. А. Соотношение легенд о чуди с Коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. I. Пермь : Пермский государственный педагогический институт, 1974. С. 107–120.
25. Ожегова М. Н. Исторические основы коми-пермяцких преданий о Пера-богатыре (источники и жанровая специфика) // Фольклор Урала (Вып. 5: Фольклор и историческая действительность). Свердловск : Уральский государственный университет, 1980. С. 45–69.
26. Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пера-богатыре. Пермь : Пермский государственный педагогический институт, 1971. 130 с.
27. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. Я познаю мир. Мифы народов мира : Энциклопедия для детей / Н. А. Кун, Ю. Б. Циркин, В. Я. Петрухин; Под общей ред. О. С. Бартенева. М., Балашиха : Астрель, 2001. С. 192–244.
28. Предание о Пера // Жаков К. По Иньве и Косе // Камасинский Я. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 1905 г. С. 93.
29. Предание о Пера // Мельников-Печерский, П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. П. И. Мельников-Печерский; отв. ред. Е. Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб. : Маматов, 2017. С. 120.

30. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 347. Ч. 2. Опись. Планы дач генерального и специального межевания, 1783–1906 гг. (коллекция). Пермская губерния, Чердынский уезд.
31. РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 351. Жалованная грамота Императора Священной Римской Империи Франца I барону Александру Сергеевичу Строганову на графское достоинство Священной Римской Империи 9 июня 1761 года.
32. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут : АИИК «Северный дом» и Сев. Сибирское региональное кн. изд-во, 1993. 208 с.
33. Рочев Ю. Г. (сост.). Коми легенды и предания. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. 176 с.
34. Сведения о жителях д. Ем (м) из Первой ревизии 1719 г. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3300.
35. Сивкова А. Зырянские богатыри: пантеон героев былин и преданий нашего края включает множество персонажей – сильных телом и духом // Дым Отечества, прил. к газ. «Республика». 2013. 23 февр. (№ 32). С. 4–5.
36. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб. : Изд. центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. Вып. 31: Пермская губерния: ... по сведениям 1869 года. обраб. Н. Штиглицом. 1875. 826 с.
37. Тихонова Е. Л. Отражение общественно-исторической реальности в народных преданиях русских старожилов Забайкалья // Россия и АТР. 2019. № 4(106). С. 8–21. DOI: 10.24411/1026-8804-2019-10051 EDN: UCFXDA
38. Чагин Г. Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от древности до 1917 года. Пермь : Пушка, 2017. 672 с.
39. Чистов К. В. Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии; АН СССР. Ин-т языкознания. Ленингр. отд-ние Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 69–84.
40. Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки: географические названия и фамилии Пермского края. Пермь : Пермское кн. изд-во, 1991. 140 с.
41. Энциклопедия уральских мифологий. Рос. акад. наук. Урал. отд-ние. М.; Сыктывкар : ДИК, 1999-Т. 1: Мифология Коми. Т. 1 / Рук авт. колл. Н. Конаков; Науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар : ДИК, 1999. 480 с.
42. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX в. : материалы и исследования / А. А. Бахматов, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Кудымкар : Коми-пермяцкое кн. Изд.-во, 2003. 496 с. ISBN: 5-87901-080-5 EDN: VYXZUB

References

1. Anikin V. Puti i puty (Polemicheskie zametki o folkloristike) [Paths and Fetters (Polemical Notes on Folklore Studies)]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 1963, no. 3, pp. 112-129. (In Russ.).
2. Arkhiv SPb II RAN (Arkhiv SPb II RAN). Pistoverye knigi 1579 i 1623-24 gg. Cherdynskogo i Solikamskogo uezdov (spisok T) [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences). Cadastre books of 1579 and 1623-24 for the Cherdyn and Solikamsk districts (list T)]. Koll. 115, op. 1, d. 442, l. 1-74. (In Russ.).
3. Bakhmatov A. A., Bakhmatova G. A. Tainy «Russkogo ostrova». Yurlinskii raion: sobytiya, lyudi, sud'by [Secrets of “Russian Island”. Yurlinsky District: Events, People, and Fates]. Perm, Kn. izd.-vo «Pushka», 2018, 272 с. (In Russ.).
4. Bakhmatov A. A. Letopis' dereven' Yurlinskogo raiona. Kniga 7: Pozhinskii i Syurol'skii sel'sovety [Chronicle of the Villages of the Yurlinsky District. Book 7: Pozhinsky and Syurolsky Village Councils]. Perm, Izdatel'stvo Bogatyrev P. G., 2020, 348 p. (In Russ.).
5. Volegov F. A. Istoriko-staticheskie tablitsy na Permskie imeniya gospod Stroganovykh s 1558 po 1856 god [Historical and statistical tables on the Perm estates of the Stroganov family from 1558 to 1856]. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Permskoi gubernii na 1889 god* [A memorial book and address calendar of the Perm province for 1889]. Perm, Tipo-Litografiya Gubernskogo Pravleniya, 1888, 49 p. (In Russ.).
6. Goleva T. G. Personazhi predanii Yuksya, Puksya, Chadz i Bach v predstavleniyakh komi-permyakov [Characters of the legends Yuksya, Puksa, Chadz and Bach in the representations of the Komi-Permyaks]. *Vestnik VolGU* [Volga Herald]. 2024, vol. 29, np. 5, pp. 73-84. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.5.7 EDN: IVCAYS

7. Gribova L. S. Polevye dnevniki, 1964 [Field Diaries, 1964]. *Arkhiv Komi-Permyatskogo kraevedcheskogo muzeya im. P. I. Subbotina-Permyaka* [Archives of the Komi-Permyak Museum of Local History named after P. I. Subbotin-Permyak]. F. 75, op. 1, d. 4938/18, l. 215-290. (In Russ.).
8. Gusev D. I. Pera bogatyr' (istoriko-etnograficheskii ocherk) [The Feather of the Bogatyr (historical and ethnographic essay)]. *Komi-permyatskie narodnye predaniya o Pere bogatyre* [Komi-Permyak folk tales about the hero Pere]. Kudymkar, Komi-Perm. kn. izd-vo, 1956, pp. 71-100. (In Russ.).
9. Zhalovannaya gramota Ivana IV Grigoriyu Stroganovu 4 aprelya 1558 g. [Charter of Ivan IV to Grigory Stroganov, April 4, 1558]. *Andreev A. R. Stroganovy. XIV-KHKH veka* [Andreev A. R. Stroganovs. XIV-XX centuries]. izd, Moscow, Belyi volk, 2000, pp. 226. (In Russ.).
10. Zavetnyi klad. Izbrannaya komi-permyatskaya narodnaya proza i poeziya. [The Cherished Treasure: Selected Komi-Permyak Folk Prose and Poetry]. Translated into Russian and composed by V. V. Klimov Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997, 392 p. (In Russ.).
11. Krivoshchekov I. Ya. Zyryanskii bogatyr' [Zyryansky hero]. *Slovar' geograficheskostatisticheskii Cherdynskogo uezda Permskoi gubernii* [Geographical and statistical dictionary of Cherdyn district of Perm province]. Perm, 1914, pp. 261-263. (In Russ.).
12. Kamen' v yazyke i kul'ture. Narodnaya mineralogiya [Stone in Language and Culture. Folk Mineralogy: Vocabulary, Themes, and Rituals]. Ed. by E. L. Berezovikh, A. V. Chernykh, S. Yu. Koroleva, I. I. Rusinova, V. S. Kuchko, Saint Petersburg, Mamatov, 2024, 440 p. (In Russ.).
13. Klimov V. V., Chagin G. N. Kruglyi god prazdnikov, obryadov i obychaev komi-permyakov [A year-round celebration of holidays, rituals and customs of the Komi-Permyaks]. 2nd edition, Kudymkar, Komi-Permyatskii etnokul'turnyi tsentr, 2018, 304 p. (In Russ.).
14. Komi-russkii slovar' [Komi-Russian Dictionary]. Akademiya nauk SSSR, Nauchno-issledovatel'skaya baza v Komi ASSR. Ed. by A. I. Podorova, iss. 1, Syktyvkar, 1948, 296 p. (In Russ.).
15. Konyukhov A. K. Natsional'naya identichnost' finno-ugorskikh narodov [National identity of the Finno-Ugric peoples]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world]. 2008, no. 1(1), pp. 74-87. (In Russ.). EDN: SZUETX
16. Korobova A. V. Instruksii mezhevaniya 1754 goda : osobennosti i rezul'taty [Land surveying instructions of 1754: features and results]. *Novye tekhnologii v uchebnom protsesse i proizvodstve* [New technologies in the educational process and production]. Ryazan, Ryazanskii institut (filial) FGBOU VO «MAMI», 2020, pp. 57-59. (In Russ.). EDN: NMMOFN
17. Korchagin, P. A. Perm' - zemlya zadnyaya [Perm is the back land]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2024, no. 2 (65), pp. 84-95.
18. Korchagin P. A. Permyane, permyaki, permichi: kto? gde? kogda? [Permians, Permyaks, Permichs: who? where? when?]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra* [Bulletin of the Perm Federal Research Center]. 2020, no. 3, pp. 60-79. (In Russ.). DOI: 10.7242/2658-705X/2020.3.6 EDN: YXATWQ
19. Krutetskii A. A. Komi-permyatskie runoemy [Komi-Permyak runes]. *Al'manakh «Druzhiba narodov»* [Almanac "Friendship of Peoples"], No. 5, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1940, pp. 46-72. (In Russ.).
20. Lepekhin I. I. Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviya Ivana Lepekhina... po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva v 1771 godu [Continuation of the daily notes of Ivan Lepekhin's journey... through various provinces of the Russian state in 1771]. Part 3, Saint Petersburg, 1780, 537 p. (In Russ.).
21. Mikushev A. K. Genesis i evolyutsiya komi pesennogo fol'klora [Genesis and evolution of Komi song folklore]. Doctoral dissertation. Syktyvkar, 1970, 654 p. (In Russ.).
22. Murav'ev V. B. Pera-bogatyr' s beregov Lup'i: Povest' po motivam fol'klora narodov Komi [Pera the Hero from the Banks of the Lupya: A Tale Based on the Folklore of the Komi Peoples]. Perm, 1966, 64 p. (In Russ.).
23. Nikolaev YU. K., Shumilov E. N. Tvoya malaya Rodina, Kratkii toponimicheskii slovar' naseleennykh punktov Permskogo kraja [Your Small Homeland: A Brief Toponymic Dictionary of Populated Areas in Perm Krai]. Perm, Permskoe kn. izd-vo, 2005, 46 p. (In Russ.).
24. Oborin V. A. Sootnoshenie legend o chudi s Komi-permyatskimi predaniyami i ikh istoricheskaya osnova [The relationship between the legends of the Chud and the Komi-Permyak traditions and their historical basis]. *Voprosy lingvisticheskogo kraevedeniya Prikam'ya* [Linguistic regional studies of the Kama region]. Iss. I, Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1974, pp. 107-120. (In Russ.).

25. Ozhegova M. N. Istoricheskie osnovy komi-permyatskikh predanii o Pere-bogatyre (istochniki i zhanrovaya spetsifika) [Historical foundations of the Komi-Permyak legends about Pere the hero (sources and genre specifics)]. *Fol'klor Urala* [Folklore of the Urals]. Iss. 5, Sverdlovsk, Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 1980, pp. 45-69. (In Russ.).

26. Ozhegova M. N. Komi-permyatskie predaniya o Kudym-Oshe i Pere-bogatyre [Komi-Permyak legends about Kudym-Osha and Pere-bogatyre]. Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1971, 130 p. (In Russ.).

27. Petrukhin V. YA. Mify finno-ugrov. YA poznayu mir [Myths of the Finno-Ugric Peoples. I am exploring the world. Myths of the peoples of the world]. Ed. by O. S. Barteneva. Moscow, Balashikha, Astrel', 2001, pp. 192-244. (In Russ.).

28. Predanie o Pere [The Legend of Pera]. Zhakov K. Po In've i Kose [Along Inva and Kosa]. Kamasinskii Ya. *Okolo Kamy. Etnograficheskie ocherki i rasskazy* [Near the Kama. Ethnographic essays and stories]. Moscow, Tipografiya I. D. Sitina, 1905, pp. 93. (In Russ.).

29. Predanie o Pere [Предание о Пере]. Mel'nikov-Pecherskii, P. I. *Dorozhnye zapiski na puti iz Tambovskoi gubernii v Sibir'* [Travel notes on the way from Tambov province to Siberia]. P. I. Mel'nikov-Pecherskii, ed. E. G. Vlasova, Saint Petersburg, Mamatov, 2017, pp. 120. (In Russ.).

30. RGADA . F. 1354, op. 347, part 2. Opis'. Plany dach general'nogo i spetsial'nogo mezhevaniya [Inventory. General and special land survey plans for dachas], 1783-1906 gg., Permskaya guberniya, Cherdynskii uезд. (In Russ.).

31. RGIA. F. 1411, op.1, d. 351. Zhalovannaya gramota Imperatora Svyashchennoi Rimskoi Imperii Frantsa I baronu Aleksandru Sergeevichu Stroganovu na grafskoe dostoinstvo Svyashchennoi Rimskoi Imperii 9 iyunya 1761 goda [Charter of the Emperor of the Holy Roman Empire Francis I to Baron Alexander Sergeevich Stroganov for the rank of count of the Holy Roman Empire, June 9, 1761]. (In Russ.).

32. Rombandeeva E. I. Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov) [The history of the Mansi (Vogul) people and their spiritual culture (based on folklore and rituals)]. Surgut, AIIK «Severnyi dom», 1993, 208 p. (In Russ.).

33. Rochev YU. G. Komi legendy i predaniya [Komi legends and traditions]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1984, 176 p. (In Russ.).

34. Svedeniya o zhitelyakh d. Em (m) iz Pervoi revizii 1719 g. [Information about the residents of the village of Em (m) from the First Revision of 1719]. RGADA, f. 350, op. 2. d. 3300. (In Russ.).

35. Sivkova A. Zyryanskie bogatyri: panteon geroev bylin i predanii nashego kraja vklyuchaet mnozhestvo personazhei - sil'nykh telom i dukhom [Zyryan bogatyr: the pantheon of heroes from the epics and legends of our region includes many characters - strong in body and spirit]. *Dym Otechestva* [Smoke of the Fatherland]. 2013, no. 32, pp. 4-5. (In Russ.).

36. Spiski naseleennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del [Lists of populated areas of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Saint Petersburg, Tsentral'skiy statisticheskiy komitet Ministerstva vnutrennikh del, iss. 31, 1875, 826 p. (In Russ.).

37. Tikhonova E. L. Otrazhenie obshchestvenno-istoricheskoi real'nosti v narodnykh predaniyakh russkikh starozhilov Zabaikal'ya [Reflection of socio-historical reality in folk legends of Russian old-timers of Transbaikalia]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region]. 2019, no. 4(106), pp. 8-21. (In Russ.). DOI: 10.24411/1026-8804-2019-10051 EDN: UCFXDA

38. Chagin G. N. Kolva, Chusovskoe, Pechora: istoriya, kul'tura, byt ot drevnosti do 1917 goda [Kolva, Chusovskoye, Pechora: history, culture, and everyday life from ancient times to 1917]. Perm, Pushka, 2017, 672 p. (In Russ.).

39. Chistov K. V. Problemy kartografirovaniya obryadov i obryadovogo fol'klora. Svadebnyi obryad [Problems of mapping rituals and ritual folklore. Wedding ceremony]. *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii* [Problems of mapping in linguistics and ethnography]. AN SSSR. Institut yazykoznaniya. Leningradskoe otdelenie, Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1974, pp. 69-84. (In Russ.).

40. Shumilov E. N. Timoshka Permitin iz derevni Permyaki: Geograficheskie nazvaniya i familii Permskogo kraja [Timoshka Permitin from the village of Permyaki: Geographical names and surnames of the Perm region]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 140 c. (In Russ.).

41. Entsiklopediya ural'skikh mifologii [Encyclopedia of Ural Mythologies]. Ed. by V. V. Napol'skikh, Moscow, Syktyvkar, vol. 1, Moscow, Syktyvkar, DIK, 1999. 480 p. (In Russ.).

42. Yurlinskii krai. Traditsionnaya kul'tura russkikh kontsa XIX-XX v. [Yurlinsky Region. Traditional Russian Culture of the Late 19th–20th Centuries: Materials and Research]. A. A. Bakhmatov, I. A. Podyukov, S. V. Khorobrykh, A. V. Chernykh. Kudymkar, Komi-permyatskoe knizhnoe izdatelstvo, 2003, 496 p. (In Russ.). ISBN: 5-87901-080-5 EDN: VYXZUB

Информация об авторе

П. В. Хаярова – магистрант, исторический факультет,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

P. V. Khayarova – Master's Student, Faculty of History,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 05.06.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 26–36.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 26-36.

Научная статья

УДК 94(47).084.9

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-26-36

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ПИСЬМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ С ВЛАСТЬЮ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» НА ПРИМЕРАХ «ПИСЕМ ВО ВЛАСТЬ» РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МОЛОТОВСКОЙ (ПЕРМСКОЙ) ОБЛАСТИ

Дмитрий Алексеевич Баранов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
dbaranov2019@mail.ru

Аннотация. «Письма во власть» являются одним из важных источников по реконструкции восприятия политической жизни советскими гражданами. Статья посвящена выявлению особенностей письменных коммуникаций между рабочими промышленных предприятий и властными институтами. С помощью концепции повседневности Мишеля де Серто в работе рассматриваются материалы «писем во власть», отложенные в фондах ПермГАСПИ. Интерпретация этих источников демонстрирует не только активное использование рабочими «языка власти», но и специфическое смешение элементов официального дискурса с речевыми практиками повседневности. Вовлечение горизонтов событий повседневности в идеологический контекст имела характер своеобразной «манипуляции» снизу, призванной усилить эффективность письма, актуализировать излагаемую проблему в глазах адресата. Вместе с тем, анализ содержания писем не позволяет провести однозначную границу между манипуляцией и непреднамеренным использованием «языка власти».

Ключевые слова: «письма во власть», советские рабочие, «Оттепель», советская повседневность, коммуникационные практики.

Для цитирования: Баранов Д. А. Официальный дискурс в письменных коммуникациях с властью в период «оттепели» на примерах «писем во власть» рабочих промышленных предприятий Молотовской (Пермской) области // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 26–36. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-26-36>

Original article

OFFICIAL DISCOURSE IN WRITTEN COMMUNICATIONS WITH THE AUTHORITIES DURING THE “THAW” PERIOD ON THE EXAMPLES OF “LETTERS TO THE AUTHORITIES” BY WORKERS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE MOLOTOV (PERM) REGION

Dmitry A. Baranov

Perm State University, Perm, Russia, dbaranov2019@mail.ru

Abstract. “Letters to the authorities” is one of the important sources for the reconstruction of the Soviet political worldview. The article is devoted to identifying the features of written communications between workers of industrial enterprises and government institutions. Using Michel de Certeau's concept of everyday life, the paper examines the materials of “letters to the authorities” deposited in the collections of the Perm Archive of Socio-Political History. The interpretation of these sources demonstrates not only the

active use of the “language of power” by workers, but also the specific mixing of elements of official discourse with everyday speech practices. The involvement of the horizons of everyday events in the ideological context was a kind of “manipulation” from below, designed to enhance the effectiveness of writing and actualize the problem in the eyes of the addressee. At the same time, the analysis of the content of the letters does not allow us to draw an unambiguous line between manipulation and the unintended use of the “language of power”.

Keywords: “Letters to the Authorities”, Soviet workers, Khrushchev's “Thaw”, Soviet everyday life, communication practices.

For citation: Baranov D. A. Official Discourse in Written Communications with the Authorities during the “Thaw”: Examples of “Letters to the Authorities” from Workers at Industrial Enterprises in the Molotov (Perm) Region. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:26-36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-26-36>

Введение

В феврале 1958 г. на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова поступило заявление от гражданки Е. Т. Толстых, обратившейся с жалобой по поводу жилищно-бытовых условий своей дочери, работницы завода им. М. И. Калинина [ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 43. Д. 49. Л. 85]. Толстых сетовала на то, что дочь имеет семью из пяти человек, а проживает в бараке «на площади 12 метров квадратных». Директор предприятия Журбенко и секретарь Пермского обкома КПСС Струев от решения возникшей проблемы устарились, в связи с чем Толстых и обратилась за помощью в высшие эшелоны власти. Сам характер жалобы не представлял ничего примечательного – «жилищный вопрос» в указанное время остро стоял на повестке повседневных проблем рабочих. Куда больший интерес в письме представляло не то, с каким требованием Толстых обращалась к Ворошилову, а особенности самого изложения указанной проблемы.

Начиналось письмо вовсе не с описания возникшей ситуации, а с автобиографической справки, поданной автором с явным идеологическим посылом: «Я, Толстых Е. Т., дочь большевика с 1905 г. Федотова Тимофея Васильевича, казнённого бандой Антонова в Тамбовской области Сампурском районе в селе «Хитровка» в Ботанической саду в 1920 году. Мать моя – Федотова Анна Максимовна подверглась пыткам и избиениям той же бандой Антонова, после чего вскоре померла. Брат – Федотов Иван Тимофеевич принимал активное участие в ликвидации банды Антонова, за что и я подвергалась к расстрелу в числе родственников, участников по ликвидации Антоновской банды...»¹. Далее автор упоминала умершего мужа («персональный пенсионер»), и тяжелые проблемы со здоровьем дочери («которой делали три операции глаз...»). Только затем Толстых переходила к сути проблемы.

Приведенные автором факты в начале письма не имели отношения к излагаемой проблеме, а, вероятно, имели цель произвести должное впечатление на адресата. Впечатление политически проверенного и устойчивого человека, имеющего за плечами целый опыт семейной борьбы с врагами советской власти. Этот опыт, изложенный в тексте письма, на наш взгляд, следует понимать как некую апелляцию к справедливости: «в прошлом мы проливали кровь за государство / власть, поэтому теперь мы ожидаем, что государство / власть проявят заботу о нас, настоящих советских гражданах». Учитывая личность адресата, также неслучаен и акцент на событиях «Антоновщины», поскольку фигура Ворошилова в массовом сознании советских граждан ассоциировалась с участием последнего в Гражданской войне. Имя М. Н. Тухачевского, в действительности подавлявшего Тамбовское восстание, на протяжении двадцати лет (с 1937 г. до 1957 г.) оставалось предметом умолчания. Прямой помощи от Ворошилова автор письма не добила. В соответствии с принятыми в то время правилами, из Москвы заявление переадресовали в Пермский обком, который перепоручил разбирательство Сталинскому райкому КПСС, обязав последний отчитаться о принятых мерах.

¹ Здесь и далее в письмах сохранены авторские орфография и пунктуация.

Основная часть

Мы рассмотрели лишь один из примеров т. н. «писем во власть». Сюда относились письменные обращения, заявления и жалобы от граждан СССР, адресованные в партийные и государственные руководящие инстанции. Эти письма были важнейшими коммуникационными практиками взаимодействия между населением и властью. В современной историографии письменные обращения граждан «во власть» выступают одним из важнейших источников в изучении советской субъектности. Так, в 2000–2010-х гг. был опубликован ряд специализированных сборников с подборками архивных материалов из числа «писем власть» [Письма во власть. 1917–1927... 1998; Письма во власть 1928–1939... 2002; Последние письма Сталину... 2015]. Среди научных работ можно назвать исследования Н. Н. Козловой [Козлова 2005], О. Л. Лейбовича [Лейбович 2008], А. С. Кимерлинг [Кимерлинг 2017], А. Д. Поповой и О. Д. Поповой [Попова, Попова 2020] и других.

Однако публикуемые в сборниках документы по материалам «писем во власть», равно как и работы, изучающие данный источник, обращаются главным образом к эпохе сталинизма. «Оттепельный» период остается представленным в сравнительно ограниченном числе работ. Фактически за рамками внимания ученых остается тема повседневности «оттепельных» рабочих. В то же время сами рабочие, в соответствии с еще советской «традицией», нередко рассматриваются не как субъекты, а будучи включенными в социальную общность «рабочего класса».

В категории «рабочих» мы рассматриваем работников промышленных предприятий Перми и Пермской области, занятых именно физическим трудом, и отделяемых в официальной иерархии должностей от инженерно-технических работников (ИТР). Опираясь на содержание «писем во власть», мы постараемся частично восполнить пробелы в теме повседневности и субъектности советских рабочих в период хрущёвской «Оттепели» (1953–1964 гг.). В фокусе нашего внимания окажутся, во-первых, конкретные проблемы, с которыми сталкивался и обращался «наверх» тот или иной заявитель. Во-вторых, мы обратимся к репрезентации этих проблем в содержании писем, то есть к конструктивным особенностям текстов, а также к возможным факторам, определившим указанные особенности. Используемые материалы «писем во власть» взяты из фондов Пермского государственного архива социально-политической истории: 1) фонд № 85 (Лысьвенский горком КПСС); 2) фонд № 105 (Пермский обком КПСС); 3) фонд № 231 (Свердловский райком КПСС, г. Пермь). Содержание текстов писем приводится с сохранением оригинальной авторской грамматики и орфографии.

Применительно к специфике указанного исторического источника следует отметить, что содержание «писем во власть», как правило, было связано с критикой окружающей самого заявителя действительности и пространства его повседневности. Если критика касалась конкретных персоналий или инстанций, то адресат заявления выступал в роли потенциального «арбитра», имеющего полномочия разрешить конфликтную ситуацию. Обсуждение и осуждение деятельности местных руководящих органов допускалось и даже поощрялось в рамках пропагандируемого принципа «критики и самокритики» [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях... 1986: 187]. Однако на высшие эшелоны власти этот принцип не распространялся.

Необходимо также обозначить методологию, которая будет применяться нами на протяжении всего исследования. Мы считаем нужным обратиться к труду французского социолога Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» [Серто 2013]. Серто предложил теоретический взгляд на функционирование общества, как на сосуществование и взаимодействие «сильных» и «слабых».

«Сильные» в нашем случае представлены верховной властью СССР в лице ее ключевых институтов (например, ЦК КПСС) и первых лиц государства (например, Хрущева). Как субъекты, вычлененные и поставленные над общественными массами, «сильные» обладают необходимыми ресурсами контроля и управления обществом [Волков,

Хархордин 2008: 194]. Эти заданные основы управления (например, действующие законодательные нормы) М. де Серто называет «стратегиями». «Стратегия» присваивает, упорядочивает и контролирует определенное пространство. Сюда, например, можно отнести государство в его политических границах [Серто 2013: 50]. Поскольку мы рассматриваем письменные обращения «во власть», стоит отметить, что к данной категории относится и язык, точнее его нормы и правила публичного использования. Под «стратегиями» мы будем понимать в первую очередь официальный дискурс власти или «язык власти».

В пространстве, организованном с помощью действующих «стратегий», существуют и осуществляют свою повседневную деятельность т. н. «слабые», или рядовые члены обществ. В нашем случае – речь идет о советских рабочих, которые не были наделены властными ресурсами и полномочиями. «Слабые» не имеют собственных властных ресурсов и должны действовать в соответствии с правилами, заданными «стратегиями». В ситуации господства «стратегий» «слабые», согласно Серто, обращаются к использованию «тактик». «Тактики» реализуются через практики не имеющими постоянства «стратегий», они проявляют себя от случая к случаю, подстраиваются под обстоятельства ситуации и не вступают в прямой конфликт со «стратегиями» [Серто 2013: 50]. В одних ситуациях «тактики» нацелены на нивелирование влияния «стратегий», в иных случаях «тактики» используют содержание «стратегий» для достижения «слабыми» собственных интересов [Волков, Хархордин 2008: 194].

Содержание «писем во власть» далеко не всегда сводилось к проблемам профессиональной деятельности заявителей. Так, в январе 1961 г. от рабочего турбогенераторного завода г. Лысьва И. В. Ульянникова поступило письмо лично на имя Н. С. Хрущева, переадресованное из Москвы в Лысьвенский горком КПСС.

Несмотря на то что речь в письме шла вовсе не о проблемах завода, а о перебоях с продовольственными поставками в городе, Ульянников начинал свое письмо так: «...Разрешите к вам обратиться с большой просьбой об оказании помощи нам всем рабочим г. Лысьвы» [ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 44. Д. 384. Л. 6.]. Подобное обозначение бедствующей социальной общности вкупе с самоидентификацией автора, на наш взгляд, указывало на тот факт, что статус «рабочего» имел для заявителя большее значение, чем социально-территориальной идентичности. Иными словами, Ульянников обращался к первому секретарю ЦК КПСС не как горожанин, а как рабочий. Идентификация себя как «рабочего» не воспринималась автором письма как понятие сугубо профессионального толка. Заявитель рассматривал этот статус и как маркер своей принадлежности к «рабочему классу», то есть как к социальному конструкту, созданному с помощью официального дискурса. Обращаясь к первому лицу государства и партии, заявитель просил о помощи для рабочих, как для представителей передового класса страны.

Сложившуюся в городе экономическую ситуацию Ульянников описывал безо всяких прикрас: «Несмотря на большую численность нашего города... обеспечение продуктами отвратительно, так как мы живём в настоящее время это стыдно... нашего великого государства. А почему? Вот это нужно узнать почему у нас нет ни грамма мяса... <...> рыбы, молока, яиц, овощей, фруктов, почему? Неужели мы должны кушать один хлеб, чем кормить детей?.. <...> И вот все это творится уже несколько месяцев. Это просто можно назвать наш город на блокадном положении...» [там же: Л. 6]. Далее рабочий демонстрировал адресату, что его критика никаким образом не связана с попыткой «очернительства» и сам автор не вступает в противоречие с официальным дискурсом: «Дорогой Никита Сергеевич ведь я читаю газеты и слушаю радио. И вот поймите сами были бы вы на моём месте вы бы тоже сказали что баснями соловья не кормят. Так и я думаю, что пишут в газетах и говорят по радио, это всё форма...» [там же: Л. 6]. Чтение газет и прослушивание радио, на наш взгляд, упоминалось Ульянниковым, во-первых, для того, чтобы указать на то, что его последующие суждения не носят голословного характера («я читаю, я слушаю, следовательно, хорошо знаю, о чем пишут и о чем говорят»). Во-вторых, это замечание имело и идеологический характер. Подобным образом автор конструировал в глазах адресата образ трудящегося и

политически сознательного человека, не ограниченного интересами собственной повседневности. Как уже говорилось, Ульяновиков идентифицировал себя с точки зрения своего классового статуса: «Я сам из рабочих...», хотя письмо никаким образом не затрагивает проблемы трудовой среды. «Из рабочих», следовательно, из числа представителей «класса-гегемона», выразителем чьих интересов и одновременно их защитником и выступала советская власть.

Если рабочий действительно имел намерение произвести на адресата определенное впечатление, то вторая часть письма может пролить свет на его цели. Здесь во всех бедствиях автор обвинял местную власть: «...а потому что наше руководство обкома и горкома сидят спустя рукава. И вот они все сыты и такие дела ихние... <...> Нет это про[сто] распушенность, расхлябанность местных властей. Вот посодить бы этих бюрократов и отдельных руководителей на нашу зарплату...». Ульяновиков подкреплял свою позицию ссылкой на авторитет, а именно – на слова Ленина: «...А что говорил В. И. Ленин? От материальных и культурных потребностей зависит производительность труда на производстве» [там же: Л. 6]. Следовательно, как пытался представить заявитель, «расхлябанность» местного руководства нарушало один из ленинских принципов, наносило своим бездействием удар по эффективности труда рабочих. Более того, автор писал, что подобное бездействие прямо препятствует призывам самого Хрущева к правильному расходованию личных денежных фондов, так как из-за отсутствия нормального доступа к продуктам в городе рабочие вынуждены питаться в столовых, тем самым резко повышая личные издержки. Тем самым действия (или бездействие) местного руководства в социально-экономических вопросах представлялись противоречащими не только интересам жителей г. Лысьвы, но и первого секретаря ЦК КПСС.

Завершал свое обращение к Хрущеву Ульяновиков не как индивидуальный, а как «коллективный заявитель»: «И вот, дорогой Никита Сергеевич не один я, а все мы просим...», трансформируя текст в некий «народный крик» о помощи. Если один заявитель может ошибаться или намеренно, из корыстных побуждений преувеличивать существующие недостатки, то коллектив (класс, народ, массы) избавлен от подобного порока, а, значит, может (и должен) пользоваться доверием у адресата. По поводу обращения Ульяновикова лично к Хрущеву стоит сказать, что критическое отношение к высшим эшелонам власти, её персоналиям и институтам ограничивалось не только действующим негласным запретом на критику подобного уровня. Советское общество не было избавлено и от патерналистских традиций. Как отмечает Е. Ю. Зубкова, подобные мировоззренческие особенности эксплуатировались в идеологии сталинского руководства, например, через публичный образ самого Сталина как «отца народов» [Зубкова 1999: 173].

Поскольку мы обращаемся к использованию политического языка в коммуникативных практиках, любопытно сравнить оценки продовольственного кризиса в разобранным письме с оценками в письмах граждан на рубеже 1930–40-х гг. Например, заместитель начальника лесозавода № 6 в Горьковской области Зюздинцев в письме к Молотову в декабре 1939 г., жалуясь на плохое питание рабочих, писал: «...У меня зародилось сомнение нет ли в создании этих затруднений злой руки, направленной на создание недовольства. Несоветски настроенные элементы используют затруднения» [Осокина 1996: 7]. Анонимный рабочий с завода «Красный Профинтерн» из г. Орджоникидзеград в письме к тому же Молотову так излагал причины кризиса: «...Мой вывод – здесь вредит шайка вредителей, разыгрывают недовольства мои. А недовольство на сегодняшний день велико» [там же: 10]. Рабочий Неугасов из г. Алапаевск в письме в Наркомторг СССР выражал надежду, что «...Правительство СССР в лице тов. Сталина откликнется на сие письмо и примет срочные меры... а людей, руководящих этим делом, привлечёт к суровой ответственности, как было в 1937 году» [там же: 16]. На примерах этих писем мы можем увидеть, что видение проблемы советскими гражданами в 1930–40-х гг. всецело отвечало содержанию действующего «языка власти». В начале 1960-х гг., когда официальный дискурс претерпел перемены, изменилась и

риторика в текстах писем. «Вредители» и «враги народа» сменились «бюрократами», которых требовалось уже не расстреливать, а «посадить бы на нашу зарплату». Интерпретация повседневности в сталинское время отличалась явным радикализмом, что отвечало содержанию официального дискурса в предвоенное десятилетие.

Теперь обратимся к письмам, затрагивающим непосредственно трудовую повседневность промышленных рабочих. В сентябре 1960 г. в ЦК КПСС поступило анонимное письмо от группы рабочих Кунгурского кожевенного комбината [ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 289. Д. 13. Л. 1–2]. Заявители жаловались на несправедливый, с их точки зрения, пересмотр показателей уже согласованного плана. Ситуация усугублялась тем, что комбинат одновременно перешел на 7-часовой рабочий день, в результате чего «...план выполнить не в состоянии при полном желании. Администрация цеха сокращает обеденные перерывы и конец смены продлевает, ежедневно идет штурмовщина, рабочие все возмущены, даже предупреждают, что рабочий не имеет права сходить в комнату (туалет)...» [там же: Л. 1]. Последующий переход предприятия на 9-часовой рабочий день стал для рабочих последней каплей и, со слов авторов письма, выступил определяющим событием для подачи письменной жалобы в высшие инстанции. ЦК перенаправил полученное заявление в Пермский обком КПСС для дальнейшего разбирательства.

В содержании письма мы вновь можем наблюдать обращение к «языку власти». Стоит заметить, что идеологических штампов и речевых оборотов здесь даже больше, чем в рассмотренном выше письме Ульянникова: «Директор завода т. Ковалев... <...> и председатель ФЗК т. Астраханцева и главный инженер Шаталов всё создают приказ за приказом, рабочих соберут, прикажут, как фабриканты, и всё на этом весь закон. Спрашивается, зачем же тогда у нас есть законы, которые должны защищать интересы рабочего класса, у нас на комбинате сам закон – директор, а с рабочими обращаются как в старое время, теперь ведь у нас не военное время... <...> Мы, все рабочие, просим взять это явление по внимание и не [позволить] издеваться над рабочим классом всякому (сыну кулака)...» [там же: Л. 1–2]. В оценках руководства заявители оперируют идеологически окрашенной терминологией: «фабриканты» (то есть «капиталисты», «эксплуататоры») и «сын кулака» (классовый враг). Начальникам-«буржуям», в свою очередь, противопоставлены не цеховой коллектив, не бригада, а целая классовая общность – «рабочий класс». Используя «язык власти», кунгурские рабочие резко повышают степень значимости возникшей проблемы. Представленный в подобном свете конфликт лежит уже не столько в плоскости отдельных непродуманных решений со стороны руководства комбината, сколько имеет в своей природе настоящий классовый антагонизм.

Гиперболизация оценки ситуации переводит описанную проблему из категории повседневной (трудовой конфликт) в категорию политическую. Серто писал, что «цитировать – это значит придавать реальность симулякру, производимому властью...» [Серто 2013: 311]. Обращение заявителей в письме к идеологической терминологии служит средством поддержания действующей «стратегии». Но, с другой стороны, цитирование – есть способ указания на тех, кто является «анархистами или девиантами», то есть по каким-то причинам не вписываются в установленный дискурс. Выявление подобных «аномалий», разумеется, отвечает интересам власти, но одновременно способно выступать оружием в руках «слабых».

Искусственное преувеличение масштабов (гиперболизация) и перевод проблемной ситуации из плоскости повседневности в плоскость политики (политизация) обнаруживается не только в письме кунгурских рабочих. В марте 1961 г. в редакцию пермской газеты «Звезда» поступило письмо от А. Н. Вотяковой, работающей на местной мебельной фабрике. Женщина писала о крайне затруднительном положении, связанном с жилищным вопросом. Семья из четверых человек, ожидающая в ближайшее время рождение ребёнка, ютилась на 14-ти кв. м. Обращение к директору фабрики, в фабком и в партком результатов не принесли. Отчаявшись, Вотякова обратилась за помощью в печатные органы, откуда редакция перенаправила ее письмо в райком Сталинского района для дальнейшего разбирательства.

Примечательными в этом заявлении нам представляются заключительные строки письма: «...Наше начальство даёт квартиры только мужчинам и то не всем, не от стажа работы, а кто имеет к начальству подход. Почему передают по радио, что женщина равноправна с мужчиной, а на факте она совсем не имеет никакого права» [ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 43. Д. 109. Л. 52]. Здесь мы рискуем предположить, что имеем дело с манипуляцией во многом непреднамеренного характера, на что намекает эмоциональный тон заявления. Однако, как нам представляется, Вотякова прибегает к уже упомянутому искусственному преувеличению масштабов проблемы, в результате чего подменяется истинная причина самой проблемы. Вопрос о безалаберности фабричного руководства превращается в вопрос гендерного характера. Выстраивается следующая логическая цепь: «начальство не может обеспечить меня (Вотякову) квартирой не в силу своей халатности, а из личной неприязни к женщинам, следовательно, права женщин в нашей стране не защищены». А поскольку декларируемое равноправие мужчин и женщин являлось одним из элементов официального дискурса, то упрек фабричному руководству о пренебрежении к женщинам превращается в вопрос идеологического характера.

Не во всех случаях «тактики», применяемые «слабыми», имели успех в противостоянии со «стратегиями». Так, в октябре 1961 г. в Сталинский райком поступила коллективная жалоба, заверенная 49 подписями рабочих цеха № 2 пермской швейной фабрики № 3 [ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 43. Д. 109. Л. 80]. Рабочие, вернее, работницы обращались с просьбой о восстановлении в должности начальника цеха Л.И. Малышевой, ранее уволенной за приписки. Письмо работниц демонстрирует проявление некоего «рабочего братства», заключающегося в заявлении по поводу Малышевой о том, что «...мы работницы цеха ручаемся за неё и в будущем не допустим её ошибок...» [там же: Л. 80]. Заканчивается вполне комплиментарное письмо несколько неожиданной фразой: «Если вы не прислушаетесь к мнению рабочих, то мы обратимся в ЦК» [там же].

Несомненно, финальная реплика содержала в себе явный элемент угрозы для адресата. Здесь авторы заявления также идентифицировали себя не как «работницы / коллектив цеха № 2», а просто как «рабочие», к мнению которых райкому следует «прислушиваться». «Рабочие» фигурируют в приведенном отрывке как категория классового характера, имеющая свой особый, обозначенный официальным дискурсом политический вес в рамках советской системы. Игнорировать запросы «рабочих» в «государстве рабочих и крестьян» – значит ставить под вопрос собственную политическую сознательность и благонадежность. Завершающая часть реплики имела более прагматический характер: если руководство райкома не сумеет сработать для заявителей должным образом, то в письме в ЦК КПСС рабочие укажут на факт бездействия районного комитета в отношении их предыдущей жалобы.

Райком был вынужден отреагировать. Сопrotивляясь коллективному заявлению о восстановлении Малышевой, представители местного партийного руководства на собрании цеха сумели ответить собственным «тактическим» контраргументом, защитившись содержанием официального дискурса («стратегии»). «22 ноября 1961 г. в цехе № 2 швейной фабрики № 3 выступая с докладом “Об итогах работы XXII съезда КПСС” и в связи с этим говоря об обязанностях коллектива цеха по выполнению государственного плана и социалистических обязательств, принятых на 1961 год, было рассказано... <...> [что] ваше коллективное заявление, направленное в райком партии с просьбой восстановить тов. Малышеву в должности начальника цеха идёт вразрез постановлению XXII съезда КПСС...» [там же: Л. 81]. На наш взгляд, именно этот, по существу символический аргумент, оказался наиболее действенным, вследствие чего весь цех в полном составе был вынужден признать поданную в райком жалобу необоснованной. Коллективная жалоба была представлена как действие, противоречащее не только позиции райкома, но и решению съезда КПСС, а, как уже говорилось, критика высшей власти и её деятельности находилась под негласным запретом. Обозначенные таким образом границы «стратегии» попросту не оставили работницам возможностей для дальнейших возражений.

Рассмотренные выше примеры могут создать у читателя впечатление о том, что любое обращение к «языку власти» в письмах промышленных рабочих следует рассматривать как пример «тактического», то есть намеренного действия, преследующего зачастую манипулятивную цель в отношении адресата. Однако «язык власти» не следует рассматривать лишь как коммуникационный инструмент, используемый в определенных ситуациях. Этот «язык» выражал содержание официального (властного) дискурса и использовался самой властью для взаимодействия с обществом, оказывая прямое влияние на смысловое наполнение повседневной жизни и на способы интерпретации указанных смыслов. Человек, воспитанный в духе советской системы, хорошо усвоивший ее содержание и язык, мог вполне искренне замечать, например, буржуазные пережитки в поведении своих коллег по работе, возмущаться классовым угнетением со стороны начальников-«капиталистов», бороться за торжество принципа коммунистического отношения к труду и прочее.

Для более наглядной демонстрации этого утверждения обратимся к примерам двух писем, содержание которых позволяет зафиксировать влияние властных «стратегий» на мировосприятие граждан. Речь идет о двух заявлениях – письмо работницы завода им. Я. М. Свердлова Л. Я. Некрасовой, отправленное в Пермский обком КПСС в октябре 1958 г., и письмо рабочего того же предприятия А. М. Фивейского, отправленное на имя лично Н. С. Хрущева в июле 1961 г. Л. Я. Некрасова сообщала в письме следующие факты: с 1941 г. она работала на заводе Свердлова в военизированной охране, как хороший сотрудник была «рекомендована для работы агентов внутренней безопасности на заводе». Из-за травмы ноги, полученной на службе, у женщины, с её слов, образовалась гангрена, но оперативного вмешательства автор испугалась: «...не решилась пойти в больницу, решила лечиться сама, как сумею». Бросив работу, автор уехала в деревню, где якобы два месяца занималась продуктивным самолечением, после чего направилась обратно в город, чтобы вернуться на завод. Но по пути ее задержали и арестовали за самовольный уход с места работы. Отбывала наказание Некрасова в Кирове, где работала на лесосплаве, там же заболела и была помещена на лечение в тюремную больницу.

Описанное далее напоминало плохо сочиненную шпионскую историю. Однажды ночью, лежа в стационаре, Некрасова стала случайной свидетельницей некоего «секретного разговора» между двумя неизвестными, которые намеревались: «...взорвать завод № 19 им. Сталина, взорвать несколько учреждений..., <...> [взорвать] дом чекистов, во время поднятия суматохи взять связь». Подобные заявления автора равнодушным, разумеется, не оставили: «...Услышав все это, я и другие находящиеся со мной в палате женщины заключили, что тут идет речь о какой-то диверсии против советск[ой] власти, вредительство. Мы решили об этом как можно скорее сообщить в органы внутр[енней] безопасности» [ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 43. Д. 49. Л. 64]. Как следовало из дальнейшей истории, бдительную женщину еще годами преследовали мстительные «враги народа», учиняя ей различные козни.

Совсем иная история, изложенная три года спустя А. М. Фивейским в письме к Хрущеву, содержательно не уступала в своей абсурдности. В первых строках заявления Фивейский писал: «Настоящим сообщаю о чудовищном заговоре против советской власти в нашем городе, о подрывной деятельности агентов иностранной контрразведки, пробравшихся на завод п/я 211 и в КПСС, наносящих огромный вред оборонной мощи Советского Союза. Диверсанты и шпионы, работая на заводе, передают секретные сведения о работе завода при помощи радиостанции за границу» [ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 43. Д. 110. Л. 106]. Далее автор подробным образом конкретизировал столь громкие заявления, выдвигая ряд обвинений как по против своих коллег по работе, так и против соседей по коммунальной квартире, доказывая их причастность к заговору.

Избавим читателя от возможного замешательства. Некрасова и Фивейский были душевнобольными людьми. Так почему же уместно обратиться к их письмам в рамках нашего исследования? Содержание заявлений, разумеется, во многом совершенно оторвано от реальности, и нельзя винить авторов в том, что они не отдавали себе в том отчета. Однако

следует указать, что и Некрасова, и Фивейский как личности формировались в рамках определенного социального контекста, в данном случае – в советском обществе и советской системе 1920–30-х гг. Марк Блок, один из отцов-основателей школы «Анналов», писал об «искаженных свидетельствах», которые, закрепляясь в общественном мнении, превращались в пусть и ложный, но в факт [Блок 1973: 59]. Даже утратив адекватную связь с окружающей его действительностью, человек продолжал нести в себе ее отпечаток, результаты и последствия оказанного на него влияния. Эта «печать» реальности становилась частью его мировоззрения.

Истории о «врагах народа», намеревающихся устроить диверсию на авиадвигательном заводе и ряд иных терактов в городе, выступали прямым отголоском сталинских репрессивных кампаний 1930-х гг., сопровождавшихся соответствующей идеологической терминологией. Ни Некрасова, ни Фивейский не «изобретали» преступные заговоры, врагов, пробравшихся в больницы, тюрьмы, органы милиции и госбезопасности, они лишь воспроизводили элементы официального дискурса, составляющего неотъемлемую часть их повседневной жизни в предвоенное и военное время. Поэтому очевидные сходства в двух совершенно независимых друг от друга историях не указывают на реальность самого заговора. Говоря концептуальным языком не Серто, а другого французского социолога – Пьера Бурдьё – эти сходства отражают влияние социального пространства на содержание габитусов социальных агентов. Свобода воспроизводства и изобретения смыслов условна, и всегда ограничена «клеткой» габитуса [Бурдьё 2001: 107]. При всем многообразии и изобретательности «тактик» во взаимодействии со стратегиями мы не можем игнорировать фактор влияния этих «стратегий» на самих «слабых», т. е. официального дискурса на мировоззрение советских граждан.

Заключение

Подводя итоги исследования, обозначим несколько наиболее ключевых выводов. Поскольку «письма во власть» выступали одним из немногочисленных каналов коммуникации между рядовым советским гражданином и властью, их тексты содержали в себе упоминание не только трудовой повседневности, но и проблемные ситуации за пределами завода или фабрики. Рабочие не оставляли без внимания вопроса о личной идентичности, вкладывая в само понятие «рабочий» не только профессиональное содержание, но и те идеологические нарративы, которые транслировались официальным дискурсом. Намеренное акцентирование внимания адресата на принадлежности автора к рабочей среде и/или на особом политическом статусе рабочего могла служить частью «тактических» практик.

Среди «тактик» письменных коммуникаций с властью следует выделить два наиболее распространенных приема, связанных с тем, как заявители представляли вниманию адресата свои проблемы: гиперболизация и политизация ситуации. Оба приема носили во многом демагогический характер, однако повышали эмоциональный фон заявлений. Гиперболизация искусственно расширяла масштабы исходной проблемы, в то время как суть политизации заключалась в искусственном переводе проблемы из плоскости повседневности (например, если речь шла о рядовом трудовом или бытовом конфликте) в плоскость политическую.

Использование «языка власти» часто сочеталось с апелляцией заявителя к авторитету (то есть к содержанию официального дискурса), что являлось еще одним примером «тактических» действий «слабых». Апелляцией могла служить прямая ссылка на государственные решения, нормативно-правовые акты, на слова первых лиц государства и т. п. Подобным образом сами авторы писем либо демонстрировали свою политическую сознательность перед лицом власти, либо включали изложенную ими в заявлении проблему в идеологический контекст, связывая необходимость ее разрешения с интересами официального дискурса.

Наконец, рассмотрение «писем во власть» в оптике «тактических» практик неизбежно сталкивается с проблемой интерпретации исторических фактов. В той или иной мере мировоззрение советского человека всегда сохраняло автономию от влияния официального дискурса, однако не было полностью избавлено от самого факта влияния. Обращение к

«языку власти», оперирование терминологией, штампами, лозунгами действующего режима, обращение к мнению представителей высшей власти и прочее – все это сохраняет для исследователя двойственность в трактовке, когда мы обращаемся к содержанию тех же «писем во власть». Поиск более четких границ между манипулятивными действиями и бескорыстным использованием официальных дискурсов, на наш взгляд, лежит в обращении к источникам личного характера. Комплексный анализ позволит улучшить представление историков о типичных вариантах коммуникации граждан с властью, о динамике способов и приемов использования политического языка советским человеком, а также лучше понимать механизмы функционирования советской субъектности.

Список литературы

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М. : Наука, 1973. 232 с.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с. ISBN: 5-88329-351-7 EDN: QOGTMH
3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб. : Европейский университет, 2008. 298 с. ISBN: 978-5-94380-078-8 EDN: YWCDGG
4. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с. ISBN: 5-8243-0069-0 EDN: PXPCJP
5. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 211 с.
6. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М. : Европа, 2005. 544 с. ISBN: 5-9739-0017-7 EDN: QPBQYN
7. Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М. : РОССПЭН, 2008. 295 с.
8. Осокина Е. Ю. Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 3–24.
9. Попова А. Д., Попова О. Д. Отражение специфики ментальных установок советского общества в представлениях граждан о новой Конституции СССР в 1960-е гг. // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3 (50). С. 186–196. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-3-186-196 EDN: NAMZPR
10. Серто М. Изобретение повседневности. Т. 1. Искусство делать. СПб. : Европейский университет, 2013. 330 с.

Список источников

1. Письма, заявления, жалобы за 1960–1965 гг. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 289. Д. 13.
2. Жалобы и заявления трудящихся за 1961 г. Т. 1. ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 43. Д. 109.
3. Жалобы и заявления трудящихся. ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 44. Д. 384.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 10. 1961–1965. М. : Политиздат, 1986. 494 с.
5. Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М. : РОССПЭН, 1998. 664 с.
6. Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М. : РОССПЭН, 2002. 528 с.
7. Последние письма Сталину. 1952–1953 гг. Реконструкция документального комплекса. М. : РОССПЭН, 2015. 542 с.

References

1. Bloch M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. [The Apology of History or the Craft of the Historian]. Moscow, Nauka, 1973, 232 p. (In Russ).
2. Bourdieu P. Prakticheskij smysl. [Practical meaning]. Saint Petersburg, Aletejya, 2001, 562 p. (In Russ). ISBN: 5-88329-351-7 EDN: QOGTMH
3. Volkov V. V., Harhordin O. V. Teoriya praktik. [Theory of practices]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2008, 298 p. (In Russ). ISBN: 978-5-94380-078-8 EDN: YWCDGG
4. Zubkova E. Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953. [Post-war Soviet Society: Politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN, 1999, 229 p. (In Russ).

5. Kimerling A. S. Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnej stalinskoj epohi. [To carry out and dissemble: Political campaigns of the late Stalin era]. Moscow, Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki, 2017, 211 p. (In Russ).

6. Kozlova N. N. Sovetskie lyudi. Sceny iz istorii. [Soviet people. Scenes from history]. Moscow, Izdatel'stvo "Evropa", 2005, 544 p. (In Russ). ISBN: 5-9739-0017-7 EDN: QPBQYH

7. Lejbovich O. L. V gorode M. Oчерki social'noj povsednevnosti sovetskoj provincii v 40–50-h gg. [In the city of M. Essays on the social life of the Soviet province in the 40-50s]. Moscow, ROSSPEN, 2008, 295 p. (In Russ).

8. Osokina E. Y. Krizis snabzheniya 1939–1941 gg. v pis'mah sovetskih lyudej. [The supply crisis of 1939–1941 in the letters of Soviet people]. Voprosy istorii [Questions of History]. 1998, no. 1, pp. 3–24. (In Russ).

9. Popova A. D., Popova O. D. Otrazhenie specifik mental'nyh ustanovok sovetskogo obshchestva v predstavleniyah grazhdan o novoj Konstitucii SSSR v 1960-e gg. [Reflection of the specifics of the mental attitudes of Soviet society in the ideas of citizens about the new Constitution of the USSR in the 1960s]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya [Perm University Herald. History]. 2020, no. 50 (3), pp. 186–196. (In Russ). DOI: 10.17072/2219-3111-2020-3-186-196 EDN: NAMZPR

10. Certeau M. Izobretenie povsednevnosti. T. 1. Iskusstvo delat'. [The invention of everyday life. Vol. 1. The art of making]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013, 330 p. (In Russ).

List of sources

1. Pis'ma, zayavleniya, zhaloby za 1960–1965 gg [Letters, statements, complaints for 1960–1965]. Perm Archive of Socio-Political History. F. 105, op. 289, d. 13. (In Russ).

2. Zhaloby i zayavleniya trudyashchihsya za 1961 g. T. 1 [Complaints and statements of workers for 1961, vol. 1]. Perm Archive of Socio-Political History. F. 231, op. 43, d. 109. (In Russ).

3. Zhaloby i zayavleniya trudyashchihsya [Complaints and statements of workers]. Perm Archive of Socio-Political History. F. 85, op. 44, d. 384. (In Russ).

4. Pis'ma vo vlast'. 1917–1927: Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdym. [Letters to the Authorities. 1917–1927: Statements, complaints, denunciations, letters to government agencies and Bolshevik leaders]. Moscow, ROSSPEN, 1998, 664 p. (In Russ). ISBN: 5-8243-0069-0 EDN: PXPCJP

5. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezдов, konferentsii i plenumov TsK (1898–1986) [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898–1986)]. Vol. 10, 1961–1965. Moscow, Politizdat, 1986, 494 p. (In Russ).

6. Pis'ma vo vlast'. 1928–1939: Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdym. [Letters to the Authorities. 1928–1938: Statements, complaints, denunciations, letters to government agencies and Bolshevik leaders]. Moscow, ROSSPEN, 2002, 528 p. (In Russ).

7. Poslednie pis'ma Stalinu. 1952–1953 gg. Rekonstrukciya dokumental'nogo kompleksa. [The last letters to Stalin. 1952–1953 Reconstruction of the documentary complex]. Moscow, ROSSPEN, 2015, 542 p. (In Russ).

Информация об авторе

Д. А. Баранов – магистр истории,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

D. A. Baranov – Master's Degree in History, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 37–44.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 37-44.

Научная статья

УДК 291.21

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-37-44

АРХЕТИПЫ ЗЕМЛИ И НЕБА: КОНФЛИКТ И СИНТЕЗ ПАЛЕОЕВРОПЕЙСКОЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИН МИРА В МИФОЛОГИИ

Максим Андреевич Щеголев

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
fopsmax@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу отражения глубокого культурно-религиозного конфликта и последующего синтеза между автохтонной палеоевропейской («Старой Европы» по М. Гимбутас) и пришлой индоевропейской традициями в мифологических системах индоевропейских народов. Методологической основой исследования выступает междисциплинарный подход, объединяющий данные сравнительной мифологии, лингвистической реконструкции, археологии и генетики. Показано, что индоевропейская картина мира, сформировавшаяся в степной среде, строилась на дуализме маскулинного небесного начала (*Dyēus ph₂tēr) и феминного земного (*Dhǵhóm). Этой системе противостоял мировоззренческий комплекс «Старой Европы» с доминированием хтонических культов плодородия и женских божеств. Столкновение этих двух моделей наиболее ярко зафиксировано в мифах о змеборчестве и смене поколений богов, где победа громовержца символизирует утверждение патриархального небесного порядка. Однако результатом стало не уничтожение, а синтез. Произошла ассимиляция индоевропейцами мощных автохтонных архетипов, что отразилось в структуре пантеонов (Деметра, Афина, Гера у греков), ритуальной практике (разные типы жертвоприношений небесным и хтоническим богам) и даже в развитии грамматической категории женского рода в индоевропейских языках. Таким образом, мифология индоевропейцев предстает как сложный продукт синтеза, свидетельство древнейшего культурного взаимодействия, последствия которого прослеживаются вплоть до современности. Данный дуализм и последующее соединение противоположностей повторялись, например, при христианизации Европы, когда официальная религия Небесного Бога-Отца вступала в сложное взаимодействие с местными языческими культурами, ориентированными на силы земли, плодородия и духов предков. Глубинные пласты народной культуры, сказок (где архетип Бабы-Яги или Лесной Матери зачастую мощнее и архаичнее, чем образы князей и царевичей), а также современные нью-эйдж и неоязыческие движения, апеллирующие к «Великой Богине», свидетельствуют о непреходящей силе уходящих корнями в палеоевропейский субстрат архетипов.

Ключевые слова: индоевропейская мифология, палеоевропейский субстрат, архетип, феминное и маскулинное, культурный синтез, сравнительная мифология.

Для цитирования: Щеголев М. А. Архетипы земли и неба: конфликт и синтез палеоевропейской и индоевропейской картин мира в мифологии // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 37–44. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-37-44>

Original article

ARCHETYPES OF EARTH AND SKY: CONFLICT AND SYNTHESIS OF PALEOEUROPEAN AND INDO-EUROPEAN WORLDVIEWS IN MYTHOLOGY

Maxim A. Schegolev

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, fopsmax@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the reflection of a deep cultural and religious conflict and the subsequent synthesis between the autochthonous Paleoeuropean ("Old Europe" according to M. Gimbutas) and the alien Indo-European traditions in the mythological systems of the Indo-European peoples. The methodological basis of the research is an interdisciplinary approach combining data from comparative mythology, linguistic reconstruction, archeology and genetics. It is shown that the Indo-European worldview, formed in the steppe environment, was based on the dualism of the masculine heavenly principle (*Dyēus ph₂tēr) and the feminine earthly (*Dhéhom). This system was opposed by the ideological complex of "Old Europe" dominated by chthonic fertility cults and female deities. The clash of these two models is most vividly recorded in the myths of snake fighting and the alternation of generations of gods, where the victory of the thunderer symbolizes the establishment of the patriarchal heavenly order. However, the result was not annihilation, but synthesis. The Indo-Europeans assimilated powerful autochthonous archetypes, which was reflected in the structure of the pantheons (Demeter, Athena, Hera among the Greeks), ritual practice (various types of sacrifices to celestial and chthonic gods), and even in the development of the grammatical category of the feminine gender in Indo-European languages. Thus, the mythology of the Indo-Europeans appears as a complex product of synthesis, evidence of an ancient cultural interaction, the consequences of which can be traced back to modern times. This dualism and the subsequent combination of opposites were repeated, for example, during the Christianization of Europe, when the official religion of the Heavenly Father God entered into a complex interaction with local pagan cults focused on the forces of the earth, fertility and ancestral spirits. The deep layers of folk culture, fairy tales (where the archetype of Baba Yaga or the Forest Mother is often more powerful and archaic than the images of princes), as well as modern new age and neo-pagan movements appealing to the "Great Goddess", testify to the enduring power of archetypes rooted in the Paleoeuropean substratum.

Keywords: Indo-European mythology, Paleoeuropean substratum, archetype, feminine and masculine, cultural synthesis, comparative mythology.

For citation: Schegolev M. A. Archetypes of Earth and Sky: Conflict and Synthesis of Paleoeuropean and Indo-European Worldviews in Mythology. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:37-44. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-37-44>

Введение

Реконструкция древнейших пластов мифологического сознания неизбежно сталкивается с фундаментальной проблемой взаимодействия автохтонных культур и культур пришлых популяций. В евразийском контексте ключевым представляется противостояние и последующий синтез двух мощных традиций: палеоевропейской (или «Старой Европы» по М. Гимбутас) с ее доминирующим хтоническим, феминным началом, и индоевропейской, принесенной мигрантами из понтийско-каспийских степей и характеризующейся уранической, маскулинной ориентацией [Gimbutas 2007: 9; Энтони 2023: 141]. Данная статья ставит целью проанализировать, как архетипические оппозиции «земля – небо» и «феминное – маскулинное» отразили этот глубинный культурный конфликт и последующий синтез в мифологических системах индоевропейских народов. Анализ проводится с привлечением лингвистических, археологических и сравнительно-мифологических данных, что позволяет создать объемную картину трансформации религиозных и мировоззренческих парадигм в процессе масштабных этнокультурных изменений. В рамках данного исследования ключевые термины понимаются следующим образом:

Хтонический (от греч. χθών – земля) – относящийся к земле, подземному миру, силам природы, плодородия и смерти.

Уранический (от греч. οὐρανός – небо) – относящийся к небу, небесным светилам, высшим, трансцендентным силам порядка и закона.

Субстрат – в лингвистике и культурологии: влияние автохтонного, покоренного населения на язык и культуру пришлого народа-завоевателя.

Архетип – универсальная, фундаментальная мифологема, образ или сюжетный паттерн, составляющий основу коллективного бессознательного и повторяющийся в различных культурах.

Основная часть

Исследование построено на междисциплинарном подходе, который является необходимым условием для реконструкции соответствующих процессов. Метод сравнительной мифологии применяется для выявления общих сюжетных схем, таких как змеборчество или смена поколений богов, и архетипических образов across различных индоевропейских традиций, что позволяет говорить об общем праиндоевропейском наследии или, наоборот, о субстратных влияниях [Watkins 1995; Dumézil 1966]. Лингвистическая реконструкция направлена на выявление праиндоевропейских когнатов, репрезентирующих ключевые концепты, такие как *Dyéus ph₂tēr («Небо-отец») или *Dhéh₂om («Земля»), а также на анализ грамматических категорий, например, происхождения маркеров женского рода, что может свидетельствовать о культурных заимствованиях [Mallory, Douglas 1997; West 2007: 120; Melchert 2014]. Культурно-историческая интерпретация опирается на данные археологии, такие как исследования ямной и трипольской культур, демонстрирующие миграционные волны и смену культурных парадигм, а также на данные генетики, которые подтверждают факт смешения пришлых степных популяций с местным доиндоевропейским населением Евразии [Энтони 2023; Dexter 2023: 504].

Индоевропейская картина мира: дуализм неба и земли. Ядро индоевропейской космогонии строится на фундаментальной оппозиции сакрализованных мужского и женского начал, которые проецируются на всю структуру космоса. Верхний, небесный мир концептуализируется как сфера маскулинного, активного, упорядочивающего и суверенного начала. Его верховной персонификацией выступает реконструируемый бог ясного неба *Dyéus ph₂tēr (ведийский Dyáus-pitár, греческий Ζεύς πατήρ, латинский Iuppiter и т. д.), имя которого этимологически восходит к корню *deu- со значением «сиять, излучать свет» [West 2007: 120]. Небо в индоевропейской традиции осмысливается как твердый, часто каменный свод [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 667], оно ассоциируется с атмосферными явлениями – громом, молнией, дождем, который метафорически воспринимается как «небесное семя», оплодотворяющее землю и дарующее жизнь [Маковский 1996: 229]. Данный комплекс идей был во многом обусловлен средой обитания праиндоевропейцев – открытыми степями Причерноморья и Прикаспия, где небо является доминирующим, «самой поразительной и великолепной частью ландшафта» [Энтони 2023: 141].

Нижний, земной мир воплощает в себе феминное, пассивное, порождающее и одновременно поглощающее начало. Праиндоевропейское имя богини земли *Dhéh₂om (хеттское dēgan, русское земля, греческое χθών) во всех без исключения традициях принадлежит к женскому грамматическому роду [Mallory, Douglas, 1997]. Земля – это «мать» (русское Мать Сыра Земля, латышское Zemes Māte), она «темная» (хеттское dankui degan, древнеирландское domun donn), «широкая» (ведийское pṛthivī, греческое εὐρεία χθών) [Евсюков 1988: 92]. Она связана не только с плодородием и жизнью, но и со смертью, разложением, образуя вечный цикл созидания и разрушения, будучи «землей-преисподней» и «землей-матерью» в одном лице [Фрейденберг 1997: 63]. Этот космогонический дуализм был закреплен в устойчивой мифопоэтической формуле «Небо и Земля» (ведийское Dyāvapṛthivī/Dyāvākṣamā) как прародителей всего сущего [Мелетинский 1971] и находил прямое отражение в социальной организации и системе родства. Патриархальные тенденции, усиленные переходом к кочевому скотоводству, нашли отражение в асимметричной системе родства с акцентом на отцовской линии (отсутствие термина *matrius* при наличии *patrius*), в ритуалах брака, где ключевым был глагол со значением «уводить невесту» (*Hued[h]), и в концепции власти, производной от идеи порождения (*h₂o/ans → хеттское ḥaššu «царь», от ḥaš «рождать») [Watkins 1995: 9; Бенвенист 1995: 148].

Палеоевропейский субстрат: доминанта хтонического и феминного. Культура «Старой Европы» (примерно 6500–3500 гг. до н. э.) характеризуется эгалитарной социальной структурой, отсутствием явных следов масштабных военных конфликтов и абсолютным доминированием культов плодородия, сфокусированных на женских божествах и символах [Gimbutas 2007: 9;

Renfrew 1987: 253]. Археологические данные, полученные при раскопках таких памятников, как Чатал-Хююк, демонстрируют изобилие женских фигурок, часто с гипертрофированными чертами, связанными с деторождением и кормлением, отсутствие сцен насилия в искусстве и наличие крупных неукрепленных поселений, что свидетельствует о стабильной, матрицентричной, земледельческой идеологии [Hodder 2006]. Религия была целиком ориентирована на циклы природы, плодородие почвы, животных и людей и на хтонические силы, управляющие этими циклами. Следует отметить, что концепция М. Гимбутас («Старая Европа»), являясь фундаментальной для понимания данного культурного дуализма, в современной науке часто критикуется за излишнюю прямолинейность и монолитность [Meskell 1995]. Современные исследователи склоняются к более сложному, многокомпонентному и неоднородному характеру доиндоевропейских культур Европы. Тем не менее, базовый конфликт между патриархальной, ориентированной на скотоводство и воинскую доблесть культурой степняков и матрицентричными, земледельческими обществами старой Европы признается в качестве основной движущей силы последующих трансформаций.

Современная археология и антропология, признавая ценность обобщающей модели Гимбутас, вносят в нее существенные коррективы, отходя от представления о «Старой Европе» как об идеализированном монолитном матриархате. Исследования показывают, что доиндоевропейские общества были чрезвычайно разнородны. Находки укреплений на некоторых поселениях культуры Винча, свидетельства насильственных смертей и социального расслоения указывают на то, что эти общества не были абсолютно мирными и эгалитарными [Meskell 1995: 80]. Таким образом, противостояние следует понимать не как столкновение двух абсолютных противоположностей, а как встречу двух разнородных систем, в одной из которых доминировали патриархально-воинские и кочевые тенденции, а в другой – аграрно-феминные и оседлые, но со значительной вариативностью в каждом конкретном регионе.

Ярким материальным отражением двух картин мира являются погребальные обряды. Индоевропейская традиция (ямная, срубная культуры) характеризуется курганными (надмогильными) насыпями, символизирующими связь с небом и возвышение над землей. Захоронения часто совершались в скорченной позе на боку (поза эмбриона, возможно, символизирующая возвращение в лоно матери-земли для нового рождения) с акцентом на оружии и элементах упряжи, что отражает воинский, маскулинный идеал [Энтони 2023]. Палеоевропейская традиция (трипольская культура) чаще практиковала грунтовые могильники, бескурганные захоронения (в том числе кремацию), где инвентарь был связан в основном с символами плодородия и домашней утварью, что коррелирует с аграрным, феминным мироощущением [Renfrew, 1987]. Синтез в зонах контакта проявляется в появлении курганов на Балканах и в Центральной Европе, но с богатым инвентарем, включающим как оружие (индоевропейский маркер), так и женские украшения, символы плодородия (субстратный маркер). Как полагает М. Р. Декстер, праиндоевропейцы изначально имели довольно ограниченный набор богинь, которые в основном персонифицировали абстрактные природные явления: солнечную деву, речную богиню, зарю и землю. Могущественные богини более поздних пантеонов (например, Фрейя в скандинавской традиции, Афина и Гера – в греческой, Юнона – в римской) были, по всей видимости, ассимилированы из пантеонов коренных народов Европы [Dexter 2023: 508]. Это указывает на глубокую укорененность феминного архетипа в доиндоевропейском субстрате и его непреходящую культурную значимость, которую пришлым народам пришлось интегрировать в свою систему верований.

Конфликт и синтез: мифология как поле битвы и ассимиляции. Столкновение двух картин мира наиболее ярко и драматично отражено в мифах о змеборчестве и насильственной смене поколений богов. Борьба громовержца (Индра в Ведах, Зевс в Греции, Тархуннас у хеттов, Тор в Скандинавии, Амирани в Грузии и т. д.) с хтоническим змеем (Вритра, Тифон, Пифон, Вешапи) представляет собой не просто метеорологический миф о грозе, а масштабный космогонический акт установления патриархального, небесного порядка над хаотичными, хтоническими силами, которые ассоциируются с землей и водой [Watkins 1995: 300]. Змей, часто рожденный землей (как Тифон у Гесиода), воплощает изначальную, феминную мощь хтонического мира, победа

над которой легитимирует власть нового поколения богов-уранистов и закрепляет новый миропорядок. В греческой традиции этот конфликт выражен с предельной ясностью в титаномахии – битве и низвержении титанов (порождений Земли-Геи) олимпийцами во главе с Зевсом. Однако синтез проявился не в полном уничтожении старого, а в инкорпорации древних хтонических культов и фигур в новую олимпийскую систему. Ярким примером являются Элевсинские мистерии с центральной ролью богини Деметры, или трансформация образов: Афродита из богини плодородия и сексуальной мощи становится богиней любви и красоты в рамках олимпийской иерархии, а Гера, возможно, восходящая к великой догреческой богине, ограничивается в своем влиянии семейной и брачной сферой. Этот процесс синтеза на уровне отдельных божеств можно проследить на нескольких ярких примерах. Образ Деметры представляет собой глубокий симбиоз. Само ее имя, вероятно, имеет индоевропейскую этимологию («*Déh₂-mhitēr*» – «Мать-Зерно»), что может указывать на аграрный компонент в верованиях пришельцев. Однако ее главный культ – Элевсинские мистерии – с его ярко выраженной хтонической, аграрной и эсхатологической символикой, ориентацией на циклическое обновление жизни и плодородия, практически целиком восходит к догреческому субстрату. Олимпийская система не смогла его подавить, но была вынуждена инкорпорировать, отдав Деметре почетное место.

Образ Афины – классический продукт синтеза. Она – богиня-воительница, защитница героев и крепостей (черта, согласующаяся с патриархальным идеалом), но ее рождение из головы Зевса, ее связь с мудростью (искусством прядения, ремеслом), а главное – ее глубокие связи с хтонической символикой (змий, сова, опека над героем-змеем Эрихтонием) выдают ее субстратное, догреческое происхождение, возможно, от богини-покровительницы дворца минойского Крита. Геката, чей хтонический и практически доземной характер не вызывает сомнений, не была «побеждена» или подчинена, но заняла уникальную маргинальную нишу в новой системе, став посредником между мирами людей, олимпийцев и хтонических сил, что демонстрирует способность индоевропейской мифологии не только ассимилировать, но и структурно интегрировать мощные автохтонные архетипы.

Особенно показателен анатолийский материал. Хетты, рано отделившиеся от праиндоевропейской общности и ассимилировавшие богатый хаттский и хурритский субстрат, сохранили уникальный синтез двух традиций. С одной стороны, в их пантеоне присутствует классический индоевропейский бог грозы Тархуннас, победитель змея Иллуянки [Луна, упавшая с неба 1977: 93]. С другой – огромную, часто доминирующую роль играют женские божества: солнечная богиня Ариннити, царица-таваннанна, обладающая огромным сакральным и политическим влиянием, и жрицы («Старые Женщины»), чья власть, судя по тексту «Завещания Хаттусилиса I», вызывала серьезные опасения у царской власти [там же, с. 271]. Генетические данные подтверждают модель смешения пришлых степных популяций (носители Y-гаплогруппы R1b) с местным анатолийским населением, причем митохондриальные линии (передающиеся по материнской линии) оставались преимущественно анатолийскими [Lazaridis et al., 2024], что отражает вероятные матриликальные брачные практики на раннем этапе контакта. Поле синтеза двух картин мира простирается за пределы мифологических нарративов в область сакральной практики – ритуала. Индоевропейская традиция жертвоприношения была ориентирована преимущественно на небесных богов. Основным методом было сожжение жертвы (животного, жира, возлияния) на открытом воздухе, чтобы дым (лат. *fumus*, ср. с санскр. *dhumas*) вознесся к небесным богам [Бенвенист 1995: 201]. Этот обряд, известный по ведийским яджнам, греческим гиселиям и римским сожжениям (*holocausta*), символизировал установление вертикальной связи между жрецом / общиной и небом.

Напротив, хтонические божества и силы палеоевропейского субстрата требовали иных форм почитания. Им приносились энхиристирии (греч.) – возлияния вина, меда или молока непосредственно в землю, или хайресии – полное погружение жертвы (часто животного) в специальную яму (*bothros*). Эти обряды, часто совершавшиеся ночью, были направлены вниз, на установление связи с подземным миром и силами плодородия [Burkert 1985: 199]. Синтез в зонах

контакта привел не к замене одной системы другой, а к их сосуществованию и функциональному разделению. В сложившейся религии исторической Греции и Рима тип жертвоприношения строго определялся природой божества: небесным богам – жертвы на высоких алтарях, хтоническим – в ямах и на низких алтарях. Эта ритуальная дихотомия является прямым материальным отражением дуализма двух архетипов, слившихся в единую, но внутренне сложную религиозную систему. Лингвистически синтез проявился в развитии категории женского рода. Считается, что анатолийские языки изначально, вероятно, имели бинарную родовую систему (одушевленный / мужской и неодушевленный / средний род), тогда как в других ветвях индоевропейской семьи под влиянием субстрата, акцентировавшего феминное начало, развилась трехродовая система с формальными маркерами женского рода (*-h₂, *-ih₂) [Melchert 2014; Lundquist, Yates 2018: 2094–2099]. Это грамматическое нововведение можно рассматривать как прямое отражение возросшей культурной и социальной значимости феминного начала после ассимиляции индоевропейцами земледельческих народов Старой Европы.

Дополнительным лингвистическим свидетельством служит анализ ключевой ритуальной и религиозной лексики. Ряд важных теонимов и терминов, связанных с земледелием, магией и плодородием, демонстрируют неиндоевропейское происхождение или фонетические аномалии, указывающие на заимствование. Классический пример – греческое имя Ἀφροδίτη (Афродита), этимология которого не имеет убедительной индоевропейской версии и, вероятно, восходит к догреческому субстрату [Beekes 2010]. Аналогично, некоторые ритуальные термины в латыни, связанные с обработкой земли и плодородием, могут нести в себе следы доиндоевропейских языков Италии. Это указывает на то, что не только грамматические структуры, но и самая сакральная лексика новой религии формировалась под мощным влиянием автохтонных культов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что мифология индоевропейских народов сложилась не как монолитная система, но как результат сложного и многогранного взаимодействия и синтеза двух архетипических картин мира. Индоевропейская традиция, с ее патриархальным, небесным, воинственным и ориентированным на скотоводство идеалом, наложилась на глубокий и мощный субстрат палеоевропейской культуры, ориентированной на матрицентричное, хтоническое, аграрное начало. Этот конфликт и последующий синтез нашли свое выражение в центральных мифологических сюжетах (змееборчество, титаномехия), в структурном дуализме пантеонов (олимпийцы и хтонические божества), в социальной организации (поиск баланса между патрилинейной властью и сакральным статусом женщин, как у хеттов) и даже в грамматической структуре языков (развитие категории женского рода как формального маркера). Данный синтез не был единовременным актом, а продолжался тысячелетиями, проявляясь уже в историческое время в виде народных верований, сказочных сюжетов и ересей, где архетип могущественной хозяйки земли (Баба-Яга, Морана у славян, различные «Дикие Охотницы» в кельтском и германском фольклоре) продолжает сосуществовать с архетипом небесного воителя и громовержца. Таким образом, мифология становится не просто полем битвы и ассимиляции, но и живым архивом древнейшей истории Евразии, чьи коды продолжают воздействовать на культурное бессознательное и по сей день.

Таким образом, предложенная модель конфликта и синтеза уранического / патриархального и хтонического / феминного начал выходит за рамки сугубо историко-культурной реконструкции, приобретая черты метаисторического архетипа. Этот дуализм и последующее соединение противоположностей повторялись впоследствии, например, при христианизации Европы, когда официальная религия Небесного Бога-Отца вступала в сложное взаимодействие с местными языческими культами, ориентированными на силы земли, плодородия и духов предков. Глубинные пласты народной культуры, сказок (где архетип Бабы-Яги или Лесной Матери зачастую мощнее и архаичнее, чем образы князей и царевичей), а также современные нью-эйдж и неоязыческие движения, апеллирующие к «Великой Богине», свидетельствуют о непреходящей силе этих древних, уходящих корнями

в палеоевропейский субстрат, архетипов. Изучение их взаимодействия с доминирующими культурными парадигмами позволяет понять не только формирование древних мифологий, но и глубинную структуру европейского культурного бессознательного в целом.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2-х томах. Тбилиси : Тбилисский университет, 1984. 1330 с.
3. Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск : Наука, 1988. 177 с.
4. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Пер. с древнемалоазиатских языков, вступит. статья и коммент. Вяч. Вс. Иванова. М. : Художественная литература, 1977. 317 с.
5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М. : Владос, 1996. 416 с.
6. Мелетинский Е. М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М. : Наука, 1971. С. 68–133. EDN: YGMSOF
7. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 449 с. ISBN: 5-87604-108-4 EDN: QZNKEL
8. Энтони Д. Лошадь, колесо и язык. Как наездники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир. М. : Высшая школа экономики, 2023. 672 с.
9. Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek (Vols. 1-2). Leiden : Brill, 2010. 1808 p.
10. Burkert W. Greek Religion : Archaic and Classical. Translated by John Raffan. Oxford : Blackwell Publishing, 1985. 516 p.
11. Dexter M. R. DNA Evidence for the Roots of Indo-European Patriarchy and Proto-Indo-European Culture // Art and memory. Papers in Honor of the 80th Anniversary of Ivan Marazov. Sofia, 2023. P. 503–516.
12. Dumézil G. La religion romaine archaïque // La religion des Étrusques. Paris: Payot, 1966. P. 182–185.
13. Gimbutas M. The Goddesses and Gods of Old Europe 6500-3500 BC : Myths and Cult Images. University of California Press, 2007. 304 p.
14. Hodder I. The Leopard's Tale : Revealing the Mysteries of Çatalhöyük. New York : Thames & Hudson, 2006. 288 p.
15. Lazaridis I., et al. The Genetic Origin of the Indo-Europeans. Preprint // BioRxiv. 2024. P. 589–597. DOI: 10.1101/2024.04.17.589597 EDN: NHWPNW
16. Lundquist J., Yates A. D. The morphology of Indo-European // J. Klein, B. Joseph and M. Fritz (Eds.), Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics: An International Handbook. Berlin & Boston : De Gruyter, 2018. P. 2079–2195.
17. Mallory J. P., Douglas Q. A. Encyclopedia of Indo-European Culture. London : Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 829 p.
18. Melchert C. H. PIE *-eh2 as an "individualizing" Suffix and the Feminine Gender // Studies on the Collective and Feminine in Indo-European from a Diachronic and Typological Perspective. 2014. P. 257–271.
19. Meskell L. M. Goddesses, Gimbutas and 'New Age' Archaeology // Antiquity. 1995. Vol. 69, No. 262. P. 74–86.
20. Renfrew C. Archaeology and language : The puzzle of Indo-European origins. Penguin Book, 1987. 346 p.
21. Watkins C. How to Kill a Dragon : Aspects of Indo-European Poetics. New York : Oxford University Press, 1995. 613 p.
22. West M. L. Indo-European Poetry and Myth. Oxford : Oxford University Press, 2007. 525 p.

References

1. Benvenist E. Slovar' indoevropskikh sotsial'nykh terminov [Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow, Progress-Univers, 1995, 456 p. (In Russ.).
2. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Indoevropskii yazyk i indoevropceitsy [Indo-European language and Indo-Europeans]. Tbilisi, Tbilisskii universitet, 1984, 1330 p. (In Russ.).
3. Evsyukov V. V. Mify o vselennoi [Myths about the universe]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 177 p. (In Russ.).

4. Luna, upavshaya s neba. Drevnyaya literatura Maloi Azii [The Moon Fallen from the Sky. Ancient Literature of Asia Minor]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1977, 317 p. (In Russ.).
5. Makovskii M. M. Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeiskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov [A Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages. The Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow, Vlos, 1996, 416 p. (In Russ.).
6. Meletinskii E. M. Mify drevnego mira v sravnitel'nom osveshchenii [Myths of the Ancient World in Comparative Light]. *Tipologiya i vzaimosvyazi literatur drevnego mira* [Typology and interrelations of the literatures of the ancient world]. Moscow, Nauka, 1971, pp. 68-133. (In Russ.). EDN: YGMSOF
7. Freidenberg O. M. Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of plot and genre]. Moscow, Labirint, 1997, 449 p. (In Russ.). ISBN: 5-87604-108-4 EDN: QZNKEL
8. Entoni D. Loshad', koleso i yazyk. Kak naezdники bronzovogo veka iz evraziiskikh stepei sformirovali sovremennyi mir [Horse, Wheel, and Language: How Bronze Age Horsemen from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World]. Moscow, Higher School of Economics, 2023, 672 p. (In Russ.).
9. Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek (Vols. 1-2). Leiden : Brill, 2010. 1808 p.
10. Burkert W. Greek Religion : Archaic and Classical. Translated by John Raffan. Oxford : Blackwell Publishing, 1985, 516 p.
11. Dexter M. R. DNA Evidence for the Roots of Indo-European Patriarchy and Proto-Indo-European Culture. *Art and memory. Papers in Honor of the 80th Anniversary of Ivan Marazov*. Sofia, 2023, pp. 503-516.
12. Dumézil G. La religion romaine archaïque. *La religion des Étrusques*. Paris, Payot, 1966, pp. 182-185.
13. Gimbutas M. The Goddesses and Gods of Old Europe 6500-3500 BC: Myths and Cult Images. University of California Press, 2007, 304 p.
14. Hodder I. The Leopard's Tale : Revealing the Mysteries of Çatalhöyük. New York, Thames & Hudson, 2006, 288 p.
15. Lazaridis I., et al. The Genetic Origin of the Indo-Europeans. Preprint. *BioRxiv*. 2024, pp. 589-597. DOI: 10.1101/2024.04.17.589597 EDN: NHWPNW
16. Lundquist J., Yates A. D. The morphology of Indo-European. J. Klein, B. Joseph and M. Fritz (Eds.), *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics: An International Handbook*. Berlin & Boston, De Gruyter, 2018, pp. 2079-2195.
17. Mallory J. P., Douglas Q. A. Encyclopedia of Indo-European Culture. London, Fitzroy Dearborn Publishers, 1997, 829 p.
18. Melchert C. H. PIE *-eh2 as an “individualizing” Suffix and the Feminine Gender. *Studies on the Collective and Feminine in Indo-European from a Diachronic and Typological Perspective*. 2014, pp. 257-271.
19. Meskell L. M. Goddesses, Gimbutas and 'New Age' Archaeology. *Antiquity*. 1995, vol. 69, no. 262, pp. 74-86.
20. Renfrew C. Archaeology and language : The puzzle of Indo-European origins. Penguin Book, 1987, 346 p.
21. Watkins C. How to Kill a Dragon : Aspects of Indo-European Poetics. New York, Oxford University Press, 1995, 613 p.
22. West M. L. Indo-European Poetry and Myth. Oxford, Oxford University Press, 2007, 525 p.

Информация об авторе

М. А. Щеголев – преподаватель, кафедра иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет.

Information about the author

M. A. Schegolev – Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 28.09.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 28.09.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 45–53.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 45-53.

Научная статья

УДК 004.92

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-45-53

ЛОГОТИП КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Наталья Андреевна Архипова¹, Анастасия Алексеевна Чешун²

^{1,2} МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия

¹ Московский международный университет, Москва, Россия, naarkhip@yandex.ru

² design2024mmu@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется логотип как стратегический инструмент визуальной коммуникации и идентификации в медиапространстве. В условиях цифровизации и глобализации медиасреды логотип трансформируется из простого графического элемента в сложный семиотический конструкт, выполняющий коммуникативные, маркетинговые и правовые функции. Авторы проводят функциональный анализ логотипа на основе моделей Р. О. Якобсона и Н. С. Добробабенко, рассматривают его эволюцию в контексте медиаиндустрии, а также анализируют правовые аспекты защиты и использования в условиях международного медиарынка. Особое внимание уделяется современным тенденциям в дизайне логотипов, включая адаптивность, интерактивность и динамические формы. В работе применяются сравнительный анализ, семиотический подход и исследование нормативно-правовых документов. Результаты исследования демонстрируют, что эффективный логотип должен сочетать визуальную выразительность, коммерческую ценность и юридическую защищенность. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния искусственного интеллекта на создание логотипов и когнитивным воздействием динамических форм на аудиторию.

Ключевые слова: логотип, визуальная коммуникация, медиапространство, фирменный стиль, товарный знак, цифровая трансформация, семиотический анализ.

Для цитирования: Архипова Н. А., Чешун А. А. Логотип как стратегический инструмент визуальной коммуникации и идентификации в медиапространстве: функциональный анализ, правовые аспекты и перспективы развития // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 45–53. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-45-53>

Original article

THE LOGO AS A STRATEGIC TOOL FOR VISUAL COMMUNICATION AND IDENTIFICATION IN THE MEDIA SPACE: FUNCTIONAL ANALYSIS, LEGAL ASPECTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Natalia A. Arkhipova¹, Anastasia A. Cheshun²

^{1,2} MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

¹ Moscow International University, Moscow, Russia, naarkhip@yandex.ru

² design2024mmu@gmail.com

Abstract. The article examines the logo as a strategic tool for visual communication and identification in the media space. In the context of digitalization and globalization of the media environment, the logo is transformed from a simple graphic element into a complex semiotic construct that performs communicative, marketing and legal functions. The authors conduct a functional analysis of the logo based on the models of R. O. Jakobson and N. S. Dobrobabenko, consider its evolution in the context of the media industry, and analyze the legal aspects of protection and use in the international media market. Special attention is paid to current trends in logo design, including adaptability, interactivity, and dynamic forms. The work uses comparative analysis, a semiotic approach, and a study of regulatory documents. The results of the study demonstrate that an effective logo should combine visual expressiveness, commercial value and legal protection. The prospects for further research are related to the study of the influence of artificial intelligence on the creation of logos and the cognitive impact of dynamic forms on the audience.

Keywords: logo, visual communication, media space, corporate identity, trademark, digital transformation, semiotic analysis.

For citation: Arkhipova N. A., Cheshun A. A. The Logo as a Strategic Tool for Visual Communication and Identification in the Media Space: Functional Analysis, Legal Aspects and Development Prospects. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:45-53. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-45-53>

Введение

В условиях глобализации информационного пространства и стремительного развития цифровых технологий средства массовой информации сталкиваются с беспрецедентной конкуренцией за внимание аудитории. В этом контексте логотип трансформируется из простого графического элемента в сложный семиотический конструкт, выполняющий множество взаимосвязанных функций. Современные исследования [Куприна 2014; Добробабенко 2009] демонстрируют, что логотип выступает не только как визуальный идентификатор медиаорганизации, но и как важнейший инструмент формирования доверия, передачи ценностей и создания устойчивых ассоциаций в сознании потребителей.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа роли логотипа в условиях цифровизации медиасреды, где традиционные подходы к визуальной коммуникации требуют переосмысления с учетом новых технологических возможностей и изменений в потребительском поведении. Особого внимания заслуживает проблема правовой защиты логотипов в условиях глобализации медиарынка, когда один и тот же визуальный образ должен соответствовать законодательным нормам разных юрисдикций и культурным особенностям международной аудитории.

Целью настоящей работы является всестороннее исследование логотипа как многофункционального инструмента организации СМИ, включая анализ его коммуникативных, маркетинговых и правовых аспектов. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- 1) исследовать эволюцию понятия «логотип» и его место в системе фирменного стиля медиаорганизаций;
- 2) проанализировать функциональные модели логотипа на основе подходов Р. О. Якобсона и Н. С. Добробабенко;
- 3) рассмотреть правовые аспекты использования и защиты логотипов в медиаиндустрии;
- 4) выявить современные тенденции в разработке логотипов для цифровых медиаплатформ.

Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ научных концепций, семиотический подход к изучению визуальных коммуникаций, а также анализ нормативно-правовых документов, регулирующих вопросы интеллектуальной собственности.

Основная часть

1. *Теоретические основы изучения логотипа в системе СМИ.* Исторический анализ показывает, что понятие «логотип» претерпело значительную эволюцию с момента своего возникновения в типографском деле XIX в. Если первоначально логотип понимался исключительно как лигатура – соединение нескольких типографских знаков [Куприна 2014], то в современной медиасреде он приобрел качественно новые функции и значение. Сегодня, как отмечает Е. А. Бондаренко, «логотип становится ключевым элементом корпоративной идентичности, визуальным воплощением миссии и ценностей медиаорганизации» [Бондаренко 2017: 36].

Особую значимость приобретает разграничение понятий «логотип» и «товарный знак», которое часто игнорируется в профессиональной среде. Как подчеркивает С. С. Романов, с правовой точки зрения эти термины не являются синонимами: «Товарный знак – это юридически защищенное обозначение, тогда как логотип может существовать без официальной регистрации» [Романов 2016: 45]. Это различие имеет принципиальное значение для медиакомпаний, особенно в контексте международного распространения контента.

2. *Функциональный анализ логотипа: коммуникативные и маркетинговые аспекты.* Применение модели Р. О. Якобсона к анализу логотипов СМИ позволяет выявить их многослойную коммуникативную природу. В частности, экспрессивная функция логотипа, как отмечает Т. А. Бакшаева, «направлена на передачу не только информации о бренде, но и определенного эмоционального заряда, который формирует первичное отношение аудитории к медиапродукту» [Бакшаева, 2016: 114].

Параллельно с этим бизнес-ориентированный подход Н. С. Добробабенко акцентирует внимание на экономической ценности логотипа как актива компании. Особого внимания заслуживает гарантийная функция, которая, согласно исследованиям, «превращает логотип в своеобразный знак качества, влияющий на потребительский выбор» [Добробабенко 2009: 81].

3. *Правовые аспекты использования логотипов в медиаиндустрии.* Анализ российского законодательства [ГК РФ, ст. 1477, 1482] показывает, что регистрация логотипа в качестве товарного знака предоставляет медиакомпаниям ряд существенных преимуществ, включая:

- исключительное право на использование;
- возможность правовой защиты от плагиата;
- коммерциализацию через лицензирование.

Однако, как отмечает Г. А. Лебедева, «процедура регистрации требует учета множества факторов, включая возможность смешения с уже существующими знаками и соответствие нормам общественной морали» [Лебедева 2025].

4. *Современные тенденции в дизайне логотипов для цифровых медиа.* Цифровая трансформация медиарынка привела к появлению новых требований к логотипам:

- адаптивность к различным цифровым платформам;
- интерактивные элементы;
- динамические формы.

Как отмечают А. В. Федорова и М. А. Лагутина, «современные системы визуальной идентификации становятся все более гибкими, позволяя логотипу трансформироваться в зависимости от контекста использования» [Федорова, Лагутина 2023: 67].

В условиях стремительного развития цифровых технологий и насыщенного медийного пространства визуальная коммуникация приобретает особую значимость, что обуславливает необходимость тщательного проектирования логотипов как ключевых элементов идентификации средств массовой информации [Орлова 2023: 67]. Логотип, будучи неотъемлемой частью брендинга, выполняет ряд функций, среди которых наиболее существенными являются передача ценностей медиаресурса, обеспечение узнаваемости и формирование эмоциональной связи с аудиторией [Куликова 2018: 45]. Однако процесс создания логотипа представляет собой сложную, многоаспектную задачу, требующую интеграции маркетинговых, когнитивно-семиотических и дизайн-ориентированных подходов

[Патернотт 2008: 15]. В данной работе предпринимается попытка систематизировать существующие научные подходы к разработке логотипов для СМИ, выявить их взаимосвязи и определить оптимальные методы проектирования, которые обеспечивают не только эстетическую привлекательность, но и функциональность, адаптивность и глубокое смысловое наполнение визуального образа. Актуальность исследования обусловлена возрастающей конкуренцией в медиасфере, где логотип становится стратегическим инструментом, способным влиять на восприятие аудитории и формировать доверие к медиапродукту И. В. Ахматова и Е. В. Шокова [Ахматова, Шокова 2020: 48].

Маркетинговый подход к созданию логотипов

Маркетинговый подход, как отмечает А. А. Орлова [Орлова 2023: 68], основывается на глубоком анализе бренда, его целей, ценностей и миссии, а также на исследовании целевой аудитории и конкурентной среды, что позволяет выделить уникальные особенности компании и избежать повторения ошибок конкурентов.

В рамках данного подхода логотип рассматривается как элемент комплексной стратегии позиционирования бренда, который должен не только отражать характер компании, но и эффективно коммуницировать с потребителями [Орлова 2023: 70]. Особое значение здесь приобретает анализ рыночных тенденций и предпочтений аудитории, поскольку, как подчеркивает А. А. Орлова [Орлова 2023: 71], «создание бренда начинается с определения его целей, ценностей и миссии, после чего происходит анализ целевой аудитории и конкурентов».

Этот принцип в полной мере применим к средствам массовой информации, которые, подобно коммерческим организациям, стремятся к привлечению аудитории и увеличению прибыльности, что делает маркетинговый анализ неотъемлемой частью процесса разработки логотипа [Куприна 2014: 89].

Когнитивно-семиотический подход

Когнитивно-семиотический подход, разрабатываемый в работах Е. В. Куликовой [Куликова 2018: 46] и В. В. Хорольского [Хорольский 2018: 102], рассматривает логотип как сложный смысловой знак, который требует осмысления через призму когнитивных процессов и семантических связей. Согласно данному подходу, коммуникативные феномены не всегда могут быть объяснены с помощью лингвистических категорий, а знаки обретают значение лишь в определенном контексте [Куликова 2018: 47].

Логотип в этой системе представляет собой сочетание визуальных и вербальных кодов, где, например, изображение микрофона или глобуса может указывать на медиа-направленность или международный масштаб компании. Однако, как отмечает В. В. Хорольский [Хорольский 2018: 103], «смысл иконических знаков не всегда отчетлив, поэтому в большинстве случаев их сопровождает подпись; даже будучи узнаваемым, иконический знак может толковаться неоднозначно».

Важным аспектом данного подхода является также психология цвета, поскольку, как утверждает П. Н. Стрекалова [Стрекалова 2018: 112], «каждый цвет оказывает на подсознание определенное психологическое воздействие», что позволяет использовать цветовые решения для формирования желаемых ассоциаций и эмоциональных реакций у аудитории.

Дизайн-ориентированный подход

Дизайн-ориентированный подход, детализированный в исследованиях Ю. П. Куприной [Куприна 2014: 90] и Ж. Патернотта [Патернотт 2008: 18], фокусируется на визуальных и технических аспектах создания логотипа, уделяя особое внимание эстетике, читаемости, универсальности и адаптивности. В рамках данного подхода выделяются различные типологии логотипов, такие как шрифтовые, графические и комбинированные, причем последние, как отмечает Ю. П. Куприна [Куприна 2014: 91], являются наиболее распространенными благодаря сочетанию визуальности графического знака с информативностью текстовой части. Ж. Патернотт [Патернотт 2008: 20] предлагает более

детализированную классификацию, включающую пиктограммы, буквенные обозначения и их комбинации, подчеркивая, что «выбор типа логотипа должен соответствовать целям бренда, особенностям аудитории и специфике рынка».

Процесс создания логотипа в рамках дизайн-ориентированного подхода включает несколько этапов: от сбора информации и разработки эскизов до технической доработки и передачи готового продукта клиенту, что обеспечивает соответствие логотипа как творческим, так и функциональным требованиям [Патернотт 2008: 25].

Методы создания логотипов

И. В. Ахматова и Е. В. Шокова [Ахматова, Шокова 2020: 50] и Ю. П. Куприна [Куприна 2014: 92] описывают ряд методов создания логотипов, среди которых подбор гарнитуры для текста, метод одной буквы, слияние букв, заполнение букв рисунком, вписывание в геометрическую фигуру, использование аббревиатур и ассоциативных знаков. Однако, как подчеркивают И. В. Ахматова и Е. В. Шокова, «несмотря на практическую ценность этих методов, наиболее эффективными оказываются нешаблонные решения, сочетающие творческий подход с функциональностью» [Ахматова, Шокова 2020: 52].

Для реализации данных методов рекомендуется использование специализированных программ, таких как Adobe Illustrator или Corel Draw, которые позволяют создавать векторные изображения, обеспечивающие высокое качество и адаптивность логотипа в различных контекстах [Баймурзаева, Чекменева 2019: 407].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, дизайн в медиакоммуникациях играет ключевую роль, поскольку визуальные элементы становятся основным способом передачи информации в условиях цифровой эпохи [Куликова 2018: 48].

Во-вторых, логотип выполняет функцию визуального «языка» СМИ, отражая их ценности и обеспечивая узнаваемость, что делает его стратегическим инструментом брендинга [Орлова 2023: 72].

В-третьих, создание эффективного логотипа требует комплексного подхода, объединяющего маркетинговый анализ, когнитивно-семиотические принципы и дизайн-ориентированные методы, что позволяет достичь не только эстетической привлекательности, но и функциональности, адаптивности и глубокого смыслового наполнения [Патернотт 2008: 30]. Таким образом, логотип, будучи результатом синергии различных научных и практических подходов, способен оказывать значительное влияние на восприятие аудитории и успех медиаресурса в конкурентной среде [Ахматова, Шокова 2020: 54].

Рассмотрим результаты проведенного исследования ведущих советских и российских СМИ, таких как «Московский Комсомолец», «Комсомольская правда», «Известия», «Советская Россия» / «Российская газета». Таблица 1 отражает эволюцию от идеологической унификации к коммерческой индивидуализации и цифровой гибкости ведущих советских и российских СМИ.

Анализ логотипов осуществлен на основе параметров, релевантных для дизайн-модели СМИ, включая:

- типографические характеристики (шрифт);
- цветовое решение;
- композиционное построение;
- наличие идеологически маркированных элементов;
- наличие справочно-информационных компонентов.

Проведенный анализ логотипа в рамках дизайн-модели СМИ позволил выявить ключевые характеристики, влияющие на его восприятие и функциональность. Установлено, что типографика (шрифт), колористика (цвет), композиционная структура, а также наличие идеологически значимых и справочно-информационных элементов формируют целостное визуальное и смысловое воздействие логотипа. Полученные данные могут быть использованы для оптимизации дизайна в соответствии с требованиями медийного позиционирования и коммуникативной эффективности.

Таблица 1. Сравнительная таблица дизайна логотипов советских и российских СМИ 1960–2020 гг.

Критерий / Газета	«Московский Комсомолец»	«Комсомольская правда»	«Известия»	«Советская Россия» / «Российская газета»
1960–1980 гг.				
Шрифт	Полусерифный, массивный, заглавные буквы	Гротеск, жирный, заглавные буквы (сходство с «Правдой»)	Антиква с элементами конструктивизма, уникальные засечки	Классическая антиква, полужирный, заглавные буквы
Цвет	Чёрно-белый	Чёрно-белый	Чёрно-белый	Чёрно-белый
Композиция	Название по центру, орден слева, служебная информация внизу	Название справа, ордена слева, лозунг сверху	Название по центру, многоязычный лозунг сверху, ордена слева	Название по центру, орден слева, служебная информация в таблице
Идеологические элементы	Орден «Знак Почёта», лозунг 2Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»	4 ордена (Ленина, Отечественной войны и др.), лозунг	Ордена (Трудового Красного Знамени, Ленина), многоязычный лозунг	Орден Трудового Красного Знамени, лозунг
Справочная информация	Дата, номер, цена в таблице	Дата, номер, цена в таблице	Дата, номер, цена в таблице	Дата, номер, цена в таблице
1990–2020 гг.				
Шрифт	1990: Контрастный гротеск + курсив; 2000+: Аббревиатура «МК» с градиентом	Упрощённый гротеск, белый цвет на триколоре (2010–2020)	Сохранение исторического шрифта, минимальные изменения	1990: Антиква; 2000: Экспериментальный шрифт; 2010+: Возврат к классике
Цвет	2000+: Синий градиент; 2010+: Ярко-синий	2010+: Триколор (синий, красный, белый)	Чёрный (печатная версия); фиолетовый (сайт)	Серый, оранжевый (сайт)
Композиция	2000+: Аббревиатура «МК» слева, название справа; динамичные штрихи (2020)	Название сверху слева, ордена под ним; календарный блок справа (1990–2000)	Название по центру / справа, ордена исчезли (1990), вернулись (2010), снова убраны (2020)	Герб РФ (2000+), название по центру
Идеологические элементы	Отказ от орденов (2000+)	Сохранение орденов, но уменьшение размера	Отказ от орденов (1990), временное возвращение (2010)	Герб РФ как замена советских орденов
Справочная информация	Указание сайта, дата основания (до 2000), двуязычное название	Указание сайта, тиражи (печать → онлайн-аудитория)	Указание сайта, принадлежность к медиахолдингу	Указание сайта, «Столичный выпуск»
Особенности цифровых логотипов	«МКRU» с градиентом, наклонный шрифт	«KP.RU» + стилизованная ласточка	«IZ.RU» в фиолетовой гамме	«RG.RU» в серо-оранжевой гамме
Тенденции	Динамичность, адаптация к цифровой среде	Сочетание традиций и инноваций (ордена + ласточка)	Консервативность, элитарность (фиолетовый)	Официальность, минимализм

Ключевые выводы:

1. Советский период: единообразие, чёрно-белая гамма, обязательная идеологическая символика.
2. 1990–2000-е гг.: эксперименты с цветом и формой, отказ от советской символики, появление цифровых элементов (сайты).
3. 2010–2020-е гг.: упрощение, адаптация к цифровой среде, вариативность [горизонтальные / вертикальные логотипы], акцент на историческую преемственность.
4. Цифровые логотипы: лаконичность, использование доменов [.RU], адаптация под экраны.

Заключение

Логотип современного СМИ представляет собой сложный семиотический конструкт, сочетающий коммуникативные, маркетинговые и правовые функции. Эффективный логотип должен одновременно соответствовать критериям визуальной выразительности (модель Р. О. Якобсона) и коммерческой эффективности (модель Н. С. Добробабенко). Правовая защита логотипа становится обязательным условием успешной деятельности медиакомпаний в условиях глобальной конкуренции. Цифровая трансформация медиаиндустрии требует новых подходов к созданию адаптивных и интерактивных логотипов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния искусственного интеллекта на процессы создания логотипов и анализом когнитивного воздействия динамических логотипов на аудиторию.

Список литературы

1. Ахматова И. В., Шокова Е. В. Брэнд-бук и фирменный стиль : учебное пособие. Самара : Самарский университет, 2020. 68 с. ISBN: 978-5-7883-1568-3 EDN: YNVNHJ
2. Баймурзаева Н. З., Чекменева Е. В. Технологии создания логотипа // Научные труды КубГТУ. 2019. № 2. С. 405–411. EDN: SFQBQY
3. Бакшаева Т. А. Разработка логотипа – неотъемлемого атрибута бренда // Экономика и социум. 2016. № 5-3 (24). С. 112–118. EDN: WIECPD
4. Бондаренко Е. А. Роль фирменного стиля в деятельности организации // Инновационная наука. 2017. № 12. С. 34–40. EDN: YLNZTK
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 18.02.2025).
6. Добробабенко Н. С. Фирменный стиль: Принципы разработки. М. : МГОУ, 2009. 156 с.
7. Куликова Е. В. Логотип как основной смысловой элемент визуальной коммуникации бренда: анализ и интерпретация на примере Instagram // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logotip-kak-osnovnoy-smyslovoy-element-vizualnoy-kommunikatsii-brenda-analiz-i-interpretatsiyana-primere-instagram> (дата обращения: 18.02.2025).
8. Куприна Ю. П. Дизайн логотипа и его особенности // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 3. С. 44–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dizayn-logotipa-i-ego-osobennosti> (дата обращения: 18.05.2025). EDN: SCBLUR
9. Лебедева Г. А. Бренд, логотип и товарный знак – в чём разница и что важнее для бизнеса? – 31 января 2025. URL: <https://www.gorodissky.ru/publications/articles/brend-logotip-i-tovarnyy-znak-v-chyem-raznitsa-i-chto-vazhnee-dlya-biznesa/> (дата обращения: 18.05.2025).
10. Орлова А. А. Проектирование логотипа как основа удачного маркетинга // Fundamental science innovation and technology : сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Часть 3. ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. С. 67–75. EDN: FBJWYJ
11. Патернотт Ж. Разработка и создание логотипов и графических концепций. Пер. с фр. Т. Л. Черносотова. Д. : Феникс, 2008. 154 с.
12. Романов С. С. Товарный знак: понятие и виды // Таврический научный обозреватель. 2016. № 12. С. 44–49. EDN: YFXBUB

13. Стрекалова П. Н. Применение психологии цвета в дизайне логотипов // Конкурентоспособность территорий : материалы XXI Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. Том. Часть 5. Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2018. С. 111–113. EDN: YSCJXN

14. Федорова А. В., Лагутина М. А. Проектирование вариативных систем визуальной идентификации бренда как инновационный подход в коммуникативном дизайне // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 31. С. 65–72. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-31-10-30 EDN: RAVJHR

15. Хорольский В. В. «Красота» и «польза» в медийном тексте: к вопросу о путях развития теории массмедиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 3. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2018/3/krasota-i-polza-v-mediynom-tekste-k-voprosu-o-putyakh-razvitiya-teorii-massmedia/> (дата обращения: 18.05.2025). EDN: RTAKFT

References

1. Akhmatova I. V., Shokova E. V. Brend-buk i firmennyyi stil' [Brand book and corporate identity]. Samara, Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2020, 68 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-7883-1568-3 EDN: YNVNHJ

2. Baimurzaeva N. Z., Chekmeneva E. V. Tekhnologii sozdaniya logotipa [Logo creation technologies]. *Nauchnye trudy KubGTU* [Scientific works of KubGTU]. 2019, no. 2, pp. 405–411. (In Russ.). EDN: SFQBQY

3. Bakshaeva T. A. Razrabotka logotipa - neot'emlemogo atributa brenda [Logo development - an integral attribute of the brand]. *Ekonomika i sotsium* [Economy and society]. 2016, no. 5-3 (24), pp. 112-118. (In Russ.). EDN: WIECPD

4. Bondarenko E. A. Rol' firmennogo stilya v deyatelnosti organizatsii [The role of corporate identity in the activities of an organization]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science]. 2017, no. 12, pp. 34-40. (In Russ.). EDN: YLNZTK

5. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii [Civil Code of the Russian Federation]. 18.12.2006, no. 230-FZ. (In Russ.). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (accessed: 18.02.2025).

6. Dobrobabenko N. S. Firmennyyi stil': Printsipy razrabotki [Corporate Identity: Development Principles]. Moscow, MGOU, 2009, 156 p. (In Russ.).

7. Kulikova E. V. Logotip kak osnovnoi smyslovoi element vizual'noi kommunikatsii brenda: analiz i interpretatsiya na primere Instagram [Logo as the primary semantic element of brand visual communication: analysis and interpretation using Instagram as an example]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education]. 2018, no. 2 (28). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/logotip-kak-osnovnoy-smyslovoy-element-vizualnoy-kommunikatsii-brenda-analiz-i-interpretatsiyana-primere-instagram> (accessed: 18.02.2025).

8. Kuprina YU. P. Dizain logotipa i ego osobennosti [Logo design and its features]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes]. 2014, vol. 9, no. 3, pp. 44-50. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dizayn-logotipa-i-ego-osobennosti> (accessed: 18.05.2025). (In Russ.). EDN: SCBLUR

9. Lebedeva G. A. Brend, logotip i tovarnyi znak - v chem raznitsa i chto vazhnee dlya biznesa? [Brand, logo, and trademark - what's the difference and which is more important for business?]. January 31, 2025. (In Russ.). Available at: <https://www.gorodissky.ru/publications/articles/brend-logotip-i-tovarnyy-znak-v-chyem-raznitsa-i-chto-vazhnee-dlya-biznesa/> (accessed: 18.05.2025).

10. Orlova A. A. Proektirovanie logotipa kak osnova udachnogo marketinga [Logo design as the basis for successful marketing]. *Fundamental science innovation and technology* [Fundamental science innovation and technology]. Part 3, Nauchno-izdatel'skii tsentr «Vestnik nauki», 2023, pp. 67–75. (In Russ.). EDN: FBJWYJ

11. Paternott ZH. Razrabotka i sozdanie logotipov i graficheskikh kontseptsii [Design and creation of logos and graphic concepts]. Feniks, 2008, 154 p. (In Russ.).

12. Romanov S. S. Tovarnyi znak: ponyatie i vidy [Trademark: concept and types]. *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'* [Tavrishesky scientific observer]. 2016, no. 12, pp. 44-49. (In Russ.). EDN: YFXBUB

13. Strekalova P. N. Primenenie psikhologii tsveta v dizaine logotipov [Applying Color Psychology to Logo Design]. *Konkurentosposobnost' territorii* [Competitiveness of the territory]. Part 5, Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2018, pp. 111-113. (In Russ.). EDN: YSCJXN

14. Fedorova A. V., Lagutina M. A. Proektirovanie variativnykh sistem vizual'noi identifikatsii brenda kak innovatsionnyi podkhod v kommunikativnom dizaine [Designing variable systems of visual brand identification as an innovative approach in communication design]. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu* [Russian School of Public Relations]. 2023, no. 31, pp. 65–72. (In Russ.). DOI: 10.24412/2949-2513-2023-31-10-30 EDN: RAVJHR

15. Khorol'skii V. V. «Krasota» i «pol'za» v mediinom tekste: k voprosu o putyakh razvitiya teorii massmedia [“Beauty” and “Use” in Media Texts: On the Development of Mass Media Theory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 2018, no. 3. (In Russ.). Available at: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2018/3/krasota-i-polza-v-mediynom-tekste-k-voprosu-o-putyakh-razvitiya-teorii-massmedia/> (accessed: 18.02.2025). EDN: RTAKFT

Информация об авторах

Н. А. Архипова – кандидат искусствоведения, доцент, кафедра игровой индустрии, МИРЭА – Российский технологический университет; доцент, кафедра журналистики, Московский международный университет;

А. Ч. Чешун – студент, кафедра журналистики, Московский международный университет.

Information about the authors

N. A. Arkhipova – Ph. D. (Art History), Associate Professor, Department of Gaming Industry, MIREA – Russian Technological University; Associate Professor, Department of Journalism, Moscow International University.

A. Ch. Cheshun – Student, Department of Journalism, Moscow International University.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 54–60.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 54-60.

Научная статья

УДК 81'271.16+ 81'276.11

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-54-60

ПРОБЛЕМА ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ СЛОВ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Ирина Ивановна Бакланова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
baklanova@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты наблюдений над устойчивыми выражениями, зафиксированными в устной речи на материале Национального корпуса русского языка. Речь идет об устойчивых единицах, в основе которых лежат слова *проблема*, *вопрос*, *вариант* и др. Определено, что слова используются в разных синтагматических условиях как в свободном, так и связанном значении. Внимание уделено сочетаниям слов *не проблема*, *не вопрос*, *не вариант*; *без проблем*, *без вопросов*, *без вариантов*, которые обнаруживают структурные, смысловые и функциональные особенности. Устанавливается, что устойчивость единиц в спонтанной речи продиктована способностью к десемантизации значения имени существительного, к его фразеологизации в составе устойчивых единиц.

Ключевые слова: фразеологизация, десемантизация, абстрактная лексика, спонтанная речь, надсловные единицы.

Для цитирования: Бакланова И. И. Проблема фразеологизации слов в спонтанной речи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 54–60. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-54-60>

Original article

THE PROBLEM OF PHRASEOLOGIZATION OF WORDS IN SPONTANEOUS SPEECH

Irina I. Baklanova

Humanitarian Pedagogical University, Perm, baklanova@mail.ru

Abstract. The article presents the results of observations on stable expressions recorded in oral speech based on the material of the National Corpus of the Russian Language. We are talking about stable units based on the words *problem*, *question*, *option*, etc. It is determined that words are used in different syntagmatic conditions in both free and related meanings. Attention is paid to combinations of words not a *problem*, not a *question*, not an *option*; no *problems*, no *questions*, no *options* that reveal structural, semantic and functional features. It is established that the stability of units in spontaneous speech is dictated by the ability to desemantize the meaning of a noun, to its phraseologization as part of stable units.

Keywords: phraseologization, desemanticization, abstract vocabulary, spontaneous speech, supra-verbal units

For citation: Baklanova I. I. The problem of Phraseologization of Words in Spontaneous Speech. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:54-60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-54-60>

Введение

Самым подвижным уровнем языка является уровень слова. Именно лексика первой реагирует на изменения, происходящие в обществе и языке: там могут появляться новые слова, другие могут уходить из обихода, расширять и сужать значение, десемантизироваться,

фразеологизироваться. Все это связано с экстралингвистическими факторами, влияющими на язык и внутренними процессами в лексике. Изменения могут происходить с лексикой разных групп. В нашем исследовании речь пойдет об именах существительных *проблема*, *вопрос*, *вариант* и др., имеющих не предметное значение. Мы предполагаем, что вышеперечисленные слова могут расширять лексические и синтаксические возможности, образуя такие сочетания, как *без проблем*, *какая проблема*, *не вопрос*, *какой вопрос*, *без вариантов*, *не вариант*, *как вариант*.

Цель исследования – выявить и проанализировать устойчивые единицы, включающие слова *проблема*, *вопрос*, *вариант*, в семантическом, синтагматическом и коммуникативном аспектах с определением условий семантических и функциональных изменений этих слов.

В работе мы использовали разные методы. Так, *метод компонентного анализа* лексических единиц позволил нам выявить или подтвердить новое лексическое значение нескольких устойчивых единиц. Кроме того, мы применяли *метод конструирования*, поскольку осмыслили продуктивность найденных устойчивых надсловных единиц. Использование *метода контекстного анализа* по отношению к анализируемым единицам подтвердило мысль о том, что появление нового значения зависит от закреплённой позиции в предложении. Материал для статьи был собран *приемом сплошной выборки* из разных подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ).

Динамические процессы в языке, наиболее последовательно происходящие в публицистике и живой спонтанной речи, всегда волнуют исследователей. С появлением Национального корпуса русского языка и большими возможностями обработки языкового материала интерес к исследованиям подобного рода только растет. Лингвисты говорят о пополнении фразеологического состава русского языка, в том числе через заимствования [Мокиенко, Дементьев, Леонтьева, Щетинина и др.], о переходном статусе новых единиц [Жуков и др.]. Подробно историю вопроса о пополнении фразеологического фонда русского языка в последние десятилетия изложили Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина в статье «Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития» [Леонтьева 2022]. В основном ученые исследуют устойчивые образные единицы языка, хотя в живой речи и в публицистике активно появляются и не образные единицы, которые, исходя из широкого понимания фразеологии, тоже включаются в состав фразеологии. Именно не образным устойчивым единицам языка (*без проблем*, *какая проблема*, *не вопрос*, *какой вопрос*, *без вариантов*, *не вариант*, *как вариант*) и будет посвящена данная статья.

Рассмотрим представленность этих единиц в словарях русского языка. «Большой толковый словарь русского языка» дает следующие единицы и их значения: сочетание *нет проблем* дается с пометой *разг.* в значении ‘все хорошо, никаких трудностей’ [БТСРЯ, с. 98]; *нет вопросов разг.* ‘всё ясно’ [БТСРЯ, с. 149], *без вариантов разг.* ‘точно так и никак иначе’ [БТСРЯ, с. 111]. В других словарях зафиксированы сочетания *без вариантов*, *нет вопросов* с той же пометой *разг.*, сочетания имеют близкие значения ‘бесспорно, без сомнения’, *нет проблем разг.* ‘всё в порядке’ [Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов]. Как видим, единицы представлены в словарях недостаточно последовательно.

С появлением НКРЯ появилась возможность пополнения картотек, что активизировало современные исследования. Так, Т. И. Попова, П. Т. Козырева подготовили списки одноструктурных устойчивых единиц, в одном из которых представлены единицы, образованные по форме без + NG¹. Лингвисты определяют эти единицы как идиомы: 1) без проблем, 2) без разницы, 3) без конца, 4) без базара, 5) без вопросов, 6) без конца и прорыва, 7) без палева, 8) без понятия, 9) без прорыва, 10) без толку [Попова, Козырева 2024, с. 239]. Как видим, в список вошли и те единицы, которые стали предметом исследования в данной статье.

¹ NG – имя существительное в Родительном падеже.

Таким образом, сегодня можно говорить о многостороннем подходе к анализу новых устойчивых единиц языка.

Обратимся к анализу нашего материала, представленного данными из Национального корпуса русского языка, точнее *устного* подкорпуса. Следует сказать, что для работы привлекались данные и других подкорпусов, *диалектного* подкорпуса и подкорпуса *русской классики*, однако интересующие нас единицы не были в них обнаружены. Кроме того, в статье использованы примеры из выпускной квалификационной работы Я. В. Туровской, выпускницы филологического факультета ПГГПУ 2020 г.¹

Анализ нашего материала показал, что слова «проблема», «вопрос», «вариант» в живой речи входят в несколько устойчивых надсловных структур:

- 1) без + сущ. во мн. ч. Род. п. (*без проблем, без вопросов, без вариантов*);
- 2) не + сущ. в ед. ч. Им. п. (*не проблема, не вопрос, не вариант*);
- 3) какая + сущ. в ед. ч. Им. п. (*какая проблема, какой вопрос*);
- 4) никаких + сущ. во мн. ч. Род. п. (*никаких проблем, никаких вопросов*).

Отметим, что структура единиц разнообразна, о чем мы скажем далее, однако все единицы имеют формально выраженные средства отрицания. Среди отмеченных в НКРЯ единиц встретились такие, которые не зафиксированы в словарях (например, конструкция не + сущ в Им. п.).

Определим условия, способствующие появлению устойчивости у названных единиц.

Начнем с сочетания *не проблема*, представленного в устном подкорпусе в 101 словоупотреблении. Из них в 30 употреблении слово **проблема** использовано в прямом значении: 1) *Но самое важное даже не проблема меньшинства / хотя меньшинство / это тоже весомый обновленческий / реформаторский ресурс Путин / и он его отвергает / отталкивает*; 2) *Откуда же у него столько денег? А / деньги для него не проблема. Он крупный авиаконструктор*.

В 12 примерах мы наблюдаем устойчивую единицу **не проблема** со значением ‘без сомнения, конечно’, выступающую, кроме того, как самостоятельное предложение: 1) *Но я хотел бы... [вопрос] не проблема / да / она есть*; 2) в диалоге: Преподаватель: *Давайте так / шесть рапортов мне завтра уже с утра / принести / я сегодня буду здесь ночевать / где-то к часам девяти* // Информант: **Не проблема**.

Важно отметить, что большую часть примеров (59 словоупотреблений) составили двусоставные предложения с грамматической основой *это не проблема*: 1) *Ээ ... Ну / вообще побольше читайте на самом деле / читайте книги по маркетингу / читайте все книги / которые выходят по соулзл медиа / да... ээ ... на русский язык / правда / они очень редко переводятся / к сожалению / ну / для тех / кто знает английский / это не проблема*; 2) *Если бизнесом занимаешься это вообще не проблема*; 3) *А Вы можете спать на полу или в кресле. Это вообще не проблема. Есть ли ещё какие-нибудь просьбы?*

Семантическая значимость подлежащего, выраженного словом *это*, определяется тем, что оно вмещает. «*Это* в роли подлежащего может указывать на предложение или ряд предложений, на существительное, субстантивное или инфинитивное словосочетание, а также на наглядно-чувственные образы, вводя их в структуру выражаемой мысли» [Бабайцева 1981: 80]. Полагаем, что подобные конструкции можно считать переходными от типичного двусоставного предложения сначала к неполному двусоставному типа *Это не проблема* – (это) *Не проблема*, в котором функция сказуемого реализуется самостоятельной частью речи. Впоследствии существительное десемантизируется, становится частью устойчивой единицы **не проблема**. Ср. *Это не проблема* = *Это безусловно, без сомнения*. Став самостоятельной устойчивой единицей, сочетание слов выполняет функцию нечленимого предложения.

¹ Туровская Я.В. Лексико-синтаксический потенциал слов типа «проблема», «вопрос», «вариант» в спонтанной речи: материалы к вузовскому курсу «Современный русский язык»: выпуск. квалиф. работа...бакалавра. – Пермь, 2020. 66 с.

Рассмотрим особенности функционирования устойчивых сочетаний, образованных на основе слова *вопрос*: **не вопрос**.

В устном подкорпусе из 98 словоупотреблений в 30 случаях нами зафиксировано сочетание **не вопрос**: 1) *Мамка на даче будет / папик на рыбалку сорвется / а с сеструхой договоримся / не вопрос*; 2) *Соответственно / если вы хотите тур скомбинировать Париж-Биарриц. Не вопрос. Спокойно все сели в Париж/ тоже долетели до Биарицца/ остановились в Биаррице на семь/ на десять дней* 3) *Сделаем! Не вопрос. Здравствуй / упырёк*; 4) *Уехать днём, конечно, не вопрос, но надо ли тебе это?* 5) – *Идешь со мной завтра по магазинам? – Не вопрос. Иду.*

Как видим, в разговорной речи в пределах сочетаемости с отрицательной частицей **не** у имени существительного **вопрос** развивается новое значение – ‘в значении утвердительного ответа на вопрос собеседника, эквивалентное «да»’. Расширение основного значения, его десемантизация позволяет образовывать синонимические ряды устойчивых сочетаний: **не вопрос = не проблема**.

Более того, можно говорить о тенденции к формированию устойчивой модели. Кроме названных сочетаний **не вопрос, не проблема**, мы зафиксировали в 19 предложениях устойчивое сочетание **не вариант**: 1) *Туда идти вообще не вариант – быстро устанем*; 2) – *Может, сходить на Троицу не в воскресенье, а в субботу? – Нее-е, точно не вариант*. У сочетания **не вариант** развивается значение ‘невозможность выполнения поставленной задачи, достижения цели; максимальная степень нежелательности выполнения действия’. Список единиц, построенных по модели **не + сущ. в Им. п.** может расширяться другими единицами: *не факт, не шутка* и под., которые еще ожидают внимания исследователей.

Отдельную структуру представляют сочетания с местоимениями, функционирующими как частицы **какая проблема, какой вопрос**: 1) *Не волнуйтесь / успокойтесь / какая проблема... Сидим в эфире / ну и что*; 2) *И я предложил/ что/ какая проблема/ давайте скрестим многохромосомных и малохромосомных/ получим заведомо триплоидные и заведомо стерильные / вот*; 3) [говорит по-армянски] *Конечно приду / какой вопрос! 2) Слушай / ты не верь ему / это же женатый человек! у давай вместе. Какая проблема-то? Устроим триалог.*

Особенностью этих сочетаний является вопросительная природа конструкций: по форме это вопросительно-повествовательные предложения (риторические вопросы), по значению – отрицательные суждения: *Не волнуйтесь / успокойтесь / какая проблема... (= никаких проблем)*.

Важно отметить, что синонимическая единица **никаких проблем** тоже есть в языке: 1) *Вот то есть с самого начала / как вы познакомились / ээ с / ээ Грабовым / Григорием Петровичем / с его / работами / с его учением / ээ с самого начала для вас было всё ясно / никаких вопросов / ни какой сложный язык...; 2) Ну пока не хотим / скажем так. А если на будущее / никаких вопросов. Я смогу везде приспособиться. Все лето на даче / ту же картошку / чего-то там все это сейчас выращиваем в каких-то определенных объемах / все это есть; 3) *Боже упаси! Никаких вопросов. Наоборот / я тебе так благодарна.**

Анализ даже ограниченного материала показывает, что важнейшим условием для выделения этих структур является нахождение имени существительного в строгих синтагматических связях со служебными (вспомогательными) словами: предлогом **без (без проблем, без вопросов, без вариантов)**, частицей **не (не проблема, не вопрос, не вариант)**, местоимениями, выполняющими функцию частицы,¹ **какая, никаких (какая проблема, какой вопрос; никаких проблем, никаких вопросов)**.

Вторым важным условием выступает синтаксически обусловленное («предикативно-характеризующее») значение слова: изменение значения, фразеологизация появляется только в оценочной позиции (в функции сказуемого или в роли нечленного предложения). Оказываясь в

¹ Поскольку слово *какой* сохраняет изменение по родам, то вряд ли можно говорить только о статусе частицы.

синтаксически обусловленном положении, слово приобретает оценочность, порядок слов закрепляет устойчивость. Вспомним, как становятся экспрессивно окрашенными в синтаксически обусловленной позиции сказуемого слова типа *дуб, ворона (Ты дуб; Ты ворона)*. Связь с обозначаемыми явлениями действительности у них не прямая, а опосредованная.

Особенностью нашего материала является то, что основу сочетаний составляют слова, по формальным признакам соответствующие конкретной лексике, а семантика этих слов близка семантике отвлеченной, абстрактной, лексики. Можно говорить о синкретизме отвлеченности, невещественности, значения и конкретности в формальных показателях.

Мы предполагаем, что эта особенность ограничивает употребление лексики подобного рода, затрудняя ее применение в разговорном (бытовом) стиле.

Чтобы подтвердить или опровергнуть эту мысль, мы представляем сопоставительную таблицу, в которой показаны данные по употребительности интересующих нас единиц по трем подкорпусам: устному, диалектному подкорпусам и подкорпусу русской классики.

Таблица 1. Представленность устойчивых единиц в Национальном корпусе русского языка

Единица	Русская классика всего / устойчивых единиц	Диалектный подкорпус	Устный подкорпус всего / устойчивых единиц
Без проблем	-	-	90 / 66
Без вопросов	6/0	-	21 / 17
Без вариантов	-	-	5 / 0
Не проблема	-	-	101 / 12
Не вопрос	11/0	-	98 / 30
Не вариант	-	-	8 / 5
Нет проблем	-	-	76 / 51
Нет вопросов	2/0	-	68 / 14
Какая проблема	-	-	25 / 2
Какой вопрос	14 / 0	-	59 / 2
Никаких вопросов	10 / 0	-	32 / 3

Данные таблицы показывают строгую закрепленность устойчивых единиц за сферой современной устной речи: все единицы известны говорящим и употребляются ими в речи. Лексика с отвлеченной семантикой, функционирующая в основном в книжных стилях, как видим, выходит за рамки этих стилей: через публицистический стиль или иным способом она проникает в устную разговорную речь (по данным корпуса, устная речь принадлежит в том числе образованным носителям языка). В процессе движения слова с абстрактной семантикой из книжного стиля в разговорную сферу происходит десемантизация значения, образуется нечленимое сочетание, устойчивая единица с признаками фразеологизма.

Важно отметить, что из-за отвлеченного характера семантики и новизны сочетаний типа *без проблем, не проблема, никаких проблем* они неизвестны диалектоносителям. Фактор новизны сочетаний объясняет и их отсутствие в подкорпусе текстов русской классики. Сопоставление данных трех подкорпусов четко обозначает сферу появления и функционирования единиц.

Выводы:

1. Статус нечленимых сочетаний *без проблем, без вопросов, без вариантов, не проблема, нет проблем, не вопрос, нет вопросов, не вариант* на сегодняшний день неоднозначен. Есть точка зрения назвать их эквивалентами слова, поскольку подобные сочетания в гораздо большей степени сближаются со словом не только в семантическом, но и в структурном отношении и потенциально могут являться источником образования слов. Эквиваленты слова и их аналоги характеризуются грамматической и лексической семантикой, которая позволяет соотносить их с наречиями, местоимениями, а также со служебными словами. Наличие лексической семантики у эквивалентов слова позволяет им

вступать в синонимические и антонимические отношения и тем самым выявлять системные связи в кругу этих единиц [Рогожникова 1998, 2003].

2. Однако, учитывая продуктивность моделей, частичную фиксацию в словарях, можно говорить о десемантизации слов **вариант, проблема, вопрос** и фразеологизации этих слов, о том, что это потенциальные фразеологизмы. В пользу этой позиции говорит и частотность (воспроизводимость) единиц: **без проблем** (66 из 90 употреблений устойчивые), **без вопросов** (17 из 21), **нет проблем** (51 из 76) и др.

3. Нечленимые сочетания построены по разным моделям, выполняют разную функцию в высказывании, поэтому следует говорить о системном расширении устойчивых единиц русского языка: 1) без + сущ. во мн. ч. Род. п. (**без проблем, без вопросов, без вариантов**); 2) не + сущ. в ед. ч. Им. п. (**не проблема, не вопрос, не вариант**); 3) какая + сущ. в ед. ч. Им. п. (**какая проблема, какой вопрос**); 4) никаких + сущ. во мн. ч. Род. п. (**никаких проблем, никаких вопросов**).

4. Сопоставление данных НКРЯ, а точнее подкорпусов *диалектного, русской классики* и *устного* разговорного, показало, что фразеологизация абстрактной лексики происходит в живой спонтанной речи, чаще всего в ситуации диалога. Отметим, что явление динамично развивается, оно относится к числу новых явлений русского языка, так как устойчивых единиц подобного рода в русской классике не обнаружено. Не зафиксированы они и в диалектной речи.

5. Можно говорить о том, что расширение состава сочетаний **без проблем, какая проблема, не вопрос, какой вопрос, без вариантов, не вариант, как вариант**, их возрастающая воспроизводимость свидетельствуют о непрекращающемся, живом процессе фразеологизации единиц в живой речи.

Список литературы

1. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис и пунктуация. М. : Просвещение, 1981. 271 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинет, 2003. 1536 с.
3. Дементьев В. В. Категория персональности в семантике новейших английских заимствований в русской идиоматике // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 43–53. EDN: SNFIJL
4. Жуков А. В., Жуков К. А. К вопросу о потенциальных и окказиональных фразеологизмах (лексикографический аспект) // Лексикография цифровой эпохи. Томск : Томский государственный университет. 2021. С. 274–277. DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-91 EDN: RFSVTS
5. Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития // Русистика 2022. Vol. 20. № 2. С. 186–202. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202 EDN: BOTJKF
6. Мокиенко В. М. Старое и новое в современной публицистической фразеологии // Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR), volume 122 45th International Philological Conference (IPC 2016). С. 393–397.
7. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1997. 892 с.
8. Попова Т. И., Козырева П. Т. От идиомы до конструкции: результаты экспертной разметки устойчивых неоднословных единиц (БЕЗ + X) в корпусе «Один речевой день» // Русская грамматика в динамике. Сб. науч. статей по материалам VIII международного симпозиума (Нижний Новгород, 9–13 октября 2024 г.) / Отв. ред. Е. В. Маринова. Н. Новгород : НГЛУ, 2024. С. 238–243. EDN: HWPMFW
9. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. 416 с. ISBN: 5-17-016167-0 EDN: UTDUXT
10. Рогожникова Р. П. Современное развитие эквивалентов слова // Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения проф. Г. П. Уханова : сб. тезисов и ст. Тверь, 1998. С. 130–137.

References

1. Babaitseva V. V., Maksimov L. YU. *Sovremennyyi russkii yazyk. Sintaksis i punktuatsiya* [Modern Russian: Syntax and Punctuation]. Moscow, Prosveshchenie, 1981, 271 p. (In Russ.).
2. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsova, Saint Petersburg, Norinet, 2003, 1536 p. (In Russ.).
3. Dement'ev V. V. *Kategoriya personal'nosti v semantike noveishikh angliiskikh zaimstvovaniy v russkoi idiomatike* [The category of personality in the semantics of the latest English borrowings in Russian idioms]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of RUDN University. Series: Linguistics]. 2014, no. 3, pp. 43-53. (In Russ.). EDN: SNFIJL
4. Zhukov A. V., Zhukov K. A. *K voprosu o potentsial'nykh i okkazyonnykh frazeologizmakh (leksikograficheskiy aspekt)* [On the issue of potential and occasional phraseological units (lexicographic aspect)]. *Leksikografiya tsifrovoy epokhi* [Lexicography of the Digital Age]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, pp. 274-277. (In Russ.). DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-91 EDN: RFSVTS
5. Leont'eva T. V., Shchetinina A. V. *Novaya obshchestvenno-politicheskaya frazeologiya v russkom yazyke: tendentsii razvitiya* [New socio-political phraseology in the Russian language: development trends]. *Russian Studies* 2022. Vol. 20, no. 2, pp. 186-202. (In Russ.). DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202 EDN: BOTJKF
6. Mokienko V. M. *Staroe i novoe v sovremennoi publitsisticheskoi frazeologii* [Old and new in modern journalistic phraseology]. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR), volume 122 45th International Philological Conference (IPC 2016)*, pp. 393-397. (In Russ.).
7. *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov* [New Words and Meanings. A Dictionary and Reference Guide Based on Press and Literary Materials from the 1980s]. Ed. by E. A. Levashova, Saint Petersburg, 1997, 892 p. (In Russ.).
8. Popova T. I., Kozyreva P. T. *Ot idiomu do konstruktsii: rezul'taty ekspertnoi razmetki ustoichivyykh neodnoslovnnykh edinits (BEZ + KH) v korpuse «Odin rechevoi den'»* [From idiom to construction: results of expert tagging of stable multi-word units (BEZ + X) in the “One Speech Day” corpus]. *Russkaya grammatika v dinamike* [Russian grammar in dynamics]. Novgorod, NGLU, 2024, pp. 238-243. (In Russ.). EDN: HWPMFW
9. Rogozhnikova R. P. *Tolkovyi slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu: Ok. 1500 ustoichivyykh sochetanii russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of phrases equivalent to the word: Approx. 1500 stable combinations in Russian]. Moscow, Izdatel'stvo Astrel', Izdatel'stvo AST, 2003, 416 p. (In Russ.). ISBN: 5-17-016167-0 EDN: UTDUXT
10. Rogozhnikova R. P. *Sovremennoe razvitie ekvivalentov slova* [Modern development of word equivalents]. *Materialy mezhvuzovskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya prof. G. P. Ukhanova* [Proceedings of the interuniversity conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Professor G. P. Ukhanov]. Tver, 1998, pp. 130-137. (In Russ.).

Информация об авторе

Бакланова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

Irina I. Baklanova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Russian and Permian Komi Languages and Methods of Language Teaching, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 61–68.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 61-68.

Научная статья

УДК 81'276.4

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-61-68

ФУНКЦИЯ РЕЧЕВОГО ЗАПРЕТА В СТРУКТУРЕ ОБЕРЕГА: ТАБУ КАК ОСНОВА ЗАЩИТНОЙ СТРАТЕГИИ

Юлия Дмитриевна Егоркина

Тульский государственный университет им. Л. Н. Толстого, Россия, Тула, juegorkina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу речевого табу как формы вербального оберега в структуре традиционной русской лингвокультуры. Речевое табу осмысливается не только как запрет на прямое название сакрально опасных реалий, но и как языковая стратегия, направленная на поддержание символического порядка и защиту говорящего от возможной беды. Основу теоретического подхода составляет идея перформативности слова и его магической действенности: произнесение может не только обозначать, но и вызывать, нарушать, притягивать. В этом контексте молчание, эвфемизация и иносказание рассматриваются как формы активного действия. Выделяются три уровня реализации речевого табу – лексический, тематический и ситуационный. Подробно описываются ключевые механизмы, обеспечивающие функционирование табу: отстранение от опасного объекта через речевую замену, сакрализация слова как носителя исключительной силы, перформативность речи, а также коммуникативная регуляция, направленная на выбор «безопасной» модели общения. Приводятся примеры табуированного поведения в отношении беременности и новорождённых, когда умолчание, отказ от называния и использование метафорических обозначений («гость», «подарочек») выполняют функцию сакральной защиты. Доказано, что речевые табу не просто ограничивают говорение, но и конструируют культурно санкционированные формы речи, укоренённые в коллективной памяти, обрядах и речевом этикете. Табуированные конструкции в русском языке выполняют апотропеическую, регулятивную и сакрализующую функции, участвуя в формировании языковой картины мира, в которой слово мыслится как активное средство воздействия. Таким образом, речевое табу представляет собой важнейший компонент культурной саморегуляции, объединяющий языковую, символическую и поведенческую составляющие бережной практики.

Ключевые слова: оберег, речевое табу, вербальный запрет, апотропеическое молчание, лингвокультурология.

Для цитирования: Егоркина Ю. Д. Функция речевого запрета в структуре оберега: табу как основа защитной стратегии // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 61–68. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-61-68>

Original article

FUNCTION OF SPEECH PROHIBITION IN THE STRUCTURE OF A WARDING: TABOO AS THE BASIS OF A PROTECTIVE STRATEGY

Yulia D. Yegorkina

Tula State University named after L. N. Tolstoy, Russia, Tula, juegorkina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of speech taboo as a form of verbal amulet in the structure of traditional Russian linguoculture. Speech taboo is understood not only as a ban on directly naming sacredly dangerous realities, but also as a language strategy aimed at maintaining symbolic

order and protecting the speaker from possible trouble. The theoretical approach is based on the idea of the performativity of the word and its magical effectiveness: pronunciation can not only designate, but also evoke, violate, attract. In this context, silence, euphemization and allegory are considered as forms of active action. Three levels of implementation of speech taboo are distinguished - lexical, thematic and situational. The key mechanisms that ensure the functioning of the taboo are described in detail: removal from a dangerous object through speech replacement, sacralization of the word as a bearer of exceptional power, performativity of speech, as well as communicative regulation aimed at choosing a "safe" model of communication. Examples of taboo behavior in relation to pregnancy and newborns are given, when silence, refusal to name and the use of metaphorical designations ("guest", "present") perform the function of sacred protection. It is proven that speech taboos do not simply limit speaking, but also construct culturally sanctioned forms of speech, rooted in collective memory, rituals and speech etiquette. Taboo constructions in the Russian language perform apotropaic, regulatory and sacralizing functions, participating in the formation of a linguistic picture of the world, in which the word is thought of as an active means of influence. Thus, a speech taboo is the most important component of cultural self-regulation, combining the linguistic, symbolic and behavioral components of amulet practice.

Keywords: amulet, speech taboo, verbal prohibition, apotropaic silence, linguacultural studies.

For citation:. Yegorkina Yu. D. Function of Speech Prohibition in the Structure of a Warding: Taboo as the Basis of a Protective Strategy. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:61-68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-61-68>

Введение

Мировидение народа и его миропонимание опредмечиваются в языке в системе характерных для него образов, символов, стереотипов [Абайбекова, Абишева 2015: 34]. Постигая строение объективного мира, связи между его реалиями, его эволюционное развитие, древний человек создавал образ мира, получивший впоследствии языковую форму. Речевое поведение в традиционной культуре нередко регулируется не столько установками на говорение, сколько системой запретов на высказывание. «Лексическая система многих языков включает слова, которые при тех или иных условиях исключаются участниками коммуникации из речевого обихода, подвергаясь в силу действия ряда социальных и / или психологических причин эфемистической замене» [Мухамедьянова 2017: 44]. Согласно словарному определению, *табу* представляет собой «запрет, налагаемый на какое-либо действие, слово, предмет, употребление или упоминание которых неминуемо карается сверхъестественной силой» [Ожегов 2023: 1170]. В переносном значении данный термин обозначает вообще любой запрет или запрещение. Это определение отражает диахроническую эволюцию понятия: от сакрально-мифологического феномена в архаических обществах до современного социокультурного регулятива.

В контексте нашего исследования принципиально важным представляется разграничение этих двух аспектов. Первоначальное значение термина, восходящее к полинезийским языковым традициям, акцентирует сакральную природу табу как ритуально маркированного ограничения, нарушение которого воспринимается как угроза сакральному миропорядку [Латушко 2009: 30]. Именно в этом значении табу функционирует в традиционной культуре, где оно выступает не просто как коммуникативный запрет, но как важнейший элемент береговой практики.

Современное расширительное толкование термина, фиксирующее его вторичную семантику, отражает процесс десакрализации исходного понятия. В актуальных коммуникативных практиках табуизация сохраняет свою регулятивную функцию, однако утрачивает связь с мифологическим сознанием. Такая дихотомия значений позволяет рассматривать речевые табу как динамичный культурный феномен, эволюционирующий от магико-ритуальных форм к социально-нормативным, но сохраняющий при этом свою базовую апотропеическую функцию. Как точно отмечает В.П. Москвин, «ситуативная нежелательность либо лексический запрет называются табу» [Москвин 2007: 21]. Это определение подчеркивает двойственную природу языковых запретов, сочетающих: контекстуально обусловленные ограничения (ситуативная нежелательность); абсолютные

лексические табу. Примечательно, что, как показывают исследования «табуирование, существующее со времен язычества в практически неизменном виде, стало охватывать и явления более позднего порядка» [Полякова 2016: 114]. Данный тезис раскрывает важнейшую характеристику речевых запретов – их удивительную культурную устойчивость и способность адаптироваться к новым религиозно-мировоззренческим системам. О. Д. Пастухова отмечает, что «сокровенные слова, или табу, нельзя было упоминать, так как, назвав их, говорящий обрекал себя на муки и даже на смертную казнь» [Пастухова 2016: 142].

В рамках лингвокультурного подхода речевое табу может рассматриваться как особая форма речевого оберега, связанного с магико-ритуальной и прагматической функциями речи. Замалчивание, эвфемизация, иносказание, использование стандартных формул-заменителей – всё это способы реализовать стратегию «не прямого называния» и тем самым защитить говорящего или адресата от возможной беды. В данном случае неговoreние становится равноценным действием: отказ от прямого наименования сакрализованного или опасного объекта – это акт магической предосторожности, закреплённый в языковом обиходе.

Семиотически табу обладает репрессивной функцией, блокируя одни знаки и одновременно активируя другие – безопасные, опосредованные, метафорические. Подобное вытеснение прямого наименования создаёт особый лексико-семантический пласт защитной речи, внутри которого формируется не только система запретов, но и особая структура дозволенного высказывания, регулируемая традицией и коллективным опытом. Особенно ярко это проявляется в сфере обереговых практик, где речевое табу функционирует как средство моделирования и контроля реальности, как вербальный эквивалент амулета.

Речевое табу может быть осмыслено как механизм культурной самозащиты, где слово не только называет, но и защищает, оберегает, предотвращает. В данном исследовании речь пойдёт о функциях речевого запрета в структуре оберега, формах его реализации, символической нагрузке и устойчивых моделях речевого поведения, связанных с верой в силу слова – произнесённого или не произнесённого.

Основная часть

Табуирование как форма речевого поведения представляет собой стратегию языкового избегания, направленную на обеспечение сакральной и психологической безопасности говорящего и его окружения. Анализируя механизмы речевого табу, необходимо учитывать фундаментальное свойство нормы как универсального культурного концепта. Как справедливо отмечает А. Д. Арутюнова, «концепт нормы применим практически ко всем сферам – от природных явлений и артефактов до социальных институтов, от поведения организмов до профессиональных практик» [Арутюнова 1999: 80]. В языковой сфере это проявляется в существовании строгих правил именованья, где табуирование выступает как крайняя форма нормативного регулирования. В русской народной традиции табуировались не только отдельные лексемы, но и целые смысловые поля, связанные с потенциальной угрозой – физической, социальной или онтологической.

В рамках исследования, мы выделили уровни реализации речевого табу.

1. Лексический уровень – табу касаются конкретных слов и выражений, обозначающих сакрально опасные объекты: нечистая сила (вместо «чёрт»: *он, тот, нечистый, куцый*); смерть (*ушёл, отошёл, предался Богу*); дикие животные (*бурый, косопалый* вместо *медведь*); болезнь (*недомогание, нездоровится*).

2. Тематический уровень – запрету подлежат целые смысловые поля: смерть, болезнь, беременность, роды, удача, богатство, счастье.

3. Ситуационный уровень – табу активируется в особых контекстах: границы (порог, лес, ночь); обряды (родины, похороны, свадьбы); встречи с «тем», кто может быть опасен (*лесной дед, он там, нечистая сила*).

Ярким примером ситуационного табу, связанного с календарными обрядами, является запрет на купание в определённые периоды. Как отмечает Б. А. Успенский, «запрещение купаться до Николина дня можно сопоставить с распространённым запретом купаться после Ильина дня, который может мотивироваться тем, что с этого дня дьяволы живут в воде» [Успенский 1952: 83]. Этот запрет иллюстрирует веру в сакральную опасность воды как пограничного пространства, связанного с нечистой силой. Речевое умолчание или предостережение от обсуждения купания в такие периоды становится частью апотропеической стратегии, направленной на избегание контакта с потусторонними силами. Подобные табу подчёркивают связь речевых запретов с мифологическими представлениями, где слово или действие (например, называние акта купания) может спровоцировать нежелательное воздействие сакральной реальности. Указанные уровни демонстрируют, насколько глубоко речевое табу проникает в структуру традиционного мировоззрения, охватывая не только конкретные языковые единицы, но и целостные концептуальные сферы, регулирующие восприятие жизненно значимых событий и явлений. Важно подчеркнуть, что активация табу может быть ситуативно обусловленной и проявляться не постоянно, а в определённых культурно значимых моментах, что свидетельствует о высокой степени гибкости и адаптивности механизма табуирования.

В совокупности приведённые выше уровни реализации речевого табу демонстрируют стремление культуры к вербальному контролю над сакрально опасной реальностью. Такое стремление проявляется в многоуровневой системе запретов, охватывающих как лексический, так и синтаксический, прагматический и коммуникативный уровни. В этом контексте речевое табу может рассматриваться не только как форма социокультурного регулирования, но и как способ ритуализованной защиты от потусторонней, опасной или нестабильной реальности. Запрет на называние, уклонение от прямого высказывания, эвфемизация и замена опасного на безопасное – всё это выступает в роли символической защиты, создающей сакрализованное пространство внутри коммуникации. Такие тексты – вне зависимости от их жанровой принадлежности, будь то фольклорные формулы, заклинания, частушки, приметы или речевые клише повседневности – выполняют охранительную, апотропейную функцию, близкую к функции оберега. Как подчёркивает Е. Е. Левкиевская, «главное, что объединяет обереги, – их функциональная общность, о чём свидетельствует само название этого класса текстов. Можно говорить о существовании в каждой из исследованных славянских традиций корпуса текстов, целью которых является предотвращение потенциальной опасности. Наличие апотропейной функции, т. е. использование текста для предотвращения опасности, уже делает текст оберегом в широком смысле слова» [Левкиевская 2002: 274].

Апотропейная установка, лежащая в основе речевого табу, сближает его с вербальными оберегами: и те, и другие представляют собой элементы сакрализованной коммуникации, направленной на снятие угрозы путём словесного воздействия. При этом речевое табу, реализующееся на разных уровнях языковой системы, может быть интерпретировано как разновидность или периферийная форма оберегающего текста – особенно в ситуациях, когда запретное слово заменяется эвфемизмом, метафорой или иносказанием, выполняющим защитную функцию. В таких случаях текст перестаёт быть лишь запретом и становится инструментом трансформации реальности посредством речи, что роднит его с магической природой вербального оберега. Речевое табу не является жёсткой и неизменной системой, но варьируется в зависимости от социокультурного контекста, обрядовой специфики, статуса участников коммуникации и уровня сакральной напряжённости ситуации. Особенности табуирования в различных контекстах позволяют говорить о существовании не только универсальных, но и локальных моделей речевого избегания, отражающих региональные, временные и субкультурные особенности лингвокультуры. Речевые табу, функционируя в структуре вербального оберега, реализуются через несколько ключевых механизмов, обеспечивающих защитную, сакрализующую и регулятивную функцию речи.

Во-первых, действует механизм отстранения, суть которого заключается в дистанцировании от потенциально опасного или сакрально заряженного объекта посредством замены, эвфемизации или намеренного умолчания. Замещая прямое наименование, говорящий тем самым создаёт вербальную дистанцию, снижающую риск вербального «призыва» или «прикосновения» к опасному.

Во-вторых, речевое табу опирается на механизм сакрализации – наделения слова особой значимостью и магической силой. Сакральное слово рассматривается как нечто принципиально отличное от обыденной речи, требующее благоговейного отношения и защищённости. Как подчёркивает В. И. Жельвис, опираясь на труды В. И. Забияко, «сакральные сущности воспринимаются сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные», а потому «подлежат почитанию и всевозможной защите» [Жельвис 2016: 103].

Третьим важным механизмом является перформативность – вера в то, что слово может не просто описывать, но и порождать события, оказывать воздействие на действительность. Именно из этой установки вытекает страх «сглазить», «накликать беду», «навлечь», что порождает устойчивые формы речевой предосторожности, в том числе табу на обсуждение счастья, успеха, беременности и т. п. Перформативная сила речевых запретов коренится в особенностях мифологического сознания. «Важную роль в освоении и познании действительности вплоть до настоящего времени деятельности воображения, на котором основана логика мифологического сознания» [Тетерина, Питерова 2014: 7]. Это проявляется в том, что табуированные слова и понятия продолжают восприниматься носителями языка не как условные обозначения, а как реальные носители сакральной энергии, что свидетельствует о сохранении элементов мифологической логики в современном языковом мышлении.

Наконец, речевое табу выполняет функцию коммуникативной регуляции – оно управляет не только содержанием, но и формой высказывания, регулируя поведение говорящего и реакцию слушающего. Выбор безопасной формы, корректной лексики, использование ритуализированных формул или стратегий молчания выступают как способы адаптации речевого поведения к ожиданиям традиции и коллективного сознания. Таким образом, речевое табу в системе оберега проявляется как многоуровневая стратегия, объединяющая вербальные и культурные средства охраны сакрального порядка, где каждое слово – потенциально действенное, а потому подлежащее особому контролю.

Ярким примером речевого табу в русской лингвокультуре служит установка: «о счастье лучше молчать – сглазишь». Эта установка представляет собой не просто суеверное предостережение, а глубоко укоренённую вербальную стратегию апотропеической защиты, основанную на убеждении в том, что счастье – состояние хрупкое, легко нарушаемое словом. Согласно народным представлениям, любое открытое высказывание о благополучии, удаче, здоровье, беременности, богатстве может привлечь негативное внимание – как со стороны злых духов, так и со стороны завистников. В этих условиях слово рассматривается как активное средство воздействия, способное нарушить тонкий сакральный баланс. Отсюда – устойчивая система речевых предосторожностей, проявляющаяся в таких формулах, как: «*Не сглазить бы*»; «*Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить*»; «*Лучше помолчи, а то сглазишь*»; «*Хвастать – беду накликать*».

Эти формулы сопровождаются поведенческими табу: о беременности не принято рассказывать до определённого срока, её скрывают даже от близких. Считалось, что чем меньше людей знают, тем безопаснее и для матери, и для плода, поскольку беременность – период уязвимости, пограничного состояния между мирами, и потому требует особой речевой и поведенческой защиты.

Подобное табу распространяется и на первые недели жизни младенца. В традиционной культуре ребёнка не показывали посторонним, не называли по имени, а обозначали уменьшительными и метафорическими формами: «гость», «подарочек», «ребёночек». До

крещения младенец считался особенно незащищенным перед силами зла, и всякая лишняя речь о нём или в его присутствии могла навлечь сглаз или беду. Поэтому в отношении новорождённого действовали строгие правила речевого поведения, а умолчание и избегание называния выполняли охранительную функцию. Такая форма поведения может быть описана как апотропеическое молчание – осторожное умолчание, направленное на то, чтобы не «встревожить» сакральную силу, не «вызывать» зло через необдуманное слово.

В народной картине мира молчание не противоположно действию, а есть форма действия, особенно – в ситуации сакральной уязвимости. Слово, по этой логике, не только передаёт смысл, но и совершает поступок, а потому требует сдержанности и осторожности. Следовательно, речевое табу, реализуемое в установке «о счастье лучше молчать», охватывает широкий спектр жизненных ситуаций, связанных с благополучием, рождением, будущими планами. Оно выступает как интегральный механизм речевой защиты, регулирующий поведение в соответствии с культурными нормами, страхами и верой в силу слова.

Стоит отметить, что оберегающие функции табуированных конструкций прослеживаются и в повседневной речи. Так, Г. В. Токарев отмечает. «Оберегающие формулы заложены в основе этикетных фраз: *здравствуйте* (пожелание здоровья), *пожалуйста* (пожалуй, староста), *спасибо* (спаси Бог), *ни пуха ни пера* (фраза, обманывающая чёрта, сопровождающего охотника: чёрт сделает всё наоборот, и охотник вернётся с добычей)» [Токарев 2014 (2015?): 6].

Подобные выражения представляют собой устойчивые вербальные матрицы, в которых зафиксированы ключевые ценности русской лингвокультуры: здоровье, защита, божественное покровительство, сохранение жизни. Эти формулы утратили свою явную сакральную мотивацию, однако продолжают функционировать как элементы речевого этикета, сохраняя остаточные семантические следы первоначального оберегового смысла. Они действуют как культурные маркеры, указывающие на глубинную связь между языковым поведением и системой коллективных представлений о добре, зле, благополучии и защите. Благодаря своей устойчивости и ритуализованности такие выражения выступают не только как средства вежливости, но и как символические действия, обеспечивающие сакрально-безопасное пространство общения.

В этом смысле речевой оберег выходит за пределы сугубо магико-обрядовой сферы и проявляется в самых обыденных актах коммуникации, демонстрируя живучесть и адаптивность архаических форм в современной языковой практике.

Заключение

Речевые табу являются органичной частью этнокультурного мировоззрения, понимаемого как комплекс знаний, ценностей и поведенческих норм, формирующихся на основе коллективных представлений [Радбиля 2013: 54]. Эта система запретов и предписаний выполняет не только коммуникативную, но и мировоззренческую функцию, закрепляя в языке специфические модели осмысления действительности.

Речевое табу в русской лингвокультуре выступает как важнейший механизм вербальной самозащиты, укоренённый в глубинных представлениях о сакральной силе слова. Являясь особой формой оберега, табу не только ограничивает, но и структурирует речевое поведение, направляя его в русло традиционно безопасных, культурно одобряемых моделей. Через умолчание, эвфемизацию, замену и ритуализированное высказывание язык конструирует особую защитную зону, в которой слово становится действием – осторожным, регулирующим, профилактическим.

Исследование показало, что речевые табу функционируют на нескольких уровнях (лексическом, тематическом и ситуационном), охватывая как отдельные слова, так и целые пласты жизненно значимых смыслов. Стратегии апотропеического молчания, особенно в контексте упоминания счастья, удачи, беременности или смерти, служат не просто

вербальным отражением суеверий, но глубокой моделью языковой осторожности, обеспечивающей символическую и психологическую защиту говорящего и его окружения. Ключевыми механизмами действия речевого табу являются отстранение, сакрализация, перформативность и коммуникативная регуляция. Эти механизмы обеспечивают функционирование табу как лингвокультурной формы, обладающей одновременно магическим, этическим и социорегулятивным потенциалом. Обереговая функция табу ярко проявляется не только в архаичных заговорах и обрядах, но и в устойчивых речевых формулах повседневной коммуникации, где продолжает жить архетипическая вера в слово как силу. Этикетные выражения, пожелания, предостережения, суеверные конструкции – всё это элементы коллективной речевой памяти, в которых культурное знание о сакральном и опасном продолжает реализовываться в живой речи.

Таким образом, речевой запрет – это не просто ограничение, но сложный культурно-языковой инструмент, регулирующий границы дозволенного, оберегающий сакральное, стабилизирующий коллективное сознание и обеспечивающий преемственность языковых представлений о добре и зле, опасности и защите, слове и молчании.

Список литературы

1. Абайбекова К. Т., Абишева К. М., Когнитивно-контрастивный анализ концепта запрет // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. Вып. 2. С. 34–39. EDN: TPPEHJ
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : «Языки русской культуры», 1999. 896 с. ISBN: 5-7859-0027-0 EDN: YLAWAR
3. Жельвис В. И. Сакрализованный текст как объект переложения // Вопросы психолингвистики. 2016. Вып. 3. С. 103–110. EDN: WWORGN
4. Латушко Ю. В. Табу // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. Вып. 2. С. 30–40. EDN: OYPTOD
5. Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М. : «Индрик», 2002. 336 с. ISBN: 5-85759-185-6 EDN: REKHLZ
6. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М. : Ленанд, 2007. 260 с. ISBN: 978-5-9710-0137-9 EDN: QSXUHZ
7. Мухамедьянова Г. Н. Отражение национально-культурной специфики народа в мотивах табуирования и эвфемизации (на материале башкирского, немецкого и русского языков) // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 6-3(60). С. 44–47. DOI: 10.23670/IRJ.2017.60.088 EDN: YTTIKJ
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 28 е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2019. 1376 с.
9. Пастухова О. Д. Об эвфемизмах и табу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1 (77). С. 141–144. EDN: ZMYQMP
10. Полякова О. А. Табуирование слов тематической группы «Религия» в фольклорных поэмах М. Цветаевой // Язык и культура. 2016. С. 112–124. DOI: 10.17223/19996195/36/9 EDN: XRQGXT
11. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М. : Флинта : Наука, 2013. 328 с. ISBN: 978-5-9765-0700-5 EDN: TKZDFH
12. Тетерина Е. А., Питерова А. Ю. Роль мифов в развитии культуры // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2014. Вып. 2. С. 1–9. EDN: TFWFSF
13. Токарев Г. В. Языковой оберег как лингвокультурная единица // Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика : материалы научной школы-2014. Вып. 2. Тула : ООО «ИПО С-Принт», 2015. С. 5–7. EDN: TRSDRF
14. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М. : Московский университет, 1952, 257 с.

References

1. Abaibekova K. T., Abisheva K. M., Kognitivno-kontrastivnyi analiz kontsepta zapret [Cognitive-contrastive analysis of the concept of prohibition]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues in cognitive linguistics]. 2015, iss. 2, pp. 34-39. (In Russ.). (In Russ.). EDN: TPPEHJ

2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. 2th ed., Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1999, 896 p. (In Russ.). ISBN: 5-7859-0027-0 EDN: YLAWAR
3. Zhel'vis V. I. Sakralizovannyi tekst kak ob"ekt perelozheniya [Sacralized text as an object of translation]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2016, iss. 3, pp. 103-110. EDN: WWORGN
4. Latushko YU. V. Tabu [Find]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Studies]. 2009, iss. 2, pp. 30-40. (In Russ.). EDN: OYPTOD
5. Levkieskaya E. E. Slavyanskii obereg. Semantika i struktura [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow, Indrik, 2002, 336 p. (In Russ.). ISBN: 5-85759-185-6 EDN: REKHLZ
6. Moskvina V. P. Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Moscow, Lenand, 2007, 260 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-9710-0137-9 EDN: QSXUHZ
7. Mukhamed'yanova G. N. Otrazhenie natsional'no-kul'turnoi spetsifiki naroda v motivakh tabuirovaniya i evfemizatsii (na materiale bashkirskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) [Reflection of the national and cultural specificity of the people in the motives of tabooing and euphemization (based on the Bashkir, German and Russian languages)]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal]. 2017, no. 6-3(60), pp. 44-47. (In Russ.). DOI: 10.23670/IRJ.2017.60.088 EDN: YTTIKJ
8. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Approximately 100,000 words, terms, and phraseological expressions]. 28th ed., Moscow, Mir i obrazovanie, 2019, 1376 p. (In Russ.).
9. Pastukhova O. D. Ob evfemizmach i tabu [About euphemisms and taboos]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2017, no. 11-1 (77), pp. 141-144. (In Russ.). EDN: ZMYQMP
10. Polyakova O. A. Tabuirovaniye slov tematicheskoi gruppy «Religiya» v fol'klornykh poemakh M. Tsvetaevoi [Tabooing of words from the thematic group "Religion" in the folklore poems of M. Tsvetaeva]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2016, pp. 112-124. (In Russ.). DOI: 10.17223/19996195/36/9 EDN: XRQGXT
11. Radbil' T. B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [Fundamentals of studying linguistic mentality]. Moscow, Flinta, Nauka, 2013, 328 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-9765-0700-5 EDN: TKZDFH
12. Teterina E. A., Piterova A. YU. Rol' mifov v razvitii kul'tury [The role of myths in the development of culture]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»* [Electronic scientific journal "Science. Society. State"]. 2014, iss. 2, pp. 1-9. (In Russ.). EDN: TFWFSF
13. Tokarev G. V. Yazykovo obereg kak lingvokul'turnaya edinitsa [Language amulet as a linguacultural unit]. *Kognitivno-diskursivnaya lingvokul'turologiya i stilistika* [Cognitive-discursive linguacultural studies and stylistics]. Iss. 2, Tula, OOO «IPO S-Print», 2015, pp. 5-7. (In Russ.). EDN: TRSDRF
14. Uspenskii B. A. Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei [Philological research in the field of Slavic antiquities]. Moscow, Moskovskii universitet, 1952, 257 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Д. Егоркина – аспирант, кафедра документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.

Information about the author

Yu. D. Egorkina – Postgraduate Student, Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language, Tula State Pedagogical University named of L. N. Tolstoy.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 05.06.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 69–81.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 69-81.

Научная статья

УДК 811.111'42

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-69-81

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИЧИН МИГРАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Кирилл Андреевич Рязанцев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
ryazantcevka@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье представлен лингвистический анализ англоязычных новостных материалов о миграции с точки зрения влияния заявляемых причин миграции на структуру и функциональную нагрузку языковых средств. В зависимости от предпосылок миграции СМИ используют различные способы репрезентации, чтобы сделать акцент на причинах, для этого были рассмотрены языковые конструкции факторов миграции в зарубежных медиа. В статье проанализированы лексические и грамматические средства, которые используются в зависимости от причины, целей издания, экстралингвистических факторов. В качестве материала были использованы следующие СМИ: Aljazeera, Reuters, Financial Times, Associated Press. Причинная обусловленность языковой составляющей текстов проявляется в следующем: использование разных терминов для обозначения мигрантов (*migrants*) и (*беженец*) в зависимости от добровольного или вынужденного характера миграции, обнаружено употребление метафор *waves of people* (*волны людей*), *economic gloom* (*экономический мрак*), *exodus* (*исход*), *uprooted* (*выселить*) с целью придать эмоциональности и оценки событию. В ходе анализа было установлено, что факторы миграции напрямую влияют на язык статьи в СМИ, тем самым создавая уникальную речевую практику вокруг отдельных причин.

Ключевые слова: миграция, миграционная лингвистика, репрезентация причин миграции, миграционный дискурс, дискурсивные практики, фрейм, слот.

Для цитирования: Рязанцев К. А. Языковая репрезентация причин миграции в английском медиадискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 69–81. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-69-81>

Original article

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CAUSES OF MIGRATION IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

Kirill A. Ryazantcev

Perm State University, Perm, Russia, ryazantcevka@yandex.ru

Abstract. This article examines the influence of migration causes on the formation of linguistic patterns in English-language news. Depending on the reasons for migration, the media use various means of representation to emphasize them. The linguistic constructions of the causes of migration in foreign media were examined. The analysis considered the lexical and grammatical means used depending on the cause, the purpose of the publication, and extralinguistic factors. The article is based on material from foreign media: Aljazeera, Reuters, Financial Times, Associated Press. The influence of causes on the linguistic component of texts is demonstrated: the use of different terms to refer to migrants (*migrants*) and (*refugees*) depending on whether migration is voluntary or forced. The use of metaphors such as *waves of people*, *economic gloom*, *exodus*, and *uprooted* is found to add emotionality and evaluation to the event. The analysis revealed

that migration factors directly influence the content of the article, thereby creating unique speech practices around specific causes. The results demonstrate the nature of linguistic variability in the text under the influence of various migration preconditions.

Keywords: migration, migration linguistics, representation of migration causes, migration discourse, discursive practices, frame, slot

For citation: Ryazantcev K. A. Linguistic Representation of the Causes of Migration in English Media Discourse. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:69-81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-69-81>

Введение

За последние двадцать пять лет можно наблюдать устойчивый рост глобализационных процессов. Такая тенденция вызвана распространением интернета как глобального и доступного многим источника информации, возросшими охватами СМИ, чередой геополитических пертурбаций на Ближнем Востоке и в других частях света. Миграция является одним из ключевых процессов на фоне глобализации. Как отмечал Томас Штель, перемещение большого количества людей в форме иммиграции или эмиграции поднимает вопросы интеграции людей в языковую и культурную системы [Stehl 2011: 39]. Необходимость изучения лингвистических изменений под влиянием миграции была всё более очевидна в академической среде, особенно в странах с большим притоком беженцев. В 2004 г. немецкий лингвист Томас Крефельд ввёл понятие *Migrationslinguistik* (миграционная лингвистика) и заложил основы направления [Krefeld 2004].

Языковая репрезентация причин относится к сфере миграционного дискурса. Само понятие *дискурс* является многозначным. В рамках нашей работы мы опираемся на определение Т. А. ван Дейка: «дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [ван Дейк 1989: 3]. Под миграционным дискурсом понимается вид социальной практики, в рамках которой участники пытаются адаптироваться к реалиям новой страны (языковым и культурным) [Шустова, Исаева 2019: 15–16]. В качестве субжанров выделяются: медиадискурс, образовательный дискурс, административный дискурс, дискурс социальных движений и т. д.

Основная часть

Необходимо обозначить факторы миграции для их лингвистического анализа. Миграционная лингвистика является междисциплинарным направлением, для получения нужного результата исследователю необходимо мыслить в системе парадигм других наук [Желтухина 2019: 6]. В рамках статьи требуется привлечение социологии как науки, изучающей причины миграции. Поскольку материалом для анализа выступит английский медиадискурс, была выбрана зарубежная классификация факторов. Важной вехой в концептуализации причин миграции выступил нидерландский социолог Хейн Де Хаас. Он отметил малое количество исследований на тему причинности, устаревший характер основных теорий миграции. С его точки зрения, миграционные процессы не укладываются строго в рамки одного теоретического обоснования. Например, на микроуровнях, мезоуровнях и макроуровнях причинности миграции один и тот же подход может давать абсолютные разные по адекватности результаты [Haas 2019].

Для статьи были взяты два социологических исследования на тему миграции с разработанной таксономией причин. Первое исследование – «Why Do People Leave Their Homes? Is There an Easy Answer? A Structured Overview of Migratory Determinants» [Kuhnt 2019], второе – «Drivers of migration: A synthesis of knowledge [Czaika, Reinprecht 2020]. Это актуальные исследования, которые учитывают мировые миграционные тенденции. Авторы статьи «Literature Review: Drivers of Migration» М. Czaika и С. Reinprecht разделяют все

причины по определенным тематическим категориям. В мета-анализе «Theories of International Migration: A Review and Appraisal» J. Kuhnt отмечает во множестве современных миграционных теорий наличие микроуровня (причины личностного уровня: возраст, образование, благосостояние отдельных лиц), мезоуровня (влияние семей, общин, групп на причины и характер миграции), макроуровня (политика государства, общее экономическое положение, возможности, геополитическая обстановка). Д. Кухнт даёт следующую классификацию предпосылок миграции.

Таблица 1. Причины миграции

Уровень миграционных процессов	Микроуровень	Мезоуровень	Макроуровень
Масштаб	В пределах одного человека	В пределах семьи, общины	В пределах государства
Примеры	Age (возраст) Educational level (образование) Gender (пол)	Migration culture, networks, and information (наличие общин, культура миграции) Geography and infrastructure (географическое положение страны)	Violence and conflict (насилие и конфликты) Institutions, the welfare state, and state fragility (благополучие страны) Economic opportunities (экономические возможности)

В «Literature Review: Drivers of Migration» таксономия номинально происходит категориально, нежели по трём уровням миграции. Общие категории с исследованием J. Kuhnt: economic (уровень бедности, общий экономический уровень развития), security (конфликты на территории страны, уровень преступности). В нашей статье будут изучены только пересекающиеся в исследованиях факторы миграции. Количественные (quantity) исследования указывают на причины военного характера (военные конфликты между странами, гражданские войны) как одни из важнейших предпосылок миграции [Davenport, Moore 2003: 27–55]. С точки зрения лингвистики, миграция будет являться фреймом, причина (forced migration, насильственная миграция из-за военных действий) – слотом. За основу понятия «фрейм» мы берем определение З. Д. Поповой и И. А. Стернина: «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин 2001: 72]. Под понятием слота мы понимаем части фрейма, которые состоят из характерной для этой структуры информации [Кубрякова 1998: 188]. Поскольку нестабильность в регионе из-за военных действий является главной причиной миграции населения, медиа-издания часто пишут об этом факторе.

Первый пример – статья 2024 г. издательства Associated Press о положении мигрантов из Судана. Заголовок – «*The UN says more than 10 million people in Sudan have now fled their homes as war continues*» (По данным ООН, более 10 миллионов человек в Судане покинули свои дома из-за продолжающейся войны) [Associated press 2023].

«*The number of internally displaced people in Sudan has reached more than 10 million as war drives about a quarter of the population from their homes, the U.N. migration agency told The Associated Press on Monday. More than 2 million other people have been driven abroad, mostly to neighboring Chad, South Sudan and Egypt, International Organization for Migration spokesman Mohammedali Abunajela said. The IOM said the internally displaced include 2.8 million who fled their homes before the current war began*». (ЖЕНЕВА (АП) (Число внутренне перемещенных лиц в Судане превысило 10 миллионов, поскольку война вынудила около четверти населения покинуть свои дома, сообщило в понедельник агентство ООН по миграции Associated Press. Еще более 2 миллиона человек были вынуждены покинуть страну, в основном в соседний Чад, Южный Судан и Египет, сообщил пресс-секретарь

Международной организации по миграции Мохаммедали Абунаджелла. По данным МОМ, среди внутренне перемещенных лиц 2,8 миллиона человек покинули свои дома до начала нынешней войны).¹

Характер недобровольной миграции можно проследить по конструкции *now fled their homes as war continues*. Из-за вооруженного конфликта люди ради своей безопасности покинули привычное место жительства. Термин *internally displaced people* связан с миграцией; сайт верховного комиссара ООН по делам беженцев характеризует таких людей как покинувших место жительства, но оставшихся в пределах своей страны [UNHCR; GNDR]. С помощью этого понятия разделяются случаи, когда люди мигрируют из-за военных конфликтов в другие страны или остаются на территории своей страны, но меняют регион проживания. В тексте статьи идёт речь именно о миграции в пределах страны проживания. Вынужденность может проявляться с помощью грамматических категорий, в случае новости речь идет о пассивном залоге: «*More than 2 million other people have been driven abroad*». Пассивный залог в данном случае служит для передачи вынужденности действия, жители Судана были вынуждены мигрировать из-за внешних факторов. Данная новость позволяет нам говорить о наличии конкретных лингвистических единиц для обозначения агентов ситуации (*internally displaced people*), использовании грамматики для передачи насильственной миграции под влиянием военного конфликта.

Вторая новость из новостного источника Аль-Джазира: «*Nearly 90,000 Rohingya flee Myanmar violence in 10 days*», перевод: *За 10 дней почти 90 000 рохинджа бежали из Мьянмы из-за насилия. «Nearly 90,000 Rohingya Muslims have fled to Bangladesh in the last 10 days, uprooted by reported rapes, murders and acts of arson by the Myanmar army. Vivian Tan, regional spokesperson for UNHCR, told Al Jazeera on Monday that women, children and the elderly made up the bulk of the 87,000 who had crossed into Bangladesh since violence erupted on August 25» [Aljazeera 2017]. (За последние 10 дней почти 90 000 мусульман-рохинджа бежали в Бангладеш, вынужденные покинуть свои дома из-за сообщений об изнасилованиях, убийствах и поджогах со стороны армии Мьянмы. Виван Тан, региональный представитель УВКБ ООН, сообщила Al Jazeera в понедельник, что женщины, дети и пожилые люди составляют большую часть из 87 000 человек, которые пересекли границу с Бангладеш с момента вспышки насилия 25 августа).*

В контексте вынужденной миграции по причинам военного конфликта преобладает использование глагола *flee*, словарь Multitran предлагает следующий перевод глагольной единицы: *спасаться бегством, искать пристанища, искать убежища, пропадать, побежать, избегать, исчезнуть* [Multitran]. Почти все дефиниции связаны с вынужденностью действия, миграции совершаются из-за угрозы жизни и здоровью. В Cambridge Dictionary фигурирует такое значение – *to escape by running away, especially because of danger or fear* [Cambridge Dictionary]. Словарная дефиниция глагола *flee* актуализирует характер действия под воздействием угрозы военных столкновений на территории страны. В материале Aljazeera речь идёт о разрушительных действиях милитаристического характера со стороны Мьянмы. С семантической точки зрения *flee* будет превалировать в подобном контексте, нежели глагол *migrate* из-за значения. В тексте можно найти конкретное описание действий армии Мьянмы (*uprooted by reported rapes, murders and acts of arson*). С эмотивной точки зрения присутствует ярко выраженный негативный характер. Т. А. ван Дейк указывает на возможность СМИ контролировать не только темы для новостей, но и характер их изложения [ван Дейк 2013:13]. Новостное издание Альджазира часто выступает с критикой военной политики Мьянмы, с помощью перечисления действий авторы придают тексту дополнительную эмотивность с целью вызвать негативную реакцию реципиента. В качестве последнего речевого приема стоит отметить употребление метафоры *violence erupted (вспышка насилия)*. Это характерная для медиадискурса метафора, подчеркивающая беспорядочный

¹ Здесь и далее – перевод наш.

и резкий характер насилия. В рассматриваемом новостном материале авторы с помощью метафоры демонстрируют жестокий характер действий армии Мьянмы по отношению к мирным жителям.

Третья новость за апрель 2024 г. взята из интернет-издания New Humanitarian, в ней речь идет о беженцах из Судана. Заголовок «*EXCLUSIVE: Inside Egypt's secret scheme to detain and deport thousands of Sudanese refugees*», (ЭКСКЛЮЗИВ: всё о секретном плане Египта по задержанию и депортации тысяч суданских беженцев) [New Humanitarian 2024]. «*Sudan's conflict has created one of the world's largest displacement crises, with nearly nine million people uprooted over the past year. Two million people have fled to neighbouring states, including more than half a million who have crossed into Egypt. Since his deportation, Mahmoud said he has been "tormented" by the question of why refugees fleeing a war zone are being punished*». (Конфликт в Судане привел к одному из крупнейших в мире кризисов, связанных с перемещением населения: за последний год почти девять миллионов человек были вынуждены покинуть свои дома. Два миллиона человек бежали в соседние государства, в том числе более полумиллиона пересекли границу с Египтом. Махмуд сказал, что с момента депортации его «мучает» вопрос, почему беженцы, спасающиеся из зоны военных действий, подвергаются наказанию).

В статье для обозначения мигрантов преобладает термин *refugee*, а не *migrant*. В исследовании 2016 г. «*Refugee or migrant? What corpora can tell*», Y. Prytz отмечает связь *refugee* с принудительным характер переселения (в контексте этого текста – из-за военного конфликта), тогда как *migrant* используется для обозначения человека, который выбрал миграцию добровольно [Prytz 2016]. То есть в слоте «агент» чаще всего будет фигурировать этот термин. То же самое можно сказать о повторяющемся глаголе действия *flee*, который будет занимать слот действия. Фраза *largest displacement crises* реализует непроизвольность действий беженцев, в нашей статье уже фигурировал термин *internally displaced people*. Повторяющимся элементом является существительное *displacement* (*переселение, перемещение*) и его связь с вынужденностью миграции, дефиниция из словаря Britannica: *the act of forcing people or animals to leave the area where they live* [Britannica]. С помощью этой лексемы журналисты актуализируют причинно-обусловленный характер миграции. Для репрезентации мотивов миграции авторы статьи используют фитоморфную метафору *uprooted*. О. Н. Кондратьева выделяет слот «корень» как одну из важных составляющих фрейма «фитоморфная метафора», часто через него проецируется проживание на одной территории или, наоборот, потеря места жительства [Кондратьева 2015: 125]. В случае примера из статьи проявляется второе значение об утрате места жительства, беженцев *выкорчевали* с территории родной страны. Данная метафора также присутствовала в тексте второй статьи.

Четвертый пример – дискуссия с популярного интернет-форума Reddit. Обсуждение началось с сообщения пользователя: «*My concern is that migrant/refugee trends are perpetuating failed states and essentially condemning individual countries to a permanent ghetto status. It would be far more beneficial for the countries concerned if the people stayed and fought to dispose of their autocratic leaders and worked towards developing more pluralistic and inclusive institutions. My example is the English Civil war which led to the glorious revolution. The inclusive institutions which arose from these two events are built on the blood and sacrifice (an estimated 200,000 people died) of those that fought. There was no option for the English to flee to Europe to escape from their predicament. If they wanted a fairer more inclusive society they had to fight for and many people sacrificed their lives for it. Today we have people fleeing from the Middle East to Western Countries to escape from autocratic rulers and extractive institutions*». (Меня беспокоит то, что миграционные/беженские тенденции ведут к закреплению несостоятельных государств и, по сути, обрекают отдельные страны на постоянный статус гетто. Для заинтересованных стран было бы гораздо выгоднее, если бы люди остались и боролись за смещение своих авторитарных лидеров, а также работали над

созданием более плюралистичных и инклюзивных институтов. В качестве примера я приведу Английскую гражданскую войну, которая привела к Славной революции. Инклюзивные институты, возникшие в результате этих двух событий, построены на крови и жертвах (по оценкам, погибло 200 000 человек) тех, кто сражался. У англичан не было возможности бежать в Европу, чтобы спастись от своего бедственного положения. Если они хотели более справедливого и инклюзивного общества, им приходилось за него бороться, и многие люди пожертвовали своей жизнью ради этого. Сегодня мы видим, как люди бегут из Ближнего Востока в западные страны, спасаясь от авторитарных правителей и эксплуататорских институтов. Любая надежда на перемены на Ближнем Востоке связана с этими людьми) [Reddit].

Пост затрагивает мигрантов и миграционный поток из стран Ближнего Востока в западные государства. Автор сообщения описывает миграцию как процесс бегства от изменения своей страны на политическом и социальном уровнях. Данная точка зрения подчеркивается через сравнение таких стран с гетто, Oxford Dictionary описывает такие районы как неблагополучные моноэтнические кварталы [Oxford Dictionary]. Merriam-Webster даёт следующее толкование: *an underprivileged district of a city or town in which members of a minority group live especially because of social, legal, or economic pressure* [Merriam-Webster]. Такой район описывается как неблагополучное место проживания малоимущих людей, бедные страны Ближнего Востока приравниваются к опасным для жизни кварталам. Составители словаря Collins Dictionary выделяют бедность и моноэтничность как отличительные свойства таких районов: *A ghetto is a part of a city in which many poor people or many people of a particular race, religion, or nationality live separately from everyone else*, [Collins Dictionary]. Автор поста сравнивает проживание в таких странах с ситуацией в бедных преступных кварталах, откуда люди пытаются мигрировать вместо преобразования места жительства в позитивную сторону. В качестве аргумента приводится пример Английской Революции в XVII в. Автор выражает негативное отношение к миграциям в следствии военных конфликтов, поскольку, с его точки зрения, мигранты должны оставаться в регионах и способствовать изменению социальной и политической ситуации.

Вернемся к фрейму «миграция» и слоту «военные конфликты» как причина. Если дополнить данную модель с учетом проанализированных данных, то получим следующий результат: социальные агенты – *migrants, refugees, internally displaced people*; действие – *flee*; направление – из своей страны в другую; причина – вооруженный конфликт. Отличительные черты каждого текста представлены в таблице 2.

Таблица 2. Миграция по причине военных конфликтов

Статья	Лексика	Термин	Глагол	Метафора	Примечание
1. The UN says more than 10 million people in Sudan have now fled their homes as war continues		Internally displaced people Migrant	Flee		Мигранты остаются в пределах страны проживания.
2. Nearly 90,000 Rohingya flee Myanmar violence in 10 days	Rapes murders arson	Migrant	Flee	Uprooted Violence erupted	Издание Aljazeera предвзято относится к правительству Мьянмы.
3. EXCLUSIVE: Inside Egypt's secret scheme to detain and deport thousands of Sudanese refugees		Refugee	Flee	Uprooted	Автор предвзято относится к правительству Египта (прямому объекту критики).
4. Пост с интернет-форума Reddit		Ghetto Migrant / refugee	Flee		Пост носит анонимный характер и размещен на интернет-форуме.

Второй важной причиной миграции выступают экономические факторы (push-pull фактор, разница в благосостоянии стран, безработица и т. д.) Во многих количественных исследованиях вышеуказанные обстоятельства являются главными факторами миграции [Ortega, Peri 2009: 3–4]. Мы проанализируем четыре новостных статьи, которые в качестве слота причин миграции используют экономические предпосылки.

Первая новость от Reuters за 2024 г. под заголовком «*New Zealand's economic missteps hasten exodus to sunnier shores*», (*Экономические просчеты Новой Зеландии ускоряют отток населения в более благоприятные страны*) [Reuters 2024]. «*Corey Ngaru and his partner Elian Lellimo left recession-hit New Zealand for the sunshine of Australia's Gold Coast just a week ago, bidding a teary farewell to family and friends as they seek better jobs and pay elsewhere. "There's a bunch more options, more opportunities," said Ngaru, who estimates he will be able to earn three times more working as a builder on the Gold Coast as he would in New Zealand.*» (*Кори Нгару и его партнер Элиан Леллимо всего неделю назад покинули пострадавшую от рецессии Новую Зеландию и отправились в солнечный Голд-Кост в Австралии, со слезами на глазах простившись с родными и друзьями в поисках лучшей работы и заработка в другом месте. «Здесь гораздо больше возможностей, больше шансов», – сказал Нгару, который считает, что, работая строителем в Голд-Косте, он сможет зарабатывать в три раза больше, чем в Новой Зеландии»).*

Отметим лексические средства, указывающие на ухудшающуюся экономическую ситуацию в Новой Зеландии: *economic missteps* (*экономические ошибки*), *recession* (дефиниция из словаря Американского бюро академического анализа – *In general usage, the word recession connotes a marked slippage in economic activity* [Bureau of Economic Analysis]). С помощью употребления экономического термина авторы статьи указывают на экономический спад в Новой Зеландии, тем самым усиливая причинно-следственную связь между условиями жизни и миграцией. Конструкции, маркирующие экономические перспективы: «*better jobs and pay elsewhere, more opportunities, able to earn three times more working. better jobs and pay elsewhere, able to earn three times more working*» – выступают средствами репрезентации «притягивающих» экономических факторов. Метафора *exodus* (*исход*) фигурирует в названии статьи и является библейской метафорой. Исход – вторая книга из цикла Ветхого Завета и повествует о массовом исходе евреев из Египта [Большой библиографический словарь]. В контексте миграции это означает массовый отток людей из страны. Авторы статьи делают акцент на миграции, обусловленной рецессией в экономике Новой Зеландии, большим количеством возможностей в соседних странах. Через текст реализуется стандартный push-pull принцип миграции (push – причины, по которым люди хотят покинуть регион, в то время как pull – причины, по которым люди хотят переехать в определённый регион).

Статья из Associated Press за 2023 г. «*A Christmas rush to get passports to leave Zimbabwe is fed by economic gloom and a price hike*» («*Рождественская спешка с получением паспортов для выезда из Зимбабве вызвана экономическим кризисом и ростом цен*» [Associated Press 2023]) также привлекла наше внимание. «*HARARE, Zimbabwe (AP) – Atop many Christmas wish lists in economically troubled Zimbabwe is a travel document, and people are flooding the passport office this holiday season ahead of a price hike planned in the New Year. The desperation at the office in the capital city of Harare is palpable as some people fear the hike could push the cost of obtaining a passport out of reach and economic gloom feeds a surge in migration... Several million Zimbabweans are estimated to have left the southern African country over the past two decades when its economy began collapsing.*» (*ХАРАРЕ, Зимбабве (AP) – В экономически нестабильном Зимбабве на первом месте в списке рождественских пожеланий стоит получение проездного документа, и в преддверии нового года, когда планируется повышение цен, люди массово устремляются в паспортный стол. В столичном паспортном столе в Хараре царит атмосфера отчаяния, поскольку некоторые люди опасаются, что повышение цен сделает получение паспорта недоступным, а экономический кризис способствует росту миграции... По оценкам, за последние двадцать лет, когда экономика страны начала рушиться, южноафриканскую страну покинули несколько миллионов зимбабвийцев*).

Коммуникативной задачей статьи было показать бедственное положение дел в экономической политике Зимбабве. Словосочетание *economically troubled* (в затруднительном экономическом положении) подчеркивает тяжелое экономическое положение, подталкивающее к вынужденной миграции. *Economic gloom* является метеорологической метафорой (оптические и звуковые явления), слово *gloom* (мрак) используется с негативной коннотацией и отражает тяжесть экономической ситуации [Чан Тхи Тху Хьонг, Чарыкина 2011: 101]. Конструкция *economy began collapsing* (экономика начала падение) фиксирует характер каузальности (из-за падения экономики начались массовые переезды в другие страны). Отток населения вызван плохими экономическими условиями в пределах родной страны и большим числом возможностей в другой. Наибольшее число экономических миграций связано именно с разрывом уровня благосостояния в разных странах.

Третья статья из газеты Financial Times за 2022 г. «*Argentines move abroad as economy deteriorates*» («Аргентинцы уезжают за границу из-за ухудшения экономической ситуации» [Financial Times] также выдвигает на первый план экономический аспект. «*Argentines are leaving the country in waves as its deepening economic crisis spurs thousands to emigrate for the first time in a generation... But poor job prospects, rocketing inflation and a government that is struggling to restore public confidence appear to be slowly reversing this trend, as more Argentines opt to escape the nation's troubled finances... Only during the pandemic have some figures been collected as part of Covid-19 immigration requirements. Between September 2020 and October 2021, about 50,000 Argentines stated they were leaving to move to another country, an average of 3,500 per month*» («Аргентинцы массово покидают страну, поскольку углубляющийся экономический кризис подталкивает тысячи людей к эмиграции впервые за поколение... Но плохие перспективы трудоустройства, стремительно растущая инфляция и правительство, которое изо всех сил пытается восстановить доверие населения, по-видимому, постепенно меняют эту тенденцию, поскольку все больше аргентинцев предпочитают покинуть страну из-за ее проблем с финансами... Только во время пандемии были собраны некоторые данные в рамках требований по иммиграции, связанных с Covid-19. В период с сентября 2020 года по октябрь 2021 года около 50 000 аргентинцев заявили, что уезжают в другую страну, что в среднем составляет 3500 человек в месяц»).

Содержательно данная статья затрагивает тему миграции в Аргентине. В заголовке присутствует словосочетание *economy deteriorates*», словари дают следующую дефиницию слова *deteriorates*: *the act or process of becoming worse* [Britanica]; *gradual decline, as in quality, serviceability, or vigor* [Wordreference]. Оба словаря дают схожие по смыслу значения – упадок, ухудшение качества, в данном контексте – упадок экономики. *Economic crisis spurs* – глагол *spurs* имеет следующую словарную дефиницию: «*to encourage an activity or development or make it happen faster*» [Cambridge Dictionary]. Автор статьи использует глагол с целью передачи значения ускорения падения экономики в Аргентине. *Leaving the country in waves* указывает на миграцию, происходящую волнами. То есть люди уезжают из страны не массово в один промежуток времени, а в незначительных количествах и постоянно. Метафора *in waves* часто употребляется в миграционном дискурсе и, в соответствии с классификацией Л. Е. Весниной, является гидронимом [Веснина 2010]. Причины для миграции представлены в «*poor job prospects, rocketing inflation and a government that is struggling to restore public confidence*». В текстах об экономической миграции указывается причинно-следственная связь, которая привела к оттоку населения. Необходимо создать конкретный нарратив о предпосылках миграции, из этого можно сделать вывод о большом количестве слотов целей в пределах экономической миграции как явления.

Статья из журнала Bloomberg за 2024 г. «*Philippines Says It Has Shortage of 190,000 Healthcare Workers*» («Филиппины заявляют о нехватке 190 000 медицинских работников») [Bloomberg]. «*The Philippines needs to plug a shortage of 190,000 healthcare workers, Health Secretary Teodoro Herbosa said, prompting the government to consider a clutch of benefits to make*

them stay. The Southeast Asian nation is the world's top supplier of nurses. **Thousands of health workers leave the Philippines annually for work abroad, lured by higher pay and prospects of a better life.** The salary of government nurses in the Philippines starts at 40,000-50,000 pesos (\$689-\$861) a month, while private hospitals typically offer half of that, the health secretary said. **This pay discrepancy has led to two layers of migration** — workers in private hospitals are transferring to government institutions, while those in state hospitals are leaving for overseas, he said» («Филиппины нуждаются в 190 000 медицинских работников, заявил министр здравоохранения Теодоро Хербоса, что побудило правительство рассмотреть ряд льгот, чтобы удержать их в стране. Эта юго-восточная азиатская страна является крупнейшим в мире поставщиком медсестер. Тысячи медицинских работников ежегодно покидают Филиппины, чтобы работать за границей, привлеченные более высокой заработной платой и перспективами лучшей жизни. Зарплата государственных медсестер на Филиппинах начинается от 40 000-50 000 песо (689-861 доллар) в месяц, в то время как частные больницы обычно предлагают половину этой суммы, сказал министр здравоохранения. Эта разница в оплате привела к двум уровням миграции — работники частных больниц переходят в государственные учреждения, а работники государственных больниц уезжают за границу, сказал он»).

Основным драйвером миграции являются экономические проблемы на фоне низких зарплат в стране. Тысячи медицинских работников ежегодно уезжают из Филиппин, поскольку в других странах за профессиональные навыки платят значительно больше. Людей из сферы здравоохранения к миграции подталкивает неудовлетворенность оплатой труда (*lured by higher pay, prospects of a better life*), возможность лучшей оплаты в соседних странах.

Таблица 3. Экономические причины миграции

Статья	Лексика	Метафора	Факторы миграции	Примечание
1. New Zealand's economic missteps hasten exodus to sunnier shores	Recession	Exodus	Better jobs and pay elsewhere, more opportunities, able to earn three times more working	
2. A Christmas rush to get passports to leave Zimbabwe is fed by economic gloom and a price hike		Economic gloom	Economically troubled Economy began collapsing	В Зимбабве бедственное экономическое положение последние несколько десятилетий.
3. Argentines move abroad as economy deteriorates	Deteriorates Spurs		Poor job prospects, rocketing inflation and a government that is struggling to restore public confidence	
4. Philippines Says It Has Shortage of 190,000 Healthcare Workers			Lured by higher pay and prospects of a better life	Статья затрагивает миграцию в пределах одной профессии

Схема фрейма «миграция» и слота «экономические причины»: участники – migrants; действие – left; направление – for work abroad, to find better life, elsewhere with payment; причины – экономические причины, цель – for work abroad, to find better life, elsewhere with payment. В основе экономической миграции, как явления, лежит желание индивида переехать в страну с лучшими экономическими условиями. В социологии такой характер

миграции (добровольный, связанный с уверенностью в полезности своих навыков в других странах) называется «positive liberty» [Haas 2019: 17]. Миграция из-за военных конфликтов, наоборот, осуществляется в силу вынуждающих обстоятельств.

Заключение

Причина миграции определяет лексические средства, которые используют журналисты. Анализ показал, что в зависимости от предпосылок используется широкий спектр лингвистических средств: разные термины для обозначения акторов, повторение одного глагола в различных текстах об одной и той же причине, использование метафор для придания эмотивности и создания определенного спектра чувств у читателя. Перечисленные языковые особенности являются дискурсивными практиками, относящимися к конкретным предпосылкам миграции. В качестве вектора развития необходимо проанализировать другие причины миграции на наличие языковых особенностей при репрезентации.

Список литературы

1. Большой библейский словарь. URL: <https://bible.by/lexicon/btd/word/2122/> (дата обращения: 23.05.2025).
2. Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента). Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2010. 250 с.
3. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматава. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
4. Желтухина М. Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт versus кооперация в мультикультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 5–21. EDN: JOLUBB
5. Кондратьева О. Н. Фитоморфная метафора как средство репрезентации концепта «Душа» в русской лингвокультуре // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 124–142. EDN: VHSQST
6. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М. : Институт языкознания РАН, 1997. 330 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 192 с. EDN: UDBLDL
8. Чан Тхи Тху Хьонг, Чарыкова О. Н. Метеорологическая метафора как фрагмент русской языковой картины мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 101–103. EDN: NVWLFH
9. Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме : коллективная монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева; Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 5–64.
10. Britannica. Deterioration. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/deterioration> (дата обращения: 23.05.2025).
11. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/spur> (дата обращения: 23.06.2025).
12. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ghetto> (дата обращения: 23.06.2025).
13. Czaika M., Reinprecht C. Drivers of migration: A synthesis of knowledge, 2020. URL: <https://www.migrationinstitute.org/publications/drivers-of-migration-a-synthesis-of-knowledge> (дата обращения: 23.06.2025).
14. Davenport, C. A., Moore, W. H., Poe, S. C. Sometimes you just have to leave: Domestic threats and forced migration, 1964-1989. International Interactions. No. 29, 2003. P. 27–55.
15. Dijk T. van. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies. Berlin : Springer, 2018. 227–245.
16. Global Network of Civil Society Organizations for Disaster Reduction. URL: <https://www.gndr.org/displacement-terminology/> (дата обращения: 23.10.2025).

17. Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework, 2019. URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-020-00210-4> (дата обращения: 23.05.2025).
18. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania Italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.
19. Kuhnt J. Literature Review: Drivers of Migration, 2019. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/205249/1/die-dp-2019-09.pdf> (дата обращения: 23.06.2025).
20. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ghetto> (дата обращения: 23.06.2025).
21. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian/flee> (дата обращения: 23.06.2025).
22. Ortega F., Peri G. The Causes and Effects of International Migrations : Evidence from OECD Countries 1980-2005. National Bureau of Economic Research, 2009. 43 p.
23. Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/ghetto> (дата обращения: 23.06.2025).
24. Prytz Y. Refugee or migrant? What corpora can tell // Nordic Journal of English Studies. No. 2, 2016. P. 46–47.
25. Stehl Th. Sprache und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen. Kommunikative Aspekte // Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Universitäts Verlag Potsdam, 2011. Hrsg. von Stehl, N. Franz, R. Kunow. P. 39–55.
26. U.S. Bureau of Economic Analysis <https://www.bea.gov/help/glossary/recession> (дата обращения: 23.06.2025).
27. UNCHR. Internally Displaced People. URL: <https://www.unhcr.org/about-unhcr/who-we-protect/internally-displaced-people> (дата обращения: 23.10.2025).
28. Wordreference. URL: <https://www.wordreference.com/definition/deterioration> (дата обращения: 23.06.2025).

Список источников

1. Aljazeera. Nearly 90,000 Rohingya flee Myanmar violence in 10 days. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/9/4/nearly-90000-rohingya-flee-myanmar-violence-in-10-days?> (дата обращения: 23.06.2025).
2. Associated press. A Christmas rush to get passports to leave Zimbabwe is fed by economic gloom and a price hike. URL: <https://apnews.com/article/zimbabwe-passport-migration-f134866e557272996b58d2b9552947f8> (дата обращения: 23.06.2025).
3. Associated press. The UN says more than 10 million people in Sudan have now fled their homes as war continues. URL: <https://apnews.com/article/un-sudan-migration-war-3cb9cf160b04fdb84aaeae210e99a406> (дата обращения: 23.06.2025).
4. Bloomberg. Philippines Says It Has Shortage of 190,000 Healthcare Workers. URL: <https://archive.ph/20240522101949/https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-05-22/philippines-says-it-has-shortage-of-190-000-healthcare-workers#selection-1187.0-1187.62> (дата обращения: 23.06.2025).
5. Financial Times. Argentines move abroad as economy deteriorates. <https://www.ft.com/content/faba01ac-ca34-40e5-aff1-ff40d5c821d> (дата обращения: 23.06.2025).
6. New Humanitarian. EXCLUSIVE: Inside Egypt's secret scheme to detain and deport thousands of Sudanese refugees. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/investigations/2024/04/25/exclusive-inside-egypt-secret-scheme-detain-deport-thousands-sudan-refugees> (дата обращения: 23.06.2025).
7. Reddit. CMV: Migrants/Refugees should stay in their home countries and try to make their own countries better rather than fleeing to 'better' countries. URL: https://www.reddit.com/r/changemyview/comments/6vtr3c/cmv_migrantsrefugees_should_stay_in_their_home (дата обращения: 23.06.2025).
8. Reuters. New Zealand's economic missteps hasten exodus to sunnier shores. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/new-zealands-economic-missteps-hasten-exodus-sunnier-shores-2025-03-03> (дата обращения: 23.06.2025).

References

1. Bol'shoi bibleiskii slovar' [The Complete Bible Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://bible.by/lexicon/btd/word/2122/> (accessed: 23.05.2025).

2. Vesnina L. E. Metaforicheskoe modelirovanie migratsii (po materialam rossiiskikh pechatnykh SMI i dannym assotsiativnogo eksperimenta) [Metaphorical modeling of migration (based on materials from Russian print media and data from an associative experiment)]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2010, 250 p. (In Russ.).
3. Deik T. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication]. Moscow, LIBROKOM, 2013, 344 p. (In Russ.).
4. Zheltukhina M. R. Migratsionnaya medialingvistika: konflikt versus kooperatsiya v mul'tikul'turnoi kommunikatsii [Migration Media Linguistics: Conflict versus Cooperation in Multicultural Communication]. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration linguistics in the modern scientific paradigm: mediation practices]. Perm, Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2019, pp. 5-21. (In Russ.). EDN: JOLUBB
5. Kondrat'eva O. N. Fitomorfnyaya metafora kak sredstvo reprezentatsii kontsepta «Dusha» v russkoi lingvokul'ture [“Phytomorphic Metaphor as a Means of Representing the Concept of 'Soul' in Russian Linguistic Culture”]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. 2015, no. 9, pp. 124-142.-142. (In Russ.). EDN: VHSQST
6. Kubryakova E. S. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya [Parts of speech from a cognitive point of view]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, 1997, 330 p. (In Russ.).
7. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh, Istoki, 2001, 192 p. (In Russ.). EDN: UDBLDL
8. Chan Tkhi Tkhu Khyong, Charykova O. N. Meteorologicheskaya metafora kak fragment russkoi yazykovoi kartiny mira [Meteorological metaphor as a fragment of the Russian linguistic picture of the world]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism]. 2011, no. 1, pp. 101-103. (In Russ.). EDN: NVWLFH
9. Shustova S. V., Isaeva E. V. Migratsionnaya lingvistika: stanovlenie i razvitie [Migration linguistics: formation and development]. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme* [Migration linguistics in the modern scientific paradigm]. Perm, Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2019, pp. 5-64. (In Russ.).
10. Britannica. Deterioration. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/deterioration> (accessed: 23.05.2025).
11. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/spur> (accessed: 23.06.2025).
12. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ghetto> (accessed: 23.06.2025).
13. Czaika M., Reinprecht C. Drivers of migration: A synthesis of knowledge, 2020. URL: <https://www.migrationinstitute.org/publications/drivers-of-migration-a-synthesis-of-knowledge> (accessed: 23.06.2025).
14. Davenport, C. A., Moore, W. H., Poe, S. C. Sometimes you just have to leave: Domestic threats and forced migration, 1964-1989, *International Interactions*, no. 29, 2003, pp. 27-55.
15. Dijk T. van. Discourse and migration. *Qualitative Research in European Migration Studies*. Berlin, Springer, 2018, 227-245.
16. Global Network of Civil Society Organizations for Disaster Reduction. URL: <https://www.gndr.org/displacement-terminology/> (accessed: 23.10.2025).
17. Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework, 2019. URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-020-00210-4> (accessed: 23.05.2025).
18. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania Italiana in die Romania multipla. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.
19. Kuhnt J. Literature Review: Drivers of Migration, 2019. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/205249/1/die-dp-2019-09.pdf> (accessed: 23.06.2025).
20. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ghetto> (accessed: 23.06.2025).
21. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian/flee> (accessed: 23.06.2025).

22. Ortega F., Peri G. The Causes and Effects of International Migrations: Evidence from OECD Countries 1980-2005. National Bureau of Economic Research, 2009, 43 p.
23. Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/ghetto> (accessed: 23.06.2025).
24. Prytz Y. Refugee or migrant? What corpora can tell. *Nordic Journal of English Studies*. No. 2, 2016. pp. 46-47.
25. Stehl Th. Sprache und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen. *Kommunikative Aspekte, Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. Universitäts Verlag Potsdam, 2011, Hrsg. von Stehl, N. Franz, R. Kunow, pp. 39-55.
26. U.S. Bureau of Economic Analysis <https://www.bea.gov/help/glossary/recession> (accessed: 23.06.2025).
27. UNCHR. Internally Displaced People. URL: <https://www.unhcr.org/about-unhcr/who-we-protect/internally-displaced-people> (accessed: 23.10.2025).
28. Wordreference. URL: <https://www.wordreference.com/definition/deterioration> (accessed: 23.06.2025).

List of sources

1. Aljazeera. Nearly 90,000 Rohingya flee Myanmar violence in 10 days. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/9/4/nearly-90000-rohingya-flee-myanmar-violence-in-10-days?> (accessed: 23.06.2025).
2. Associated press. A Christmas rush to get passports to leave Zimbabwe is fed by economic gloom and a price hike. URL: <https://apnews.com/article/zimbabwe-passport-migration-f134866e557272996b58d2b9552947f8> (accessed: 23.06.2025).
3. Associated press. The UN says more than 10 million people in Sudan have now fled their homes as war continues. URL: <https://apnews.com/article/un-sudan-migration-war-3cb9cf160b04fdb84aaeae210e99a406> (accessed: 23.06.2025).
4. Bloomberg. Philippines Says It Has Shortage of 190,000 Healthcare Workers. URL: <https://archive.ph/20240522101949/https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-05-22/philippines-says-it-has-shortage-of-190-000-healthcare-workers#selection-1187.0-1187.62> (accessed: 23.06.2025).
5. Financial Times. Argentines move abroad as economy deteriorates. <https://www.ft.com/content/faba01ac-ca34-40e5-aff1-ff40d5c821d> (accessed: 23.06.2025).
6. New Humanitarian. EXCLUSIVE: Inside Egypt's secret scheme to detain and deport thousands of Sudanese refugees. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/investigations/2024/04/25/exclusive-inside-egypt-secret-scheme-detain-deport-thousands-sudan-refugees> (accessed: 23.06.2025).
7. Reddit. CMV: Migrants/Refugees should stay in their home countries and try to make their own countries better rather than fleeing to 'better' countries. URL: https://www.reddit.com/r/changemyview/comments/6vtr3c/cm_v_migrantsrefugees_should_stay_in_their_home (accessed: 23.06.2025).
8. Reuters. New Zealand's economic missteps hasten exodus to sunnier shores. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/new-zealands-economic-missteps-hasten-exodus-sunnier-shores-2025-03-03> (accessed: 23.06.2025).

Информация об авторе

К. А. Рязанцев – аспирант, преподаватель, кафедра английского языка профессиональной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

K. A. Ryazantcev – Postgraduate Student, Lecturer, Department of English Language Professional Communication, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.07.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 28.09.2025.

The article was submitted 05.07.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 28.09.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 82–91.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 82-91.

Научная статья

УДК 811.111'42

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-82-91

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ КОД-СВИТЧИНГА В ПЕСНЯХ КОРЕЙСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ WOODZ¹

Мария Дмитриевна Харченко

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия,
mari.kharchenko05@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – проанализировать частотность и функциональные особенности использования английского языка при код-свитчинге в текстах песен корейского исполнителя WOODZ. В настоящем исследовании рассматриваются ключевые типы код-свитчинга согласно классификации Шаны Поплак и их роль в коммуникации с корейской и международной аудиторией. Материалом для исследования послужила выборка из 11 песен артиста, выпущенных в период с 2018 по 2025 гг. Случаи кодового переключения идентифицировались и классифицировались по типологии Ш. Поплак. Определялся лингвистический уровень, на котором произошло переключение, анализировалась грамматическая функция английской вставки (слово, выражение как часть предложения, синтаксически встроенная грамматическая конструкция, целое предложение). Простой количественный подсчет использовался как по каждому типу переключения для определения частоты встречаемости и ранжирования, так и по популярности песен, содержащих эти типы. Результаты анализа показали доминирование типа «переключение между полными предложениями» (inter-sentential) в виде заголовка или вступления перед самой запоминающейся частью. Указанное доминирование свидетельствует в пользу его ключевой роли в построении смыслового каркаса для глобального слушателя. Однако было выявлено и стратегическое использование других типов переключений для обогащения текста, что подчеркивает высокую билингвальную компетенцию исполнителя и необходимость учета разнородности аудитории при изучении современных музыкальных текстов. Вторым по частоте использования является тип «переключение внутри одного предложения» (intra-sentential), требующий более высокой грамматической интеграции. Самым нечастотным типом код-свитчинга у исполнителя является смешанный тип (tag-switching) в виде вставок междометий *eh, oh, yeah*.

Ключевые слова: текст К-поп, типология кодового переключения, переключение между полными предложениями, переключение внутри предложения, смешанное переключение.

Для цитирования: Харченко М. Д. Функциональные особенности использования моделей код-свитчинга в песнях корейского исполнителя Woodz // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 82–91. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-82-91>

Original article

THE USE AND FUNCTION OF CODE-SWITCHING MODELS IN THE SONGS OF KOREAN ARTIST WOODZ

Maria D. Kharchenko

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, mari.kharchenko05@gmail.com

© Харченко М. Д., 2025

¹ Благодарности. Автор выражает искреннюю признательность своему научному руководителю, доктору филологических наук, профессору Светлане Викторовне Андросовой за помощь в исследовании и подготовке рукописи к опубликованию.

Abstract. This article aims to analyze the frequency and functional features of English language use in code-switching in the lyrics of the Korean artist WOODZ. This study examines the key types of code-switching according to Shana Poplack and their role in communicating with Korean and international audiences. The research material is represented by a selection of 11 songs by the artist released between 2018 and 2025. Code-switching instances were identified and classified using Sh. Poplack's types. Another aspect of identification was the level of language where code-switching occurred depending on the grammatical function of the guest language insertion into the host language (word, expression as a sentence part, syntactic in-built construction, whole sentence). Quantitative analysis was used to calculate the frequency of occurrence of each type to range them, as well as to range the popularity of the songs depending on the display of code-switching types. The results revealed the dominance of the inter-sentential type represented by the song title and the introduction to its most memorable part. This dominance indicates its key role in constructing a semantic framework for the global listener. However, strategic use of other types to enrich the text was also identified, and they highlight the artist's high bilingual competence. Another finding was the necessity take into account audience heterogeneity while studying contemporary musical texts. Rank 2 was given to intra-sentential type that required a higher level of grammatical intergration. Tag-switching as the insertion of interjections *eh, oh, yeah* turned out the least frequent with the artist.

Keywords: K-pop text, code-switching typology, inter-sentential code-switching, intra-sentential code-switching, tag-switching.

For citation: Kharchenko M. D. The Use and Function of Code-Switching Models in the Songs of Korean Artist Woodz. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:82-91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-82-91>

Введение

Проявление кодовых переключений в речи (code-switching) в настоящее время представляется актуальным, так как с процессом глобализации и расширением межнациональных контактов происходит смешение языков и культур, в связи с чем возрастает интерес к проблемам билингвизма [Денисова 2018]. Музыка, в частности, является популярной областью исследований глобализации и транскультурных потоков, где разные культуры потребляют и переосмысливают музыкальные жанры. Код-свитчинг (переключение кода) относится к использованию двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта [Crystal 2003]. Данный прием определяется как чередование билингвами языков, часто в пределах одного предложения или абзаца. Это естественная особенность многоязычных сообществ, отражающая принадлежность к группе [Hymes 1971]. Несмотря на то, что традиционно код-свитчинг ошибочно считали признаком языковой неполноценности, более современные подходы признают его показателем билингвальной компетенции. Ш. Поплак [Poplack 2000, 2001, 2007] подчеркивает, как опытные билингвы умело переключаются между языками, намеренно демонстрируя не только высокую компетентность, но и национальную идентичность, а Уордхау [Wardhaugh 1997] акцентирует внимание на выборе языкового кода говорящих при создании новых языковых форм через переключение и смешение. Особенный интерес представляет анализ переключения языкового кода в музыкальных композициях, что и является целью данной статьи.

К-поп как музыкальный жанр представляет собой идеальную площадку для изучения код-свитчинга. Эволюция жанра от регионального успеха в Азии до глобального феномена, подкрепленного такими прорывами, как «Gangnam Style» (2012) и деятельностью групп BTS и BLACKPINK, демонстрирует целенаправленную глобализацию. Масштабы их влияния подтверждаются миллионами ежемесячных слушателей на глобальных платформах, таких как Spotify, что показывает глубокую интеграцию К-поп в международный культурный контекст. Код-свитчинг в текстах песен отличается от спонтанного переключения языков в разговоре. В музыке переключение языков является сознательным и формируется с учетом эстетики и привлекательности для аудитории [Riehl 2005]. Код-свитчинг в песнях выполняет функции акцентирования смысла, осуществления эмоционального воздействия, что отличает его от разговорного переключения кодов.

Недавние исследования текстов корейской музыки изучали использование английского языка и модели код-свитчинга [An, Kim 2024]. Употребление лексики на английском языке и в тайских поп-песнях подвергалось анализу, который продемонстрировал наличие разнообразного восприятия у слушателей и авторов песен [Likhitphongsathorn 2012]. Для К-поп характерны определенные лингвистические элементы код-свитчинга. Английский язык чаще всего доминирует в ключевых частях песни: заголовках, припевах и бриджах (bridge – запоминающийся раздел музыкального произведения, который чаще всего расположен перед припевами); в то время как корейский язык используется для повествования и передачи сложных эмоций в куплетах. Такое распределение направлено на максимальное воздействие на глобального слушателя. Однако лишь немногие исследования конкретно анализировали роль код-свитчинга в аспекте привлечения международной аудитории в корейскую музыкальную культуру. Данное исследование стремится восполнить этот пробел, представляя результаты изучения интеграции английского языка для усиления глобальной увлеченности в текстах артиста WOODZ (Cho Seung-youn), относящегося к третьему поколению К-поп.

Основная часть

Теория Шаны Поплак. Шанна Поплак отвергает представление о том, что смешение кодов – это беспорядочный способ речи. Она доказывает, что это высокоструктурированный лингвистический процесс, подчиняющийся чётким правилам. Билингвы неосознанно следуют этим грамматическим ограничениям, чтобы их речь оставалась естественной и грамматически правильной для носителей обоих языков. Теория Поплак [Poplack 2000, 2001, 2007] основана на двух главных правилах, которые определяют возможные и невозможные ситуации использования код-свитчинга: ограничение свободной морфемы и ограничение эквивалентности. Код-свитчинг рассматривается как чередование двух языков в рамках одной беседы, которое может происходить внутри предложения (intra-sentential) или между предложениями (inter-sentential).

Intra-sentential. Переключение внутри одного предложения (рис. 1), часто в виде отдельных слов, фраз или вставок. Это наиболее трудный тип с точки зрения грамматики, требующий высокой билингвальной компетенции. Например, 我今天 went to the supermarket and bought some milk (Сегодня я ходил в магазин и купил молоко). Переключение кодов происходит внутри синтаксической структуры, управляемой грамматикой английского языка. Китайская именная группа «我今天» (wǒ jīntiān – я сегодня) выполняет роль подлежащего и обстоятельства времени в английском предложении, демонстрируя грамматическую интеграцию на уровне синтаксического узла.

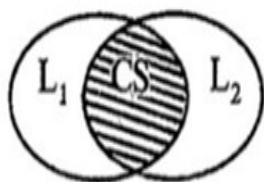

Рисунок 1. Схема типа предложения – intra-sentential

Inter-sentential. Переключение между полными предложениями (рис. 2). Этот тип менее требователен с точки зрения интеграции языков, поэтому он часто встречается в текстах песен или закадровых комментариях. Например, 我明天工作忙得要命 I need a good rest (Завтра на работе у меня будет сумасшедший день. Мне нужно хорошенько отдохнуть). Переключение кодов происходит на границе двух законченных лексических единиц.

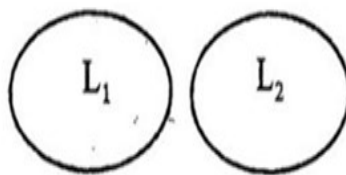

Рисунок 2. Схема типа предложения – inter-sentential

Смешанный (tag-switching) – добавление языковых «тегов» или коротких вставок в основное предложение на другом языке (рис. 3). Считается самым простым типом переключения, требующим минимальной интеграции языков. Например, 这个地方真漂亮, isn't it? (Это место действительно красивое, не правда ли?) Этот тип характеризуется добавлением короткой, часто фиксированной, фразы из одного языка в конец или начало грамматически завершено высказывания на другом языке.

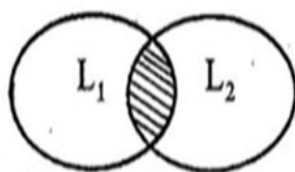

Рисунок 3. Схема типа предложения – tag-switching

Сознательное нарушение стандартной грамматики при интеграции английских фраз в корейский синтаксис можно рассматривать не как ошибку, а как художественный прием. Подобный феномен наблюдается и в письменной речи студентов, изучающих иностранные языки. Рост межъязыковых ошибок на продвинутом уровне (B2) может свидетельствовать о стремлении выйти за «пределы» изучаемой грамматики и о более творческом, самостоятельном подходе к использованию иностранного языка [Морозова 2018]. WOODZ, будучи носителем корейского и владеющим английским на продвинутом уровне, демонстрирует схожее стремление: не просто использовать язык, а использовать его творчески, даже если это приводит к некоторому отходу от стандартов.

Таким образом, использование код-свитчинга не является признаком языковой неполноценности. Наоборот, оно демонстрирует билингвальную компетентность, позволяет выражать социальную идентичность, адаптироваться к аудитории и создавать стилистические эффекты. Поплак подчеркивает, что выбор переключений зависит от грамматической совместимости языков и коммуникативного контекста, а также от намерений говорящего.

К-рор как музыкальный жанр. Музыка является популярной областью исследований глобализации и транскультурных потоков [Pennycook 2006], особенно в том, как разные культуры потребляют и переосмысливают музыкальные жанры, например хип-хоп, в локальном социокультурном контексте. К-рор как музыкальный жанр отражает глобализацию культурных потоков и является частью Hallyu («корейской волны») – экспорта корейских медиа, моды и культуры.

По мнению Юн и Джин [Yoon, Jin 2017], первая «корейская волна», начавшаяся в 1997 г., была связана с экономической либерализацией и ростом популярности корейских телесериалов в Восточной Азии. Хотя ранние успехи артистов, таких как Super Junior и TVXQ были ограничены рынками США, мировой хит Psy «Gangnam Style» (2012) стал первым заметным глобальным прорывом К-рор. Позднее такие группы как BTS и BLACKPINK укрепили позиции в Европе и США через сотрудничество с западными артистами [Yeo 2018]. Примеры успешных групп с масштабным охватом: BTS, BLACKPINK, TWICE, SEVENTEEN. Размер аудитории каждого из них составляет более пятнадцати миллионов слушателей в месяц на глобальном сервисе потоковой передачи аудиоконтента Spotify (2025), что подтверждает их значительное влияние на западную аудиторию в настоящее время.

Материал и методика исследования. Для определения частоты использования английского языка при код-свитчинге у корейского исполнителя WOODZ был проведен анализ его музыкальных композиций. Для этого была отобрана выборка из 11 песен, охватывающая музыкальные альбомы из разных периодов творчества (2018–2025 гг.). Выборка включала как наиболее популярные композиции, так и те, что демонстрируют разнообразие лирических стилей.

Определение параметров анализа. Каждый выявленный случай код-свитчинга подвергался лингвистическому анализу по установленному набору параметров. Во-первых, фиксировался оригинальный текст фрагмента композиции, содержащий смешение корейского и английского языков. Во-вторых, для точного понимания семантики и контекста приводился литературный перевод всего фрагмента на русский язык. Ключевым этапом стала классификация каждого случая согласно типологии Шаны Поплак. В конечном итоге определялся лингвистический уровень, на котором произошло переключение – анализировалась грамматическая функция английской вставки (слово, выражение как часть предложения, синтаксически встроенная грамматическая конструкция, целое предложение). Примеры обработанных образцов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Пример обработки фрагментов, содержащих кодовое переключение

Название песни	Оригинальный текст	Перевод	Тип код-свитчинга (по Поплак)	Лингвистический уровень
Love Me Harder	Love hard 내 모든 것은 파랑계 물들어	Люби сильно, И весь я погружусь в тоску	Inter- sentential	Выражение как часть предложения
BUCK	Life is short and it's kind of a race 시간이란 말을 타고 달릴 땀	Жизнь коротка, она как гонка, Когда мчишься, оседлав лошадь по имени Время	Inter- sentential	Полное предложение
Kiss of fire	Uh, drowning in your eyes, 빠진 걸까 Uh, warning, all my life 너무 벅차	Ах, тону в твоих глазах, я попал в ловушку, да? Ах, тревога: всю мою жизнь переполняет это чувство	Intra- sentential	Выражение как часть предложения
WAITING	아닌 척 마 너는 분명히 변했어 (eh)	Брось притворяться, что всё не так. Ты ведь явно стала другой, эх	Tag- switching	Междометие
Chaser	다가가면 멀어지는 너는 bittersweet love 달이 뜨면 네게로	Ты манишь и отталкиваешь – в этой любви одна горечь и сладость. И с восходом луны я вновь стремлюсь к тебе	Intra- sentential	Синтаксически встроенная именная группа
I hate you	I hate you, I don't need you, I'll forget you 너 따위 없어도 돼 I'm good	Я тебя ненавижу, ты мне не нужна, я тебя забуду. Мне нет дела до тебя. Я в порядке	Inter- sentential	Полное предложение
Better and better	내가 빛이 되어 길을 밝힐게 (oh, oh, love)	Я стану светом и освещу тебе путь (о, любовь)	Tag- switching	Междометие

Название песни	Оригинальный текст	Перевод	Тип код-свитчинга (по Поплак)	Лингвистический уровень
Hope to be like you	You took it to the limit, 우린 참을 만큼 참았고 또 매일 반복되는 줄 다리 긴 지쳐	Ты довела всё до края, мы терпели до последнего, Я так измотан этой бесконечной, ежедневной борьбой	Inter-sentential	Полное предложение
Journey	So I'm ready to journey again 여길 떠나 혹여 날 잃어도	И вот я готов снова отправиться в путь, Покинуть это место, даже если я потеряю себя	Inter-sentential	Полное предложение
Drowning	Oh 내 맘이란 추는 나를 더 깊게, 더 깊게 붙잡아	О, груз моего сердца держит меня всё крепче, крепче, затягивая вглубь	Tag-switching	Междометие
I'll Never Love Again	지나면 없던 일이 돼 넌 또 그렇게, 쉽게 run away	Пройдет время – и всё станет, будто не бывало. А ты снова так же легко убежишь	Intra-sentential	Глагол-сказуемое

Проведенный анализ текстов песен корейского исполнителя WOODZ позволил выявить функциональность и частотность использования английского языка и определить преобладающие типы код-свитчинга согласно классификации Шаны Поплак. Результаты демонстрируют осознанное применение языковых переключений для достижения художественных и коммуникативных целей. Наиболее распространенным типом код-свитчинга является *inter-sentential*. В композициях английский текст выступает как заголовок или вступление перед самой запоминающейся частью. К примеру, в *Love Me Harder* фраза “*Love Hard*” – ключевая, так как она задает эмоциональный тон припеву. Отдельное предложение на английском языке в “*BUCK*” – “*Life is short and it’s kind of a race*” – формулирует центральную идею песни. В таких песнях как “*Hope to be like you*” и “*Journey*” корейский язык преобладает, но полные предложения на английском (“*You took it to the limit*”, “*So I’m ready to journey again*”) являются законченными элементами, которые корейский текст далее раскрывает и тем самым обогащает.

Вторым по частоте использования является тип *intra-sentential*, требующий более высокой грамматической интеграции. Таким образом, в композиции “*Chaser*” английская именная группа “*bittersweet love*” грамматически встроена в корейское предложение в качестве сказуемого, определяя всю сложность описываемых отношений. В “*Kiss of fire*” английские фразы “*drowning in your eyes*” и “*warning*” встроены в корейский синтаксис, создавая эффект спонтанного потока мыслей. Менее популярным типом код-свитчинга у исполнителя является *tag-switching*. Чаще всего употребляются междометия по типу: *eh*, *oh*, *yeah*. Например, в песнях “*WAITING*” (“*eh*”), “*Better and better*” (“*oh, oh, love*”) и “*Drowning*” (междометие “*oh*”) английские элементы служат для эмоционального усиления, не нарушая грамматической структуры корейского синтаксиса в предложениях. Доминирование типа *inter-sentential* не является случайностью. Всего у WOODZ более 40 музыкальных композиций, где в текстах присутствуют все типы код-свитчинга, а также есть и полностью англоязычные тексты. При этом, у исполнителя аудитория как корейская, так и иностранная. Глобальному слушателю проще распознать значение ключевых фраз (например, *Oh, I’m drowning / It’s raining all day*), нежели чем отрывки фраз или единичные слова.

Полные, законченные предложения на английском языке вычленяют основную идею музыкальной композиции. Это позволяет слушателю, не знакомому с корейским языком, понять ключевую метафору или посыл текста, в то время как корейские части песни

углубляют и обогащают этот смысл, создавая многослойность восприятия. То есть, иностранный слушатель получает готовый смысловой каркас на понятном языке, что позволяет ему не просто пассивно слушать исполнителя, но и эмоционально включаться, понимая общую идею и смысл музыкальной композиции. Кроме того, тип *inter-sentential* идеально соответствует структурным законам поп-музыки, где на первый план выносятся самые запоминающиеся элементы. Английские фразы часто занимают сильные позиции. Они служат заголовками, открывают композицию или предваряют припев, тем самым выполняя функцию эмоционального якоря. Таким образом, популярность типа *inter-sentential* у WOODZ объясняется тем, что исполнитель сохраняет лирическую и грамматическую целостность корейского языка для повествования, одновременно предлагая глобальной аудитории простые и мощные английские вставки для понимания смысла, а также для ощущения эмоциональной связи с музыкой.

Сравнение корейской и иностранной аудитории. Для более глубокого понимания коммуникативных стратегий WOODZ было целесообразно провести сравнительный анализ восприятия код-свитчинга корейской и международной аудиторией. Ключевой вопрос заключается в том, почему доминирующий тип переключения (*inter-sentential*) оказывается наиболее эффективным для глобальной аудитории, в то время как для корейских слушателей значимость могут иметь и другие, более интегрированные в грамматику типы. Анализ корейской аудитории, основанный на статистике прослушиваний на платформе аудиохостинга Melon, выявляет устойчивую популярность треков с разнообразными типами код-свитчинга. Лидером является композиция *Drowning* с показателем в 253348 добавлений (рис. 4) в «Избранное». Примечательно, что в топ также входят песни с преобладающим *intra-sentential* переключением, такие как «Chaser» (51553 добавлений в «Избранное»). Для корейского слушателя, владеющего языком, такие лингвистические переключения не являются языковым барьером. Напротив, они воспринимаются как стилистические элементы, обогащающие текст и подчеркивающие его эмоциональную сложность. Точно так же междометия (тип *tag-switching*) в песнях функционируют как органичная часть современного музыкального дискурса.

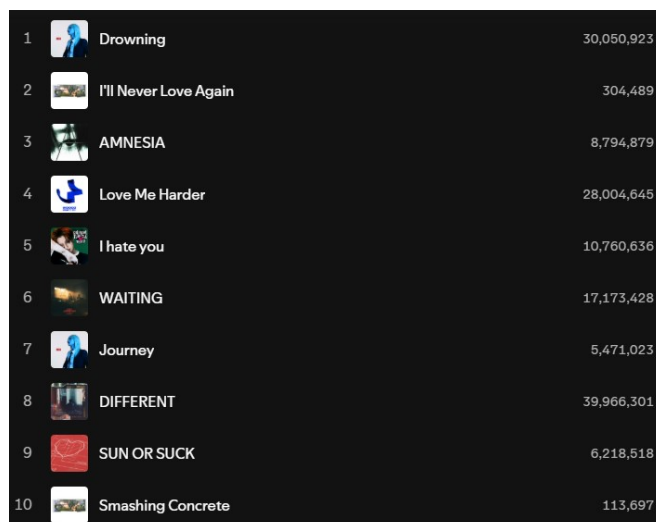
☐	1	 	 Drowning	WOODZ	OO-LI	 253,348	
☐	2	 	 I'll Never Love Again	WOODZ	I'll Never Love Again	 12,268	
☐	3	 	 To you again	WOODZ	'80s MBC Seoul Mu...	 3,501	
☐	4	 	 Last concert	WOODZ	'80s MBC Seoul Mu...	 1,332	
☐	5	 	 Journey	WOODZ	OO-LI	 37,158	
☐	6	 	 Will it be harmful?	WOODZ	Transfer Love OST ...	 56,165	
☐	7	 	 Smashing Concrete	WOODZ	I'll Never Love Again	 4,451	
☐	8	 	 I hate you (I hate you)	WOODZ	COLORFUL TRAUMA	 51,553	
☐	9	 	 AMNESIA	WOODZ	AMNESIA	 27,544	
☐	10	 	 abyss	WOODZ	OO-LI	 24,302	

Рисунок 4. Данные с корейской платформы аудиохостинга Melon

Для международной аудитории (рис. 5) именно тип код-свитчинга *inter-sentential* становится ключевым механизмом доступа к смыслу композиций. Полные предложения на английском языке (“Life is short it kind of a race”, “I hate you, I don't need you”) выступают в роли самодостаточных смысловых единиц. Они позволяют слушателю, не знакомому с корейской грамматикой и лексикой, мгновенно понять основную идею, метафору или эмоциональный посыл песни.

1	 Drowning	30,050,923
2	 I'll Never Love Again	304,489
3	 AMNESIA	8,794,879
4	 Love Me Harder	28,004,645
5	 I hate you	10,760,636
6	 WAITING	17,173,428
7	 Journey	5,471,023
8	 DIFFERENT	39,966,301
9	 SUN OR SUCK	6,218,518
10	 Smashing Concrete	113,697

Рисунок 5. Данные с международной платформы аудиохостинга Spotify

Таким образом, стратегия код-свитчинга WOODZ оказывается разнообразной: для корейской аудитории – различные лингвистические приемы, где ценятся все типы языковых переключений, когда для глобальной аудитории – это в первую очередь понимание отдельных предложений на английском языке. Эта двойственность делает творчество WOODZ успешным на обоих рынках, удовлетворяя разные потребности: эстетические – для корейских слушателей, и коммуникативно-смысловые – для международных.

Заключение

Проведенное исследование позволило идентифицировать и систематизировать функциональные особенности использования английского языка при код-свитчинге, а также выявить частотность типов код-свитчинга в текстах песен корейского исполнителя WOODZ. Анализ подтвердил, что код-свитчинг следует отнести не к случайным явлениям, обусловленным недостатком средств родного языка или плохим знанием языка, а к осознанной лингвистической и художественной стратегии, направленной на решение конкретных коммуникативных задач популяризации музыкальной композиции среди внутренней и внешней аудитории. Доминирование типа переключения *inter-sentential* в дискографии WOODZ демонстрирует его ключевую роль в построении моста между корейской и международной аудиторией. Полные предложения на английском языке, вынесенные в сильные структурные позиции, служат для глобального слушателя смысловыми узлами каркаса, позволяя мгновенно уловить основную идею и эмоциональный посыл композиции. Этот вывод согласуется с исследованиями, подчеркивающими, что стратегическое использование английского языка в К-поп является ключевым фактором его глобального узнавания и успеха.

В то же время, использование *intra-sentential* и *tag-switching* обогащает тексты для корейской аудитории. Таким образом, WOODZ демонстрирует высокую билингвальную компетенцию, балансируя между лингвистической целостностью для локального и международного рынка. Полученные данные, находящие параллели в исследованиях речевого восприятия [Lee, Park 2023], показывают, что успешное усвоение неродных фонологических контрастов коррелирует с индивидуальной чувствительностью к акустическим сигналам в родном языке. По аналогии, можно предположить, что музыкальные продюсеры и артисты, подобные WOODZ, обладают высокой металингвистической чувствительностью, позволяющей им интуитивно определять и выносить на первый план те лингвистические единицы (в типе код-свитчинга *inter-sentential*), которые будут наиболее эффективно восприняты международной аудиторией.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ стратегий код-свитчинга у артистов разных поколений К-поп, а также на изучение восприятия этих стратегий самой аудиторией с помощью социолингвистических опросов.

Список литературы

1. Денисова Е. А. Кодовые переключения в произведениях англоязычного бикультурного автора-билингва Дж. Р. Фаулза // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). Филологические науки. Вып. 114. С. 85–91 DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11012 EDN: YQOKKT
2. An J., Kim S. Investigating English Code-Switching in K-Pop Lyrics : A Corpus-Based Analysis of ATEEZ's Discography // Journal of Popular Music Studies. 2024. Vol. 36. № 2. P. 45–67. DOI: 10.1017/jpm.2024.12
3. Crystal D. English as a Global Language. Second edition. Cambridge University Press. 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511486999
4. Hymes D. On Communicative Competence. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1971.
5. Lee J., Park H. Acoustic cue sensitivity in the perception of native category and their relation to nonnative phonological contrast learning // Journal of Phonetics. 2023. Vol. 98. P. 101–118. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2023.101248>
6. Likhithongsathorn T., Sappapan P. Study of Code-Switching in Bilingual Thai-English Speakers // Journal of Pragmatics. 2012. Vol. 44. № 5. P. 521–536. DOI: 10.1016/j.pragma.2012.02.003
7. Pennycook A. Global Englishes and Transcultural Flows // Routledge, 2006. 189 p.
8. Poplack Sh. The English history of African American English // Language in Society. 2000. Vol. 30 (2). Oxford : Blackwell. P. 311–316. DOI: 10.1017/S0047404501352053
9. Poplack Sh. Code-switching (linguistic) // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / Neil J. Smelser & Paul B. Baltes (Eds). Elsevier, 2001. P. 2062–2065.
10. Poplack Sh. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching // The Bilingualism Reader. 2nd ed. Routledge, 2007. P. 213–243.
11. Riehl C. M. Sprachvariation und Sprachwandel // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2005. Vol. 33. № 2. P. 264–286. DOI: 10.1515/zfgl.33.2.264
12. Scott M. The Parasocial Bridge: How K-Pop Fandom Uses Social Media and Code-Switching to Overcome Language Barriers // International Journal of Communication. 2021. Vol. 15. P. 3215–3234. DOI: 10.1234/ijoc.2021.0123
13. Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics. 3rd ed. Blackwell Publishing. URL: https://lmsspada.kemdiktisaintek.go.id/pluginfile.php/549225/mod_resource/content/1/1006648_82038_wardhaugh_r_an_introduction_to_sociolinguistics.pdf (accessed: 25.03.2025).
14. Yeo J. Linguistic Innovation in K-Pop Lyrics: A Study of English Borrowing and Code-Switching // Korean Linguistics. 2018. Vol. 16. № 1. P. 78–102. DOI: 10.1075/kl.16.1.04yeo
15. Yoon K., Jin L. K-Pop Idols' English Proficiency and Its Impact on Global Popularity: A Data-Driven Analysis // Journal of Asian Pacific Communication. 2017. Vol. 27. № 2. P. 215–234. DOI: 10.1075/japc.27.2.04yoo

References

1. Denisova E. A. Kodovye pereklyucheniya v proizvedeniyakh angloyazychnogo bikul'turnogo avtora-bilingva Dzh. R. Faulza [Code-switching in the works of the English-language bicultural bilingual author J.R. Fowles]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2018, no. 10 (420), iss. 114, pp. 85-91. (In Russ.). DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11012 EDN: YQOKKT
2. An J., Kim S. Investigating English Code-Switching in K-Pop Lyrics : A Corpus-Based Analysis of ATEEZ's Discography. *Journal of Popular Music Studies*. 2024, vol. 36, no. 2, pp. 45-67. DOI: 10.1017/jpm.2024.12
3. Crystal D. English as a Global Language. Second edition. Cambridge University Press. 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511486999
4. Hymes D. On Communicative Competence. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1971.
5. Lee J., Park H. Acoustic cue sensitivity in the perception of native category and their relation to nonnative phonological contrast learning. *Journal of Phonetics*. 2023, vol. 98, pp. 101-118. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2023.101248>

6. Likhitphongsathorn T., Sappapan P. Study of Code-Switching in Bilingual Thai-English Speakers. *Journal of Pragmatics*. 2012, vol. 44, no. 5, pp. 521-536. DOI: 10.1016/j.pragma.2012.02.003
7. Pennycook A. *Global Englishes and Transcultural Flows*. Routledge, 2006. 189 p.
8. Poplack Sh. The English history of African American English. *Language in Society*. 2000, vol. 30 (2), Oxford, Blackwell, pp. 311-316. DOI: 10.1017/S0047404501352053
9. Poplack Sh. Code-switching (linguistic). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Neil J. Smelser & Paul B. Baltes (Eds). Elsevier, 2001, pp. 2062-2065.
10. Poplack Sh. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching. *The Bilingualism Reader*. 2nd ed., Routledge, 2007, pp. 213-243.
11. Riehl C. M. Sprachvariation und Sprachwandel. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2005, vol. 33, no. 2, pp. 264-286. DOI: 10.1515/zfgl.33.2.264
12. Scott M. The Parasocial Bridge: How K-Pop Fandom Uses Social Media and Code-Switching to Overcome Language Barriers. *International Journal of Communication*. 2021, vol. 15, pp. 3215-3234. DOI: 10.1234/ijoc.2021.0123
13. Wardhaugh R. *An Introduction to Sociolinguistics*. 3rd ed., Blackwell Publishing URL: https://lmsspada.kemdiktisaintek.go.id/pluginfile.php/549225/mod_resource/content/1/1006648_82038_wardhaugh_r_an_introduction_to_sociolinguistics.pdf (accessed: 25.03.2025).
14. Yeo J. Linguistic Innovation in K-Pop Lyrics: A Study of English Borrowing and Code-Switching. *Korean Linguistics*. 2018, vol. 16, no. 1, pp. 78-102. DOI: 10.1075/kl.16.1.04yeo
15. Yoon K., Jin L. K-Pop Idols' English Proficiency and Its Impact on Global Popularity: A Data-Driven Analysis, *Journal of Asian Pacific Communication*. 2017, vol. 27, no. 2, pp. 215-234. DOI: 10.1075/japc.27.2.04yoo

Информация об авторе

М. Д. Харченко – студент, кафедра иностранных языков,
Амурский государственный университет.

Information about the author

M. D. Kharchenko – Student, Foreign Languages Department,
Amur State University.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 92–101.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 20. P. 92-101.

Научная статья

УДК 82.03

doi: 10.24412/2713-0231-2025-20-92-101

ТРАНСФЕР ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕКСИКАНСКИХ ЛЕГЕНД: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Мария Алексеевна Лесникова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
maria_lesnikova@list.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению способов трансляции этнокультурного компонента при переводе мексиканских легенд с испанского языка на русский язык в аспекте применения когнитивно-дискурсивного подхода. Этнокультурный компонент понимается как совокупность элементов текста, репрезентирующих специфическое для определённой лингвокультуры видение мира: исторический контекст, традиции и обычаи, религиозно-мифологические представления, а также культурно маркированные языковые единицы-реалии. С опорой на положения когнитивно-дискурсивного анализа предлагается рассматривать перевод художественного текста как двухфазный процесс когнитивного моделирования, включающий предпереводческий анализ исходного текста (обнаружение реалий в исходном тексте (ИТ) и их категоризация, выявление содержательной и образно-мифологической составляющей языковых реализаций) и постпереводческое редактирование переводного текста (ПТ). Материалом для исследования служат мексиканские легенды из иллюстрированного сборника Кармен Ленеро «Monstruos mexicanos», в котором мифологические существа связаны с локальными традициями, верованиями и космологическими представлениями разных регионов Мексики. В статье описываются основные направления применения когнитивно-дискурсивного анализа при переводе: выявление концептуальных схем и метафор, анализ культурных референций и символов, исследование дискурсивных стратегий, идентификация культурных стереотипов и выбор стратегии трансляции этнокультурной информации. Показано, что когнитивно-дискурсивный анализ позволяет переводчику не только идентифицировать этнокультурные компоненты и их когнитивную структуру, но и подобрать оптимальные переводческие решения, способствующие сохранению культурного кода оригинала, что способствует его адекватному восприятию реципиентами целевой культуры.

Ключевые слова: этнокультурный компонент, когнитивное моделирование, перевод художественного текста, мексиканские легенды, культурные реалии, Мексика.

Для цитирования: Лесникова М. А. Трансфер этнокультурного компонента при переводе мексиканских легенд: когнитивно-дискурсивный аспект // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 20. С. 92–101. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-92-101>

Original article

INDICATING THE TRANSFER OF THE ETHNOCULTURAL COMPONENT IN THE TRANSLATION OF MEXICAN LEGENDS: A COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH

Mariya A. Lesnikova

Perm State University, Perm, Russia, Пермь, Россия, maria_lesnikova@list.ru

Abstract. The article focuses on ways of transferring the ethnocultural component in the translation of Mexican legends from Spanish into Russian within a cognitive-discursive framework. The ethnocultural component is understood as a set of textual elements representing a culture-specific worldview of a given linguocultural community: historical context, traditions and customs, religious and mythological concepts, as well as culture-specific lexical units (realia). Drawing on the principles of cognitive-discursive analysis, literary translation is viewed as a two-phase process of cognitive modelling, which includes pre-translation analysis of the source text (identification and categorization of realia in the source text, as well as the revelation of the conceptual and mythopoetic dimensions of their linguistic realization) and post-translation editing of the target text. The material of the study is a set of Mexican legends from the illustrated collection *Monstruos mexicanos* by Carmen Leñero, in which mythological creatures are closely linked to local traditions, beliefs and cosmological ideas of different regions of Mexico. The article outlines the main directions for applying cognitive-discursive analysis in translation: identifying conceptual schemas and metaphors, analyzing cultural references and symbols, examining discourse strategies, identifying cultural stereotypes, and choosing strategies for transferring ethnocultural information. It is shown that cognitive-discursive analysis enables the translator not only to identify ethnocultural components and their cognitive structure, but also to select optimal translation solutions that help preserve the cultural code of the source text and thus ensure its adequate perception by the target-culture audience.

Keywords: ethnocultural component, cognitive-discursive analysis, cognitive modelling, literary translation, Mexican legends, culture-specific items, Mexico.

For citation:. Lesnikova M. A. Indicating the Transfer of the Ethnocultural Component in the Translation of Mexican Legends: a Cognitive-Discursive Approach. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;20:92-101. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-20-92-101>

Введение

В условиях глобализации и интенсификации межкультурных контактов проблема трансляции этнокультурной специфики художественного текста приобретает особую актуальность, а перевод художественного текста рассматривается как ключевой инструмент диалога культур и осознанного обмена культурными ценностями [Ли Лунь 2020; Костикова 2024]. Это не просто осуществление поиска межъязыкового соответствия, это сложный когнитивно-дискурсивный процесс, связанный с переносом культурных кодов из одной лингвокультуры в другую, это акт межкультурной коммуникации, в ходе которого через иной язык транслируется национальная художественная картина мира, воплощающая этнокультурную специфику оригинала. Думается, что особый интерес в этом контексте представляют мексиканские легенды, в которых переплетаются доиспанские верования, элементы католической традиции, локальные ритуалы и мифологические представления различных коренных народов. В этом отношении иллюстрированный сборник мексиканских легенд Кармен Ленеиро (Carmen Leñero) «*Monstruos mexicanos*» наглядно демонстрирует богатый спектр таких этнокультурных компонентов и может служить репрезентативным материалом для проведения когнитивно-дискурсивного анализа при его переводе [Leñero 2019].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, каким образом когнитивно-дискурсивный анализ (КДА) может быть использован как инструмент выявления и трансфера этнокультурного компонента при переводе мексиканских легенд на русский язык. Объектом исследования выступает мифологический дискурс мексиканских легенд, понимаемый нами как совокупность художественных текстов, содержащих этнокультурные компоненты, а предметом – когнитивно-дискурсивные механизмы их трансфера в переводе, представленные в языковых реализациях этнокультурной специфики. Теоретической основой работы служат исследования, посвящённые трансляции национально-культурного пространства и культурно маркированной лексики [Олейник, Горбатовский 2022; Пинягин 2019; Хорошева, Горин 2025 и др.], а также общие положения когнитивно-дискурсивного анализа в сфере лингвокультурологических исследований [Карасик 2019; Красных 2002; Криницина 2019; Кубрякова 1995; Лесникова 2024; Хрусталева, Никитина 2017].

Основная часть

Этнокультурный компонент художественного текста понимается в настоящем исследовании как совокупность элементов, репрезентирующих специфическое для данной этнокультуры видение мира и закрепляющих особенности национальной культуры в текстовой ткани. Вслед за Ю. Н. Пинягиным, отметим, что национально-культурное пространство оригинала проявляется в культурно маркированных единицах-реалиях, которые концентрируют в себе этнически специфическую информацию [Пинягин 2019: 72]. В настоящей статье предпринимается попытка концептуализировать этнокультурный компонент художественного текста как многоуровневое образование.

1. *Уровень исторического контекста.* Речь об упоминании событий, периодов и персоналий, значимых для коллективной памяти сообщества, например, социальных движений, революций, фигур национальных героев и т. п. В мексиканских легендах такие элементы нередко присутствуют имплицитно – через отсылки к доиспанскому прошлому, колониальному периоду, народным восстаниям и др.

2. *Уровень традиций и обычаев.* Рассматриваются элементы повседневного и обрядового поведения, такие как ритуалы, праздники, формы социального взаимодействия, нормы, регулирующие отношения внутри общины. В дискурсе мексиканских легенд они могут актуализироваться через описания семейных и общинных практик, способов взаимодействия с природой, моделей поведения в сакральных ситуациях.

3. *Уровень религиозных и мифологических представлений.* Дается изображение богов, духов, потусторонних сил, а также демонстрируются религиозные практики и вводятся мифологические сюжеты, формирующие основу картины мира данной культуры. Для мексиканского фольклора это, в частности, верования мезоамериканских народов, культ святых, синкретические формы религиозности.

4. *Языковой (вербальный) уровень репрезентации этнокультурного компонента.* Он проявляется в наличии в тексте культурно маркированных единиц, называющих традиционные блюда, напитки, предметы одежды, артефакты, ритуалы, персонажей местной мифологии. Вербальные реализации прослеживаются в топонимах, антропонимах, устойчивых выражениях и фразеологических единицах. Как правило, эти элементы обладают лакунарностью по отношению к другим лингвокультурам, что создаёт дополнительные сложности при их переводе.

В связи с вышесказанным представляется логичным заключить, что в результате такой структурной организации этнокультурный компонент художественного текста может быть описан как многослойная система, включающая историко-контекстуальный, социокультурный, когнитивно-дискурсивный и собственно языковой уровни, каждый из которых должен быть специально учтён на этапе предпереводческого анализа ИТ. Переходя к краткому описанию двухфазной модели когнитивно-дискурсивного анализа, отметим, что перевод художественного произведения рассматривается нами как процесс когнитивного моделирования, при котором переводчик строит и сопоставляет ментальные модели исходного и переводного текста. Под когнитивно-дискурсивным анализом (КДА) в данной статье понимается двухфазный процесс, включающий: предпереводческий анализ исходного текста (ИТ) – построение когнитивной модели произведения; постпереводческий анализ переводного текста (ПТ) – редактирование и коррекция перевода с учётом заданных когнитивно-дискурсивных параметров.

На первом этапе осуществляется первичный отбор ключевых слов и выражений, репрезентирующих тематические и концептуальные доминанты ИТ. В результате формируется схема внутреннего содержания произведения, представленная в виде смысловых блоков (фреймов и их слотов), которые заполняются конкретными лексемами и языковыми реализациями. В случае рассматриваемых мексиканских легенд такими слотами могут быть, например: слот «*Духи-хранители*» с вербальными выражениями *Aluxes*, *Chanèques*, слот «*Шаманское превращение*» с языковыми реализациями *Nahual*, *Waay Chivo*,

слоты «Загробный мир», «Ритуал защиты», «Обряд призыва» и т. п. Каждый слот включает языковое обозначение типичных участников описываемого события, локализацию (конкретный регион Мексики, описание этнической группы), набор действий и ритуальных практик, а также определённые ценностные и эмоциональные оценки. Стоит особо подчеркнуть, что помимо когнитивного анализа, в рамках первой фазы КДА требуется глубокий литературоведческий анализ исходного текста, включающий интерпретацию идейно-образного строя произведения, стилистических средств и эстетического воздействия на читателя. Переводчик художественного текста должен быть способен не только воспроизвести сюжетную канву, но и передать в ПТ художественность ИТ в единстве авторской эстетики.

Говоря о второй фазе КДА, то есть об этапе редактирования переводного текста отметим, что речь идет в данном случае о сопоставлении когнитивной модели ИТ с теми смыслами, которые актуализируются в ПТ. На данном этапе проводится его целенаправленная проверка с целью получения ответов на вопросы: сохранены ли ключевые фреймы и их слоты; адекватно ли переданы культурные реалии; не утрачены ли важные для восприятия элементы этнокультурного компонента; соответствует ли стилистика ПТ эстетике исходного произведения. Думается, что тогда можно говорить о постпереводческом когнитивно-дискурсивном редактировании, направленном на достижение баланса между содержательной точностью и функционально-эстетической эквивалентностью ИТ и ПТ. Видится целесообразным дать краткую характеристику иллюстрированному сборнику мексиканских легенд «*Monstruos mexicanos*». Прежде всего отметим, что данное художественное произведение было опубликовано и выложено в открытый доступ в период пандемии, что свидетельствует о стремлении мексиканских культурных институций поддерживать интерес к традициям и обрядам различных народов страны и тем самым способствовать сохранению культурного наследия. Данное художественное произведение опирается на мексиканский фольклор и региональные мифологические традиции, содержит красочные иллюстрации, которые позволяют читателю увидеть облик персонажей.

С опорой на предложенную выше многоуровневую модель этнокультурного компонента рассмотрим, каким образом соответствующие уровни реализуются в текстах сборника, и как они транслируются в переводе.

1. Историко-контекстуальный и региональный уровень.

Отметим, что данный уровень проявляется, прежде всего, через указание на конкретные регионы и этнические группы, а также через апелляцию к доиспанскому прошлому и традициям коренных народов. Так, например, существа Чанеки (*Chanèques*) прямо связываются с лесными пространствами Веракруса и Табаско, а дух смерти Тукакаме (*Tukákame*) – с мироощущением народа уичолей. В одном из фрагментов, посвящённых обряду в честь духа Тукакаме, этнокультурная информация концентрируется в нескольких языковых единицах: «*El chamán recita oraciones en wixárika y quema copal para abrir el portal entre el mundo de los vivos y los muertos*» / Шаман читает молитвы на языке уичолей и сжигает копаль, чтобы открыть портал между миром живых и мёртвых. Стоит сказать, что здесь историко-контекстуальный и региональный уровни реализуются через указание на конкретный язык *wixárika* (вишáрика = язык уичолей) и использование заимствования *copal*, обозначающего традиционный смолистый ароматический материал, применяемый в ритуалах. В переводе эти реалии сохраняются с экспликацией («язык уичолей»), что позволяет, с одной стороны, не утратить региональную маркированность, а с другой – сделать её понятной русскоязычному читателю.

2. Уровень традиций и обычаев: ритуальные практики.

Уровень традиций и обычаев в сборнике наиболее ярко проявляется через описания ритуальных практик разного рода, как защитных, так и связанных с обращением к духам или с магическими превращениями. Здесь особенно хорошо видно, как когнитивные схемы («защита», «граница миров», «метаморфоза») реализуются в конкретных сюжетных ходах и

лексике, а также, какие переводческие решения требуются для их передачи. Приведем конкретный пример из сборника с его переводом на русский язык и последующим комментарием: «*Para evitar que el nahual robe tu alma mientras duermes, debes colocar un espejo frente a tu cama. Si el nahual ve su reflejo, perderá su poder y huirá*» / Чтобы **нагуаль** не украл твою **душу**, пока ты спишь, нужно поставить **зеркало** перед кроватью. Если **нагуаль** увидит своё отражение, он **потеряет силу** и сбежит.

Думается, что в тексте на испанском языке реализуется устойчивая мифологическая модель «душа как объект кражи», а зеркало, в свою очередь, выступает как инструмент защиты от нечистой силы. В связи с этим представленный перевод сохраняет и структуру угрозы («не украл твою душу»), и защитный сценарий («поставить зеркало перед кроватью»), опираясь на то, что в русской культурной традиции зеркалу также приписываются магические свойства. Полагаем, что это пример удачного сочетания формальной и динамической эквивалентности: базовая концептуальная схема *дух–душа–зеркало* полностью сохраняется.

Другой тип защитного ритуала демонстрирует легенда о Чанеках (Chanques): «*Los campesinos marcan sus casas con cruces de cal para evitar que los chaneques entren y les jueguen malas pasadas*» / **Кресты, нарисованные известью**, защищают дома крестьян от проделок **чанеков**. Здесь этнокультурный компонент выражен через сочетание католического символа креста (*cruces*) и локальной практики использования извести (*cal*). В переводе выбран вариант «кресты, нарисованные известью», позволяющий сохранить материал и одновременно эксплицировать защитную функцию. Полагаем, что транслитерация *chanques* в виде «чанеки / чанеков» поддерживает мифологическую специфику без попытки найти аналог в русской традиции.

Говоря об обрядах призыва духов, можно вновь обратиться к приведенному ранее контексту о духе смерти Тукакаме (Tukákame): «*El chamán recita oraciones en wixárika y quema copal para abrir el portal entre el mundo de los vivos y los muertos*» / **Шаман** читает молитвы на языке **уичолей** и сжигает **копаль**, чтобы открыть портал между миром живых и мёртвых. Стоит обратить внимание, что здесь слот «Обряд призыва» наполняется действиями (*recita oraciones, quema copal*) и элементами сакрального пространства (*portal entre el mundo de los vivos y los muertos*). В переводе сохранены ключевые этнокультурные единицы (*copal, wixárika* → «копаль», «язык уичолей»), а метафорическая модель «портала» передана прямым соответствием, что позволяет удержать концептуальную схему «граница миров».

Нельзя обойти вниманием и магические превращения, которые также наличествуют в сборнике, например, в легенде о Уай Чиво (Waay Chivo) описывается ритуал магического превращения: «*El brujo dibuja un círculo de sangre en el suelo, se cubre con una piel de chivo y recita un hechizo antes de transformarse*» / **Колдун** рисует **кровавый круг** на земле, накрывается **козлиной шкурой** и **произносит заклинание** перед превращением. Здесь слот «Магическая метаморфоза» реализован через последовательность действий (*dibuja, se cubre, recita un hechizo*), а также через символику крови и животной шкуры. При переводе сохраняется лексема *brujo* («колдун»), выступающая в качестве ближайшего функционального аналога в русской традиции, однако при этом не вводящая дополнительных коннотаций (например, как если бы это были варианты «ведьмак», «маг»), которые могли бы сместить смысловой акцент с представленного образа в глазах русскоязычного читателя. Вербальные компоненты *círculo de sangre* и *piel de chivo* передаются максимально буквально («кровавый круг», «козлиная шкура»), что позволяет сохранить визуальную и ритуальную образность.

Таким образом, на уровне традиций и обычаев можно говорить о целой системе ритуальных практик (защитных, призывных, трансформирующих), каждая из которых имеет устойчивый набор вербальных репрезентантов и требует от переводчика осмысленного выбора между транслитерацией, калькированием и функциональной адаптацией.

3. *Религиозно-мифологический уровень.* Данный уровень в сборнике мексиканских легенд «*Monstruos mexicanos*» реализуется через систему персонажей, являющихся носителями определённых мифологических функций и атрибутов: Нагуаль (Nahual) – гибридное существо, которое действует на границе миров; Уай Чиво (Waay Chivo) – колдун-метаморф, способный превращаться в козла и связанный с нагуализмом; Алуши (Aluxes) и Чанеки (Chaneques) – духи-хранители природного пространства: первые охраняют поля, вторые же считаются лесными духами; Тукакаме (Tukákame) – дух смерти, проводник между мирами. Полагаем, что следующий пример с языковой реализацией *nahual* демонстрирует типичный для мезоамериканской традиции образ существа, способного похищать душу: «*Para evitar que el nahual robe tu alma mientras duermes...*» / Чтобы нагуаль не украл твою душу, пока ты спишь... По нашему мнению, сохраняемое при переводе заимствование «нагуаль» позволяет актуализировать именно мезоамериканский мифологический код, а не подменять его русскими демонологическими образами, такими как, например, «чёрт», «упырь» и т. п. Аналогично, в случае с языковыми реализациями Чанеки (Chaneques) и Тукакаме (Tukákame) транслитерация имён в сочетании с пояснительными описаниями (лесные духи и дух смерти, соответственно) обеспечивает включённость читателя в чужую мифологическую систему без её избыточной доместикации.

4. *Вербальный уровень репрезентации.* На языковом уровне этнокультурная специфика в рассматриваемых легендах проявляется прежде всего в: именах мифологических персонажей – Нагуаль, Уай Чиво, Алуши, Тукакаме (Nahual, Waay Chivo, Chaneques, Aluxes, Tukákame), в названиях ритуальных предметов и веществ – копаль, кровавый круг, козлиная шкура (*copal, círculo de sangre, piel de chivo*). Заметим, что когнитивно-дискурсивный подход к переводу предполагает, что каждую такую единицу переводчик рассматривает как элемент определённого фрейма / слота и соотносит с его функцией. Так, Нагуаль (nahual) и Чанеки (chaneques) в переводе передаются транслитерацией, что подчёркивает их статус реалий, но вместе с тем, их функции (дух, оборотень, лесной дух) описываются в окружающем данные языковые реализации контексте, выполняя компенсаторную роль для читателя через объяснительный перевод. В случаях с языковыми репрезентантами копаль (copal) и вишáрика (wixárika) используется комбинация транслитерации и экспликации: так, в ПТ «копаль» сопровождается указанием на ритуальный контекст, а языковая реализация wixárika интерпретируется как «язык уичолей». Таким образом, вербальный уровень этнокультурного компонента оказывается вписан в более широкий когнитивно-дискурсивный контекст и поддерживает те уровни, которые были выделены ранее (исторический, уровень традиций и обычаев, религиозно-мифологический).

Завершив краткую характеристику уровней этнокультурной специфики, видится целесообразным представить конкретные способы применения когнитивно-дискурсивного анализа при переводе мексиканских легенд, поскольку КДА, будучи инструментом выявления ментальных схем и дискурсивных стратегий, позволяет системно описать переводческие решения, принятые при работе с этнокультурным компонентом.

Во-первых, можно говорить о *выявлении концептуальных схем и метафор*. Так, рассмотренные выше фрагменты демонстрируют, что этнокультурные элементы в легендах структурируются через устойчивые концептуальные схемы: «место силы», «граница миров» (например, обряд с Тукакаме (Tukákame) и «портал между миром живых и мёртвых»); «духи-хранители» Алуши и Чанеки (Aluxes у Chaneques), выступающие в легендах как хранители полей и лесов; «угроза душе» (ритуал защиты от нагуаля, способного «украсть душу»); «метаморфоза» (например, превращение колдуна (brujo) в козла при помощи кровавого круга и козлиной шкуры).

КДА позволяет выделить соответствующие фреймы и слоты (например, «Ритуал защиты», «Обряд призыва», «Магическая метаморфоза»), а затем сопоставить, насколько последовательно они воспроизводятся в переводе. Так, при передаче фрагмента о Тукакаме

(Tukákame) сохранение метафоры «портала» и упоминания мира живых и мёртвых поддерживает концептуальную схему «границы миров», а в эпизоде с нагуалем сохранение структуры «красть душу» («robe tu alma» → «украл твою душу») обеспечивает перенос базовой мифологической метафоры без её рационализирующей адаптации. Во-вторых, стоит обратить внимание на *анализ культурных референций, символов и знаков*, которые также можно проследить в представленных примерах, демонстрирующих работу с культурными символами: – зеркало как средство защиты от злых сил (*espejo*), – кресты из извести как синтез католической и местной защитной практики (*crucés de cal*), – копаль как элемент ритуального дыма, – кровавый круг и козлиная шкура как атрибуты магической метаморфозы. Полагаем, что КДА помогает переводчику определить, какие символы имеют функциональные аналоги в целевой культуре (зеркало, крест), а какие следует сохранять при переводе как реалии (копаль, кровавый круг, козлиная шкура), чтобы не сгладить этнокультурную специфику. В результате формируется комбинация стратегий, которая условно содержит как буквальный перевод символов, так и транслитерацию и частичную экспликацию культурно специфичных элементов.

В-третьих, с точки зрения *дискурсивных стратегий* показательное использование формы прямого обращения к читателю в ритуальных наставлениях: «Para evitar que *el nahual robe tu alma* mientras duermes, debes...» / Чтобы *нагуаль* не украл твою душу, пока ты спишь, нужно... Стоит пояснить, что здесь текст функционирует как инструкция, притча-предупреждение, что отражает воспитательно-назидательную функцию мексиканских легенд, поэтому в переводе сохранение будущего негативного сценария («не украл твою душу») поддерживает исходную дискурсивную стратегию, то есть предупреждение, и не должно быть простым описанием. В случае с Чанеками (*Chanèques*) формула «кресты... защищают дома крестьян от проделок чанеков» также воспроизводит прагматику традиционного знания, а именно дается не нейтральная информация, а подчеркивается практическая значимость рецепта защиты. Думается, на этих примерах КДА позволяет увидеть, что такие конструкции необходимо переводить с сохранением инструктивного, «прикладного» характера текста.

В-четвертых, если говорить об *идентификации культурных стереотипов и их контекстуализации*, то изображение колдуна (*brujo*) в легенде о Уай Чиво (*Waay Chivo*) потенциально могло бы войти в противоречие с устойчивыми стереотипами русскоязычного читателя (колдун как фигура, символизирующая исключительно злого персонажа). Однако в рассматриваемом контексте колдун (*brujo*) – участник сложной системы верований, связанной с нагуализмом и шаманскими практиками. Уместным будет заметить, что применение КДА позволяет зафиксировать, какие черты образа подчеркиваются в ИТ (ритуальная компетентность, связь с кровью и животной шкурой, способность к метаморфозе), сопоставить их с возможными ассоциациями у русскоязычного читателя ПТ, а затем при необходимости компенсировать возможные смещения при восприятии текста через комментарии, примечания или уточняющие описания. Аналогично, образы духохранителей (*Chanèques, Aluxes*) в исходной культуре не сводятся к «домовым» или «лесовикам», поэтому в переводе целесообразно сохранять оригинальные номинации, не подменяя их ближайшими славянскими аналогами.

Наконец, в-пятых, примеры из сборника мексиканских легенд «*Monstruos mexicanos*» показывают, что когнитивно-дискурсивный анализ позволяет *гибко комбинировать разные переводческие стратегии*: от формально-эквивалентного подхода через сохранение оригинальных реалий (*nahual, chanèques, copal, wixárika, Tukákame*) с минимальной адаптацией формы (транслитерация, иногда – сохранение латинской графики) до динамической эквивалентности через подбор функциональных аналогов для универсальных символов (зеркало, крест, молитва, портал), позволяющий обеспечить узнаваемость когнитивных схем для русскоязычного читателя. Так, при передаче обрядов защиты и призыва духов сохраняются имена и ключевые реалии, в то время как грамматическая и

синтаксическая организация высказываний адаптируется к нормам русского языка, не нарушая при этом исходные дискурсивные стратегии (предупреждение, наставление, описание ритуала).

Заключение

Подытоживая вышесказанное относительно возможностей применения когнитивно-дискурсивного анализа, заключим, что он представляет собой эффективный инструмент выявления и трансфера этнокультурного компонента при переводе мексиканских легенд. Предлагаемая двухфазная модель когнитивного моделирования – предпереводческий анализ исходного текста и постпереводческое редактирование переводного текста – позволяет системно соотнести когнитивные структуры, дискурсивные стратегии и языковые средства оригинала и перевода. На некоторых примерах, выбранных из сборника мексиканских легенд «*Monstruos mexicanos*», было показано, что этнокультурная специфика проявляется на разных уровнях: на историко-контекстуальном и региональном уровне (языковые реализации *wixárika*, *copal*, а также привязка к этносу уичолей и регионам Веракруса и Табаско); на уровне традиций и обычаев (ритуалы защиты от нагуаля с использованием зеркала, кресты из извести как синтез католической и местной практики, обряды призыва и магические метаморфозы); на религиозно-мифологическом уровне (образы *Nahual*, *Waay Chivo*, *Chanèques*, *Tukákame* как носителей мезоамериканского мифологического кода); на вербальном уровне (этнокультурно маркированные единицы *nahual*, *chanèques*, *copal*, *wixárika* и др., сохраняемые в переводе посредством транслитерации и экспликации).

Применение когнитивно-дискурсивного анализа даёт переводчику возможность: выявить ключевые концептуальные схемы и метафоры («граница миров», «угроза душе», «духи-хранители», «метаморфоза»), определяющие восприятие текста; распознать культурные референции, символы и знаки (зеркало, кресты из извести, копаль, кровь, животная шкура) и подобрать адекватные стратегии их перевода; учесть дискурсивные стратегии (инструктивность, назидательность, эффект достоверности) при реконструкции коммуникативного воздействия легенд; идентифицировать культурные стереотипы и скорректировать их интерпретацию в целевой культуре; осознанно лавировать между формальной и динамической эквивалентностью при передаче этнокультурной информации. Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход позволяет рассматривать перевод мексиканских легенд не только как перенос содержания, но и как трансфер культурных кодов, направленный на преодоление культурных барьеров и сохранение глубины и оригинальности мифологического наследия Мексики для русскоязычной аудитории.

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковая спираль : ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. 422 с. ISBN: 978-5-94244-062-6 EDN: SBJJWJ
2. Костикова О. И. Аксиология перевода в гуманитарной перспективе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2024. № 4. С. 7–46. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46 EDN: CPTJDX
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
4. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века : сб. статей. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 144–238.
5. Лесникова М. А. Когнитивное моделирование и языковая картина мира (на материале антологии С. Ансира “*Paisaje caprichoso de la literatura rusa*”) // Иностранные языки в контексте культуры : сборник статей по материалам XXI международной научно-практической конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 5 апреля 2024 г.) / отв. ред. С. В. Шустова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2024. С. 143–151. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Inostrannyeyazyki-v-kontekste-kultury.pdf> (дата обращения: 24.05.2025).

6. Ли Лунь. Роль и функции художественного перевода в XXI веке // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 58–62. EDN: FFRRRL
7. Олейник М. А., Горбатовский А. С. Моделирование культурного пространства как метод лингвокультурологического исследования художественного текста (на материале романа Д. Кельмана «Тыл») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 10. С. 3336–3339. DOI: 10.30853/phil20220564 EDN: IJRDQX
8. Пинягин Ю. Н. Трансляция национально-культурного пространства англичан // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 4. С. 69–88. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7 EDN: QRKQBZ
9. Хорошева Н. В., Горин Т. Г. Индихенизмы в мексиканском варианте испанского языка как лингвокультурные маркеры // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 70–81. EDN: GYBUDS
10. Хрусталева М. А., Никитина М. А. «Прекрасное» и «безобразное» в зеркале когнитивно-дискурсивного подхода к переводу // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Том 9. Вып. 3. С. 37–47. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-3-37-47 EDN: ZNLFWX
11. Leñero C. *Monstruos mexicanos* / il. K. Gomasio, M. Castro. 2.ª ed. Ciudad de México : Secretaría de Cultura, 2019. URL: <https://www.alasyraices.gob.mx/libros/MonstruosMexicanos.pdf> (дата обращения: 24.05.2025).

References

1. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow, Gnozis, 2019, 422 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-94244-062-6 EDN: SBJJWJ
2. Kostikova O. I. *Aksiologiya perevoda v gumanitarnoi perspektive* [Axiology of Translation in a Humanitarian Perspective]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Bulletin. Series 22. Translation Theory]. 2024, no. 4, pp. 7-46. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46 EDN: CPTJDX
3. Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies]. Moscow, Gnozis, 2002, 284 p. (In Russ.).
4. Kubryakova E. S. *Evolutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza)* [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (an attempt at paradigmatic analysis)]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science at the End of the Twentieth Century]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1995, pp. 144-238. (In Russ.).
5. Lesnikova M. A. *Kognitivnoe modelirovanie i yazykovaya kartina mira (na materiale antologii S. Ansira "Paisaje caprichoso de la literatura rusa")* [Cognitive modeling and the linguistic picture of the world (based on S. Ansir's anthology "Paisaje caprichoso de la rusa literature")]. *Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury* [Foreign languages in the context of culture]. Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. Perm, 2024, pp. 143-151. (In Russ.). Available at: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Inostrannyyeyazyki-v-kontekste-kul'tury.pdf> (accessed: 24.05.2025).
6. Li Lun'. *Rol' i funktsii khudozhestvennogo perevoda v XXI veke* [The Role and Functions of Literary Translation in the 21st Century]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities]. 2020, no. 2, pp. (In Russ.). 58-62. EDN: FFRRRL
7. Oleinik M. A., Gorbatovskii A. S. *Modelirovanie kul'turnogo prostranstva kak metod lingvokul'turologicheskogo issledovaniya khudozhestvennogo teksta (na materiale romana D. Kel'mana «Tyll»)* [Modeling cultural space as a method of linguacultural research of literary text (based on D. Kelman's novel "Tyll")]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2022, vol. 15, iss. 10, pp. 3336-3339. (In Russ.). DOI: 10.30853/phil20220564 EDN: IJRDQX
8. Pinyagin YU. N. *Translyatsiya natsional'no-kul'turnogo prostranstva anglichan* [Broadcasting the national cultural space of the English]. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Scientific Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics]. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 69-88. (In Russ.). DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7 EDN: QRKQBZ
9. Khorosheva N. V., Gorin T. G. *Indikhenizmy v meksikanskom variante ispanskogo yazyka kak lingvokul'turnye markery* [Indigenisms in Mexican Spanish as linguacultural markers]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 3, pp. 70-81. (In Russ.). EDN: GYBUDS

10. Khrustaleva M. A., Nikitina M. A. «Prekrasnoe» i «bezobraznoe» v zerkale kognitivno-diskursivnogo podkhoda k perevodu [“Beautiful” and “Ugly” in the Mirror of the Cognitive-Discursive Approach to Translation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Bulletin. Russian and Foreign Philology]. 2017, vol 9, iss. 3, pp. 37- 47. (In Russ.). DOI: 10.17072/2037-6681-2017-3-37-47 EDN: ZNLFWX

11. Leñero C. *Monstruos mexicanos* / il. K. Gomasio, M. Castro. 2.ª ed. Ciudad de México, Secretaría de Cultura, 2019. URL: <https://www.alasyraices.gob.mx/libros/MonstruosMexicanos.pdf> (accessed: 24.05.2025).

Информация об авторе

М. А. Лесникова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

M. A. Lesnikova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistik and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 28.10.2025.

The article was submitted 05.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 28.10.2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
М. Е. Шмырина НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	7
П. В. Хаярова ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРЕДАНИЙ О ПЕРЕ–БОГАТЫРЕ	13
Д. А. Баранов ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ПИСЬМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ С ВЛАСТЬЮ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» НА ПРИМЕРАХ «ПИСЕМ ВО ВЛАСТЬ» РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МОЛОТОВСКОЙ (ПЕРМСКОЙ) ОБЛАСТИ	26
ФИЛОЛОГИЯ	37
М. А. Щеголев АРХЕТИПЫ ЗЕМЛИ И НЕБА: КОНФЛИКТ И СИНТЕЗ ПАЛЕОЕВРОПЕЙСКОЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИН МИРА В МИФОЛОГИИ	37
Н. А. Архипова, А. А. Чешун ЛОГОТИП КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	45
И. И. Бакланова ПРОБЛЕМА ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ СЛОВ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ.....	54
Ю. Д. Егоркина ФУНКЦИЯ РЕЧЕВОГО ЗАПРЕТА В СТРУКТУРЕ ОБЕРЕГА: ТАБУ КАК ОСНОВА ЗАЩИТНОЙ СТРАТЕГИИ.....	61
К. А. Рязанцев ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИЧИН МИГРАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	69
М. Д. Харченко ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ КОД-СВИТЧИНГА В ПЕСНЯХ КОРЕЙСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ WOODZ.....	82
М. А. Лесникова ТРАНСФЕР ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕКСИКАНСКИХ ЛЕГЕНД: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ.....	92

CONTENT

HISTORY	7
M. E. Shmyrina TABLE-TOP GAMES OF THE MEDIEVAL POPULATION OF THE PERM PRE-URALS	7
P. V. Khayarova THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE LEGEND OF PER-BOGATYR	13
D. A. Baranov OFFICIAL DISCOURSE IN WRITTEN COMMUNICATIONS WITH THE AUTHORITIES DURING THE “THAW” PERIOD ON THE EXAMPLES OF “LETTERS TO THE AUTHORITIES” BY WORKERS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE MOLOTOV (PERM) REGION.....	26
PHILOLOGY	37
M. A. Schegolev ARCHETYPES OF EARTH AND SKY: CONFLICT AND SYNTHESIS OF PALEOEUROPEAN AND INDO-EUROPEAN WORLDVIEWS IN MYTHOLOGY.....	37
N. A. Arkhipova, A. A. Cheshun THE LOGO AS A STRATEGIC TOOL FOR VISUAL COMMUNICATION AND IDENTIFICATION IN THE MEDIA SPACE: FUNCTIONAL ANALYSIS, LEGAL ASPECTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS.....	45
I. I. Baklanova THE PROBLEM OF PHRASEOLOGIZATION OF WORDS IN SPONTANEOUS SPEECH.....	54
Yu. D. Yegorkina FUNCTION OF SPEECH PROHIBITION IN THE STRUCTURE OF A WARDING: TABOO AS THE BASIS OF A PROTECTIVE STRATEGY.....	61
K. A. Ryazantcev LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CAUSES OF MIGRATION IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE.....	69
M. D. Kharchenko THE USE AND FUNCTION OF CODE-SWITCHING MODELS IN THE SONGS OF KOREAN ARTIST WOODZ.....	82
Mariya A. Lesnikova INDICATING THE TRANSFER OF THE ETHNOCULTURAL COMPONENT IN THE TRANSLATION OF MEXICAN LEGENDS: A COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH.....	92

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2025. № 20

Ответственный редактор выпуска
Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

*Издается в авторской редакции.
Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником
Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 22.12.2025.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru